КН
24 С-1
М 80
Мошинский
На путях
к 1-ому...
М, 1928,

КН
24
М 80

И. Н. МОШИНСКИЙ

(ЮЗЕФ КОНАРСКИЙ)

НА ПУТЯХ К ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ Р. С.-Д. Р. П.

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XXXII

МОСКВА

КН
24
М 80

И. Н. МОШИНСКИЙ
(Юз. Конарский)

947 рд
М-87

НА ПУТЯХ К I-МУ СЪЕЗДУ Р. С.-Д. Р. П.

90-тые ГОДЫ В КИЕВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

1928

4 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

676374

Книжная Фабрика Центриздата Народов Союза ССР, Москва, Шлюзовый проезд, 6.

Главлит А 14218. Заказ № 1003. Тираж 3.000 экз.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Марксистскому поколению 90-ых годов по справедливости должно быть отведено такое же почетное место, какое было уделено в свое время историей русской общественно-политической мысли и революционной практики его заслуженным предшественникам: людям 20-х (декабристы), 40-х (утописты), 60-х и 70-х (народники) годов. Эту миссию девятидесятников предвосхитил в своих публицистических «Очерках русской жизни» любимый молодежью конца 90-х годов писатель-революционер, шестидесятник, Николай Васильевич Шелгунов. Незадолго до своей смерти Н. В. Шелгунов писал на эзоповском языке того времени так: «Девяностые годы будут формировать людей уже совсем не похожих на восьмидесятников... те, которые слагаются теперь, кончают гимназию и университеты — готовятся для жизни более отдаленного десятилетия. Это будет поколение тысяча девятисотых годов, когда, достигнув 30-летнего возраста, поколение это получит право на активную общественную деятельность. Теперешняя молодежь[1] начинает с изучения общественных фактов, из которых как логический вывод должно уже последовать само-собой: что делать? Движение это,

---

[1] Речь идет о кружке Н. В. Водовозова, П. Б. Струве, М. И. Т.-Барановского и др. По словам активного участника этого марксистского кружка, известного политического защитника и деятеля Февральской революции — Н. Д. Соколова, Н. В. Шелгунов поддерживал сношения с молодыми марксистами и именно им посвятил цитируемый очерк — см. «Русская Мысль», 1891 г., кн. IV. Параллельно с этим кружком теоретиков действовала в петербургском подполье с.-д. группа, руководившаяся М. И. Брусневым. К ней же примыкал Л. Б. Красин. Член этой группы В. С. Голубев был автором нашумевшего в начале 90-х годов адреса, поднесенного от имени петербургского пролетариата Николаю Васильевичу. Делегация, посетившая больного Н. В. Шелгунова, возглавлялась не менее популярным среди петербургского пролетариата вождем его, рабочим Федором Афанасьевым-Климановым. Пробуждались новые силы... На это намекает Н. В. Шелгунов.

нужно надеяться, для 1900-х годов создаст поколение деятелей... каких до сих пор Россия еще не выставляла... Движение это составляет очень крупное и отрадное явление теперешней умственной жизни Петербурга».

Похороны Н. В. Шелгунова (в марте 1891 г.), послужившие поводом к известной манифестации петербургского студенчества и передовых рабочих, демонстрации, в которой активную роль сыграл упомянутый марксистский кружок, были первым общественным событием, в связи с которым нашло себе место публичное выступление молодых русских марксистов-девятидесятников и многочисленной рабочей делегации, явившейся почтить своего любимого писателя вопреки директивам конспиративного центра «брусневцев». На венке от имени рабочих красовалась надпись: «Указателю пути к свободе и братству». Шелгуновская демонстрация имела огромное историческое значение. Обозначился новый этап русской революционной идеологии. Это пришедшее на смену народничеству новое направление питалось отчасти проникавшей через Дерпт и научные общества в самом Петербурге немецкой с.-д. литературой, отчасти случайно получавшимися в виде особой редкости (в переплетах и двойных стенках чемоданов) произведениями группы «Освобождения Труда». Наиболее, однако, основательным проводником идей Г. В. Плеханова и немецкой социал-демократии были те представители учащейся молодежи, пребывавшей в заграничных университетах, которые, благодаря близости и постоянному общению с Г. В. Плехановым и в качестве горячих его последователей, могли изустно проповедывать среди жаждущего «новых слов» русского студенчества сущность Плехановской критики народничества и учения его о перспективах русского рабочего и революционного движения.

Первыми умственными очагами, где восприняты были наиболее серьезно и раньше других новые идеи, были, конечно, столицы: Петербург, Москва и Варшава, а также немецкий Дерпт, где читающее студенчество имело в своем распоряжении всю немецкую с.-д. литературу, а затем Вильно, куда благодаря близости границы легче, чем в какие-либо другие центры, могли проникать издания группы «Освобождения Труда». В числе крупных центров, где раньше других зародилось и имело многочисленных последователей марксистское направление, где оно очень скоро перешло на рельсы практической с.-д. работы— был Киев. Киевским революционным кружкам, действовавшим после разгрома «Народной Воли», и их истории вплоть до I С'езда Р. С.-Д. Р. П. и самому С'езду посвящена эта книга.

Между тем Киеву — видному центру революционного движения на протяжении всего XIX столетия, особенно видную роль

сыгравшему в деле собирания с.-д. партии в конце 90-х и начале 1900-х годов — уделялось почему-то на протяжении четверти века слишком мало внимания.

Только в связи с 25-ти летием I С'езда Р. С.-Д. Р. П. киевским с.-д. организациям посчастливилось. Появилась довольно значительная литература, особенно ценны и содержательны работы: Б. Л. Эйдельмана «I С'езд РСДРП», П. Л. Тучапского «Из пережитого», Сборник истпарта: «К 25-летию I С'езда» и т. д. и исследование В. Манилова «Ист. соц.-дем. дв. в Киеве 80—90 г.г.», «Лет. Рев.», 1923 г. № 3-5. Однако, некоторые группы и отдельные деятели, сыгравшие свою роль в подготовке элементов будущей партии, остались или совершенно неизвестными или мало освещенными; между тем, революционное подполье старого Киева второй половины 80-х и 90-х г.г., несомненно, заслуживает самого пристального внимания исследователя, так как именно в эти годы заложен был прочный фундамент для дальнейшего строительства с.-д. партии. Киев исстари был центром конспирации (декабристы — Пестелевское Южное О-во, польское восстание 1863 г., украинские тайные об-ва: Кирилло-Мефодиевское братство, украинофилы, филиалы «Земли и Воли», «Народной Воли» и польского «Пролетариата»).

Благодаря сложному сплетению национальных взаимоотношений и репрессиям против «инородцев» и «иноверцев», здесь была благоприятная почва для революционной пропаганды. Вследствие соседства Галиции, Польши и Литвы (Вильно), благодаря связям с заграничной эмиграцией и с галичанами и исключительно благоприятным полицейским условиям, благодаря, наконец, незагруженности актива с.-д. подполья в Киеве местной работой—киевские организации раньше других окрепли организационно и самоопределились политически, чтобы взять на себя инициативу I С'езда. Истории многочисленных, постепенно сменявших друг друга кружков и организаций, процессу их дифференциации и интеграции, а также характеристике целой галлереи деятелей, выдвигавшихся на протяжении полутора десятков лет в киевском революционном подполье — посвящены нижеследующие страницы. Материалом для этой книги послужили преимущественно личные воспоминания, в некоторой части беседы с участниками и вожаками отдельных групп и воспоминания других товарищей-киевлян, уже опубликованные. К проверке его были привлечены киевляне — участники описываемых событий и групп.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МАРКСИСТСКИХ КРУЖКОВ В КИЕВЕ.

(1884—1892 г.).

В годы самой глухой политической и общественной реакции, когда после разгрома героической фаланги борцов «Народной Воли» все притаилось и умолкло, — в тихом Киеве, рядом с последними попытками народовольцев (кружки Похитоновой, Шебалина и Караулова), шла невидимая, тщательно законспирированная работа многочисленных тайных кружков — русских, польских и украинских, далеких от непосредственной практической работы, но сыгравших выдающуюся роль в деле выработки научного миросозерцания и политических программ. В первой половине 90-х г.г. многие из участников этих кружков уже вовлекаются в политические организации и в практическую социал-демократическую работу. Поэтому, для полного охвата описываемого в нашей статье периода, необходимо вернуться к середине 80-х г.г., когда складывались и работали кружки, организованные д-ром Фокиным и другими бывшими народовольцами, педагогом Ковалевским, д-ром Сонгайло и Нарутовичем и др., естественно перешедшие затем к социал-демократической программе.

I. Тайное общество «заговорщиков».

(Учрежденное д-ром М. Д. Фокиным и др. преемниками старого народовольчества на юге [1]).

Уцелевшие от киевских арестов 1884 и 1885 г.г. члены «Народной Воли» (Неклепаев, В. А., Ольшевский, В. П. и др.) вместе с прибывшими из др. городов б. народовольцами: из Одессы — Скляревичем, В. И., и из Казани — Фокиным, М. Д., поспешили

---

[1] Дальнейшее изложение основано, помимо личных воспоминаний автора, на сообщениях, материалах и письмах поныне здравствующих учредителей о-ва: М. Д. Фокина и В. И. Скляревича.

восстановить тайную организацию, но на совершенно новых началах. Программа была подвергнута радикальному пересмотру, разработан план широкой всероссийской партийной организации; вся энергия нового тайного общества направлена на подготовку и воспитание кадра будущих революционеров. В противность анархо-бунтарству семидесятников верные заветам «Народной Воли» учредители киевской организации ставят во главу угла своей программы «политику» и захват власти; но в развитие организационных начал, выдвинутых практической деятельностью «Народной Воли», киевляне вырабатывают целую систему организационных мероприятий, имеющую своей целью создание новой всероссийской революционной партии, которой они в терминах того времени дали несколько неподходящее название — «заговора». Поэтому направление, которого придерживалась инициативная группа, возглавлявшаяся М. Д. Фокиным, стало называться в кругах посвященных «заговорщицким», а впоследствии созданным этой группой кружкам и всей организации в целом после ее ликвидации присвоено было (уже в 90-х г.г., имя активнейшего из ее учредителей М. Д. Фокина и остались они в хронике киевского подполья под наименованием «фокинских». Поставив себе столь грандиозную задачу, которая была, конечно, не по силам провинциальному центру, киевские «заговорщики» на деле осуществили гораздо более скромную, но весьма почтенную задачу — воспитали для дальнейшей общественной и политической деятельности довольно значительный кадр идейных работников.

Ядро организации занято было разработкой организационных планов и пересмотром программы и плана действий Исполнительного Комитета Народной Воли, периферийные же кружки— были школой для подготовки нужных этому центру тайного общества людей.

Таким образом, присвоенное описываемой организации наименование «заговорщицкой» мало соответствует содержанию ее деятельности и не должно связывать ее в нашем представлении с образцами известных в истории тайных сообществ вроде «карбонариев», «четырех времен года» и т. п. По существу это была типичная организация переходного времени, направившая всю свою деятельность преимущественно на теоретическую выработку новой программы и подготовку кадра работников для осуществления замышляемого «в болсе или менее отдаленном будущем» революционного переворота.

Виднейшим из организаторов «заговора» был упоминавшийся выше студент-медик М. Д. Фокин.

Летом 1884 г. он прибыл в Киев и поступил на 4-й курс медицинского факультета. Это был бурный академический год, когда киевское студенчество, воспользовавшись официальным пяти-

десятилетием университета, устроило беспорядки в знак протеста против ретроградной политики известного мракобеса министра просвещения Д. Толстого. В 1884 г. был отменен старый устав, уничтожены последние следы университетской свободы и самоуправления; студенчество забунтовало, город был приведен чуть ли не на военное положение.

Бунтующее студенчество было разгромлено, университет закрыт — и вот среди водворившейся гробовой тишины и уныния было создано под носом у политической полиции широко разветвленное тайное общество, целью которого было собирание сил («собирание Руси» — как говорили учредители) для грядущих боев с царизмом. М. Д. Фокин вместе с упомянутыми народовольцами сумел очень скоро создать центральную организацию с многочисленными филиалами из студентов старших курсов университета.

Его инициатива встретила у вышепоименованного В. А. Неклепаева и его сотоварищей самый радушный прием. Они также и вполне самостоятельно пришли к заключению о необходимости пересмотреть программу и план действий Исполнительного Комитета «Н. В.» и выработать новую организационную структуру.

Структура эта значительно усовершенствовала схему организации «Народной Воли» и заимствовала некоторые черты из уставов исторически известных тайных обществ — масонов, карбопариев и т. п. заговорщических организаций.

Центр тайной организации был облечен почти диктаторской властью и пополнялся исключительно путем кооптации. В организации «заговорщиков» о какой-либо выборности не могло быть, конечно, и речи.

Второй степени кружки были периферийные организации, не посвященные в заговор, но приобщенные к политической, революционной программе тайного общества. Здесь прорабатывали и изучали социально-политическую программу организации, ее тактику и ближайшие цели.

Наконец, третьей степени кружки — были кружки для широкого гуманитарного самообразования, где шли систематические занятия, рефераты и дискуссии по всем областям знания.

Руководители тайного общества исходили из принципа, что революционер должен быть облечен авторитетом общественно образованного гражданина и легко ориентироваться в окружающей обстановке. Поэтому кружкам третьей степени, куда принимались свежие силы, не прошедшие еще цикла познаний, требуемых для членов первых двух кругов общества, были предоставлены все средства для научных занятий — хорошо обставленные библиотеки, главным образом, по общественно-эконо-

мическим и политическим вопросам, систематические, тщательно разработанные каталоги и опытные руководители.

Лучшие представители этих кружков принимались в политические кружки второй степени и здесь должны были вырабатывать свое политическое «credo».

И только лучшие из лучших удостоивались попасть в центр и быть посвященными в тайну заговора.

Для ограждения организации от опасности извне и от распада изнутри были признаны священными и ненарушимыми два основных правила общества: « тайна» и «единство».

Конспирация, доведенная до пределов, которые теперь кажутся утрированными, диктовалась обстановкой малолюдного города и опасностью обывательского и полицейского сыска. Даже посвященные не знали подлинных имен и фамилий других членов общества, цели его были известны только центральному кружку. Членам общества было строго воспрещено брать и держать у себя нелегальщину. Как принцип, допускались к обращению между членами только легальные издания.

Вообще как кардинальный принцип заговорщицкой конспирации исключалась всякая «документальность». Заседания и постановления тайного общества не протоколировались, никаких записей не допускалось. Строжайше запрещено было держать у себя на квартире какие либо документы, сохранять письма, адреса, конспиративные записи или фотографические карточки. Запрещалось общение со скомпрометированными арестом или слежкой товарищам и т. д., и т. д.

Собрания и кружковые занятия у кого-нибудь из членов организации строжайше воспрещались. Общество тратило большие средства на наем конспиративных квартир для каждого из своих кружков. Это была одна из крупнейших статей бюджета общества. Собраниям для отвода глаз придавали характер товарищеских попоек и вечеринок. Члены общества проходили специальный конспиративный стаж. Начинающим давались специальные конспиративные поручения для испытания их деловитости, аккуратности, находчивости и самообладания. Вырабатывалась чисто немецкая аккуратность и точность. Случаи неисправности, запаздываний или неявки в условное место строго преследовались и влекли суровое осуждение.

Запрещалось также впутываться в какие-либо авантюры — с наезжающими эпигонами «Народной Воли» или других партий, обычно запачканными слежкой, организующими тайные типографии, заранее спровоцированные жандармами и т. д. Дегаевщина тогда совершенно отравила подполье, и, прежде всего, решено было отгородиться от всех старых организаций — возвести между собой и внешним миром стену молчания. Принцип тайны был основою этого заговорщического общества. Никто не имел

права проговориться о существовании, целях и составе общества. Провинившиеся подвергались строгим взысканиям.

Второй принцип — железная дисциплина, «единство». Всякий нарушитель ее, — под благовидным, хорошо обставленным, предлогом, — исключался из состава своего кружка, не подозревая о совершившемся. Однако, не все члены общества, особенно в последние годы его существования (90-е г. г.), оправдывали оказанное им доверие. Порою в периферийные кружки попадала зеленая молодежь, недостаточно серьезная, легкомысленная и подлежавшая поэтому «чистке». Но в условиях того мрачного десятилетия эта операция чревата была тяжелыми для организации последствиями.

Из обоих основных положений, на которых покоилась незыблемость организации, вытекало третье кардинальное правило, диктовавшееся условиями подпольного существования, свято соблюдавшееся — по крайней мере в первые годы существования общества, это повышенные требования, пред'являвшиеся к кандидатам, намечавшимся в каждую из ступеней «заговора».

Для того, чтобы «собрать дружину» (любимое выражение М. Д. Фокина) из людей, действительно готовых на все, способных на тяжелый революционный подвиг, заговорщики производили тщательный отбор из намечавшихся молодых людей. Прежде всего, требовалась личная смелость, отвага, готовность пожертвовать своей жизнью. Требовались сильные не только духом, но и телом. Недостаточно сильные физически потом в организации усиленно занимались физической культурой; спорт всех видов культивировался самым усиленным образом. Отбирались обладающие большой силой воли и выдержанным характером — люди «с закалом». Наконец, наиболее важное условие — ум, дарования, таланты. Талантливыми людьми дорожили особенно. Организация брала на свой счет содержание способнейших членов, чтобы они не тратили времени и сил на бегание по грошевым урокам. Для успешности заговора и для управления государством на другой день после ниспровержения самодержавия потребуются одаренные, сильные умом и характером люди; поэтому тайное общество затрачивало немалые средства на содержание значительного количества своих талантливых «пенсионеров».

Правда, не все оправдывали возлагавшиеся на них надежды. Многие вскоре после окончания курса становились обывателями и постепенно отходили от тайного общества. Забравшись в провинцию, они порывали связь с центром и становились заурядными карьеристами. Наоборот, в числе видных в дальнейшем научных и общественных деятелей попадались выходцы из состоятельных слоев общества, не пользовавшиеся материальной поддержкой «заговорщиков».

Общепризнанным главою этого общества надлежит, повидимому, считать именно М. Д. Фокина, который задолго до прибытия в Киев прошел значительный революционный стаж в рядах «Народной Воли», вел пропаганду среди южно-русского крестьянства и был одним из энергичнейших организаторов студенчества в Харькове и Казани. Окончил он Киевский университет в 1887 г. и в качестве ассистента известного на юге профессора Стуковенкова занял солидное легальное положение, весьма облегчавшее ему намеченную им «заговорщическую» работу.

Несколько слов об этом выдающемся организаторе, личность которого при мрачной обстановке революционного подполья того времени осталась в памяти современников, стоявших в стороне от тайного общества, окруженной какой-то легендой.

Михаил Дмитриевич Фокин (1884 г.).

Доктор Михаил Дмитриевич Фокин — личный друг и сподвижник пионера социал-демократической пропаганды 80-х годов в рабочей среде (в Казани и Харькове) д-ра Дмитрия Дмитриевича Бекарюкова, — одна из интереснейших исторических фигур революционного подполья середины 80-х г.г. Доктор М. Д. Фокин так же, как и его друг Д. Д. Бекарюков, посвятил лучшие годы своей жизни нелегальной организационной и политико-просветительной работе — в самые мрачные годы царствования Александра III. Оба были земляками (родом из смежных уездов Харьковской и Курской губ.), вместе учились в средней школе и в университете (в начале 80-х г.г.). Оба принимали деятельное участие в общественной жизни современного им студенчества и оба систематически изгонялись из университетов. Когда в 1884 г. М. Д. Фокин, покидая Казанский университет, был озабочен передачей созданных им кружков в верные руки, таким надежным и достойным преемником его оказался опять тот же известный в истории партии т. Бекарюков. В этом созданном М. Д. Фокиным вместе с д-ром П. Ф. Кудрявцевым (с.-р.) казанском кружке участвовал также (в средине 80-х г.г.) Максим Горький. Об этом кружке и о своей работе пишет сам д-р Фокин

в письме, опубликованном Вл. Золотницким [1]. Об этом же кружке сообщает также другой из его участников в следующих выражениях:

«Нашим кружком руководил студент-медик М. Д. Фокин, человек, в то же время обладавший большой физической силой и звучным голосом, с выразительной аффектацией, диалектик, знающий, развитой... Он казался нам недосягаемым идеалом... Направляя нашу мысль, он давал нам массу работы на дом. Дома мы читали и реферировали Михайловского, Спенсера, Кареева и др. У меня, например, был прореферирован весь Михайловский... Да, мы работали серьезно... Лекции были заброшены— мы учились совсем другому... Организация кружка была такая, что каждый после известного искуса становился во главе своего (нового) кружка... Завершалось дело изложением практической программы».

Сам д-р Фокин в своем письме Вл. Золотницкому пишет, поясняя цели и характер созданных им в Казани кружков, копией которых были организованные им же во второй половине 80-х г.г. киевские кружки, перешедшие в историю киевского подполья под именем «фокинских»:

«Нашей задачей было — общими силами выработать и прочно обосновать свое социалистическое и революционное миросозерцание, а затем точно формулировать и определить свою политическую ориентацию...

«Во-вторых — рядом с выработкой своего политического миросозерцания, кружок ставил своей практической задачей в ближайшее же время проникнуть во все учебные заведения с целью вербовки революционно-настроенных элементов... В дальнейшем развитии работы проектировалось создание целого ряда филиальных кружков, кои все должны были группироваться вокруг основного кружка и действовать согласованно по общему плану. Вот то направление, в котором велась работа в революционной кружковой организации, создавшейся при моем непосредственном участии... до мая 1884 г., а после, до 1886 г., руководство основным кружком перешло к моему близкому товарищу Д. Д. Бекарюкову».

Друзья детства и товарищи по подполью держались, однако, не одинаковой политической линии: оба они принадлежали к поколению, выросшему на традициях 70-х гг., на лозунгах «Земля и Воля»; но Д. Д. Бекарюков был ближе к «Черному Переделу», а М. Д. Фокин преклонялся перед программой «Народной Воли» и ее вождем Андреем Желябовым.

Как видно будет из дальнейшего изложения, программа и план действий последней подверглись при пересмотре ее нашими

---

[1] «Прожектор», 1926 г., № 5.

киевлянами жестокой критике. Иллюзии народничества, отдавая дань которому М. Д. Фокин сам в течение ряда лет усиленно «ходил в народ», были им и его друзьями теперь изжиты. Особое внимание М. Д. уделяет теперь вопросам перестройки подпольного тайного общества по типу широко разветвленной партии народных масс. Кроме того, М. Д., как и его ближайшие сподвижники, посвящает много сил и времени разработке программ занятий и руководству последними в подготовительных кружках тайного общества.

Обладая большой силой воли, обаятельной внешностью и характером, а также всесторонним образованием, М. Д. стал кумиром привлеченной в общество молодежи и пользовался неотразимым влиянием.

Владимир Иванович Скляревич (1882 г.)

Второй — виднейший из учредителей общества, старый товарищ М. Д. Фокина по руководству студенческими беспорядками 1882 г. в Харьковском университете — Владимир Иванович Скляревич, также в прошлом (с 1879 г.) член «Народной Воли», в киевском тайном обществе пробыл до 1891 г. По выходе из состава этого общества он примкнул к другим действовавшими в то время революционным организациям, за что был сослан в Сибирь, где (в Иркутске) проживает и поныне. Оба учредителя тайного общества принимали активное участие в событиях революции 1905 г.: первый — в Москве, второй — в Оренбурге, откуда в качестве с.-р. был сослан на поселение.

Из местных киевских деятелей «Народной Воли», примкнувших к М. Д. Фокину, особого внимания заслуживает сподвижник известного в 80-х годах неуловимого организатора-народовольца Сабунаева — глава киевских народовольцев (в 1885 г.) Владимир Акимович Неклепаев (из гр. Шебалина). Он подвергался преследованиям за связь с Сабунаевым, вскоре должен был выйти, по конспиративным соображениям, из состава тайного общества и затем отправлен был в ссылку.

Из сподвижников Неклепаева, В. А., присоединившихся к «заговорщикам», надлежит отметить троих поляков, впоследствии примкнувших, кажется, к польскому революционному движе-

нию: Витольда Павловича Ольшевского, Ярослава Петкевича и Георгия Ржевусского.

Наконец, из состава этой н. в. группы в среду заговорщиков вступил известный впоследствии юрист, выделявшийся своими крупными способностями и большим образованием, Затворницкий, Яков Михайлович, который однако после переезда в Харьков отошел от «заговорщиков» и предался исключительно культурной деятельности. Из других активных членов общества заслуживают быть отмеченными: Евгений Станиславович Токарский, в настоящее время видный хозяйственник на Украине, Станислав Владиславович Родзевич, Евгений Юстинович Лозинский — в дальнейшем теоретик «махаевщины», Владимир Яковлевич Железнов, потом известный, весьма популярный среди учащейся молодежи политико-эконом и профессор, братья Синицкие — Евгений Данилович (юрист, потом профессор Ярославского лицея) и Леонтий Данилович (потом ученый этнограф и географ), Николай Прокофьевич Василенко (ныне вице-президент Украинской Академии Наук, заслуженный общественный деятель и историк), Юльян Наркевич (юрист).

Евгений Станиславович Токарский (1885 г.).

В. И. Скляревич, откликнувшийся на первую мою статью, помещенную в № 5 «Кат. и Сс.» за 1927 г., просит указать еще несколько видных участников этого «заговора», случайно мною не упомянутых. На первом месте должен быть поставлен ближайший и энергичный сподвижник М. Д. Фокина Троицкий, Леонид Викторович (кличка «Иван Петрович», «Макиавелли»), заведывавший финансами тайного общества, изысканием путей к добыванию таковых и вообще всей деловой и конспиративной частью деятельности общества. Затем Владимир Иванович называет фамилии др. активных работников общества. Это были: Василий Егорович Каледин, Мария Викторовна Огданович, Александра Ларионовна Людоговская и Улита Никифоровна Красицкая. Возвращаясь к первому из них, надо сказать, что не всегда тактичная деятельность Л. В. Троицкого стала вызывать к концу 80-х г.г. трения в среде тайного общества

и протесты некоторых членов общества, давшие повод к нелепым слухам и сплетням.

Утверждали, например, будто «фокинская» организация, нуждаясь в средствах для своих тайных целей, поощряет браки по расчету, оправдывая свои действия иезуитским принципом «цель оправдывает средства».

Главным организатором этих, так называемых «фиктивных браков», которые тогда были бытовым явлением, как одно из лучших средств раскрепощения женщины от пут буржуазной морали, был именно Л. В. Троицкий. Но обывательская сплетня набросилась на эту сторону деятельности тайного общества, как на одно из доказательств безнравственности его принципов.

По этому пункту В. И. Склярович говорит в письме к своему старому сподвижнику М. Д. Фокину нижеследующее [1]:

«Хотя мы никогда не поощряли браков по расчету или из расчета, но нередко прибегали для извлечения материальных средств к «фиктивным» бракам наших сочленов, т.-е. к таким, которые, оставляя брачущихся совершенно свободными по отношению к реальным супружеским отношениям, в глазах так называемого культурного общества получали характер действительных супружеств, заключаясь в церкви и приводя (не всегда конечно) к сожительству на одной квартире. К таким бракам постоянно прибегали русские революционеры («чайковцы», «бунтари», «землевольцы», а особенно «народовольцы»). Нам же, по характеру нашей тактики, исключавшей возможность в начальной стадии развития организации прибегать к насильственному захвату принадлежащих царскому правительству имуществ, быть может более, чем нашим предшественникам, приходилось прибегать к подобному способу приобретения материальных средств. Ничего аморального в таких браках, конечно, нет даже с точки зрения общепринятых в тогдашнем культурном обществе воззрений, если они хоть немного возвышались над церковнической моралью. Ну, а с последней мы, само собой разумеется, никогда не считались. Мне думается, что обращение (нашего общества) к фиктивным бракам именно и создало, как в нашей собственной периферии, так и в обывательской среде, легенду о браках по расчету, подхваченную сплетней и одобренную клеветой, как это всегда бывает в «обывательской и полуобывательской среде»...

Однако эти вздорные разговоры, ходившие весьма некстати по городу, создали на седьмом году существования тайного общества опасную огласку. О скрытых планах и составе общества

---

[1] Письмо это (из Иркутска) от 6-го января 1928 г. хранится в архиве автора.

1003—2

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

стали проникать слухи в обывательскую среду. Трения внутри кружков влекли порою раскол и вражду. Имя организатора д-ра Фокина стало повторяться в кругах, совершенно непосвященных. Недовольство и обида, затаенные некоторыми из удаленных за «несоответствие» или «нескромность», превратили их в ожесточенных врагов д-ра Фокина. В обстановке небольшого городка, каким был Киев 40 лет назад, эта огласка сопровождалась клеветой и сплетней, незаслуженно набросившей тень на эту организацию, которая в глазах историка нашего революционного движения является одной из интереснейших попыток создать революционные кадры, необходимые для надвигавшихся событий.

С тех пор прошло много лет, однако эти непроверенные слухи и поныне продолжают повторяться даже в революционной среде. Необходимо при помощи печатного слова восстановить истину.

Бытовая обстановка, в которую была поставлена жизнь революционера, загнанного в подполье и лишенного возможности защищаться от клеветы, не может остаться неисследованной — это кусок подлинной жизни, полной трагических переживаний. А ведь, многие образованные и передовые киевляне вполне искренно верили этим небылицам и, наслушавшись росказней о д-ре Фокине, не допускали своих близких даже в невинные кружки самообразования. Между тем, именно этой таинственной организации десятки, сотни молодых людей обязаны своей общественной, политической или научной карьерой. Некоторые перешли в лагерь социал-демократии, другие к с.-р., третьи приобрели крупное имя научных и общественных работников; но никто из многочисленных участников «фокинских» кружков не сможет сказать про годы своего пребывания в этой организации что-либо, кроме хорошего.

Организации, правда, нужны были крупные средства. Некоторые из членов отдавали свой заработок от уроков, другие — состоятельные — отдавали в общую кассу свои (порою — большие) излишки. Крупные средства нужны были, как сказано, на содержание как конспиративных квартир, так и членов общества. Для того, чтобы обеспечить материальную поддержку неимущим, но талантливым сотоварищам, чтобы с'экономить их силы, здоровье и способности, тратилось много денег. Больных надо было лечить. Для занятий постоянно приобретались книги, порою весьма ценные. Члены общества составляли истинную «коммуну». Не допускалось, чтобы состоятельные члены жили «в свое удовольствие», а рядом бедствовали несостоятельные и слабые. Первые отдавали все, что превышало прожиточный уровень, а вторые были как бы иждивенцами общества.

И вот это-то «преступное» сообщество идеалистов, готовившихся к почетной общественной и революционной работе, тай-

ное общество, которое было поистине школой товарищеской добропорядочности, — злопыхательствующей обывательщиной изображалось в виде какого-то иезуитского ордена, не брезговавшего средствами для достижения своих фанатических целей.

Между прочим, на вопрос о том, откуда взялись разговоры о лозунге — «цель оправдывает средства», было дано раз'яснение, что подозрение в иезуитизме может быть об'яснено, по всей видимости, слухами о ведшихся одно время дебатах, допустимы ли политические убийства. Спорщики оправдывали убийство Стрельникова ссылкой на политическую необходимость и на упомянутый принцип о святости всех средств в борьбе с царизмом.

По этому поводу в упомянутом выше письме В. И. Скляревич дает следующее дополнение:

«Обращаясь к вопросу о том, будто бы иезуитский принцип «цель оправдывает средства» был одним из лозунгов нашей тактики и вполне соглашаясь с тем, что приписывание нашей организации подобного этико-тактического принципа является результатом клеветы «злопыхательствующей (как сказано в статье Мошинского) обывательщины», я совершенно не согласен с об'яснением порождения этой клеветы спорами в среде нашей организации по поводу допустимости политических убийств. Да разве в нашей среде могли быть подобные споры?

В кружках саморазвития не было почвы для возникновения их, а в самой организации относительно применения в борьбе с царизмом как террора во всех его видах, так и других, с точки зрения обыденной морали, непозволительных способов и средств борьбы, не было и не могло быть двух мнений. От применения террора в первой стадии развития нашей организации нас удерживали исключительно соображения конспиративного характера, что касается до последующих стадий ее развития, то мы с вами прошли слишком достаточный стаж в кружках и организациях «Народной Воли» (я лично с 1879 года), чтобы церемониться с сателлитами царизма и с самим царем. Поэтому я нахожу необходимым твердо установить, что, никогда не признавая принципа «цель оправдывает средства» — в его общей и безотносительной форме, мы в борьбе с царизмом признавали и не могли не признавать допустимыми все возможные способы и средства, совершенно игнорируя, по вкусу ли они окажутся для представителей общепринятой морали».

Обвинение в иезуитизме было лживо, но скрытая цель клеветников была достигнута: тайна существования общества была предана огласке, и оно вынуждено было ликвидироваться. В течение 1891 — 92 г.г. оно постепенно было распущено, и

в 1892 г. его главари раз'ехались, часть их переселилась в Москву, рассчитывая возобновить свою попытку в более крупном масштабе в столицах, другие оставались в провинциальной глуши и совершенно отошли от общества, иные выдвинулись на разных поприщах общественной, научной и политической жизни.

Перейдем к описанию подготовительной работы тайного общества.

По замыслу инициативной группы решающую роль в деле воспитания нужных тайному обществу молодых характеров должен был играть кружковой коллектив. Поэтому организаторы тайного общества приложили все усилия к тому, чтобы кружковые сходки и занятия являлись для посетителей их не скучным выполнением обязанностей, а радостным праздником. Занятия и беседы были увлекательны по своему содержанию, таинственная обстановка, которой они обставлялись, придавала им особенно притягательную силу.

Занятия в начальных кружках [1] начинались с изучения классиков русской и иностранной художественной литературы, особенно произведений тенденциозного содержания и социально-политического характера (Чернышевский — «Что делать», Омулевский — «Шаг за шагом», Вологдин — «Хроника села Смурина», Шпильгаген — «Один в поле не воин», Золя — «Жерминаль» и т. п.). Параллельно шло изучение литературных критиков и публицистов, особенно статей, посвященных разбору прочитанных в кружке художественных произведений наших классиков (Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Островского и т. д.), а именно сочинений Белинского, Писарева, Добролюбова, Чернышевского. При полном отсутствии политической литературы, которая давала бы читателям правдивую историю борьбы за раскрепощение народных масс и за свободу — русское общественное движение, начиная с людей 20-х годов и далее 40, 60 и 70-х годов постольку, поскольку оно находило себе отражение в художественной и критической литературе, могло быть изучаемо именно по произведениям художественной литературы. Среди зеленой, чуткой ко всему прекрасному и героическому, подвижнически настроенной, молодежи это чтение будило лучшие человеческие чувства и вызывало у нее стремление к подражанию положительным типам вроде Рахметова, Базарова, Рудина и т. д.

---

[1] Описание этих кружков дает некоторое представление и о позднейших школьных кружках, эволюционировавших к 1893/94 г.г. в сторону марксизма, поэтому я и останавливаюсь на них несколько подробнее; этим позднейшим посвящен один из дальнейших очерков.

В кружках на ряду с систематическим чтением шла работа над образованием юношеских характеров в желательном для «заговорщиков» направлении и над укреплением воли юношей. После художественной литературы и критики шло изучение научных дисциплин, долженствовавшее воспитывать молодежь в духе естественно-научного материализма (по Писареву, Бюхнеру, Фохту, Молешотту, Дарвину и др. авторам), биологии, физиологии, истории мироздания, психологии (в наше, более позднее, время особое внимание уделялось произведениям Тимирязева — «Дарвин и его учение», «Жизнь растения»), и только после цикла естественных наук следовало на второй, иногда на 3-й год кружковых занятий изучение социологии, философии и истории русской и всеобщей. Заканчивался этот цикл отечествоведением: экономический строй, промышленность, сельское хозяйство, социальные классы русского народа, русская община, судьбы капитализма и т. д.

Для планомерности занятий этим кружкам были предоставлены каталоги или программы систематического чтения, а также соответствующие комплекты литературных произведений и научных пособий. Эти же программы принимались к руководству и позднейшими, именно теми нашими школьными кружками, о которых речь идет дальше. В распоряжение кружков предоставлялись также целые специально подобранные применительно к систематическим каталогам для чтения библиотечки, особенно из книг из'ятых из употребления или запрещенных. Тогда строго запрещены были многие научные книги, как, напр., соч. Лассаля и сочинения «грубо-материалистического» направления — вроде Бюхнера «Сила и материя», издания «чайковцев», печатавшиеся под фирмой «Издание Полякова», и все произведения писателей шестидесятников из славной стаи «Современника» и «Русского Слова»—Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Омулевского и др., а также лучшая из тогдашних книг по отечествоведению — Флеровского — «Положение рабочего класса в России». Из запрещенных журналов 60-х и 70-х г.г. («Современник», «Русское Слово», «Дело», «Отечественные Записки» и др.) составлялись тенденциозно подобранные сборники — единственный тогда источник для изучения положения народных масс (книга Флеровского была большою редкостью). Занятия в этих кружках не ограничивались совместным чтением и компилированием или комментированием прочитанного или реферированием материала. Загорались нередко жаркие споры и оживленные диспуты по наиболее жгучим вопросам текущей русской и иностранной жизни, философии и литературы.

Прошедшие общеобразовательный курс на 1-й ступени могли попасть в следующую ступень при условии, если в них наблю-

дался искренний интерес к революционному движению и преданность трудящимся. Здесь шло основательное изучение русского и европейских революционных движений и заговоров, структуры и уставов особо прославившихся тайных обществ: масонов, карбонариев, декабристов. Особое место занимало изучение и беспощадная критика народнических и бунтарских направлений 70-х годов. Анархическому бунтарскому народничеству 70-ков противопоставляли (и старались привить своим питомцам) начало государственности, дисциплинированного заговорщичества и более реальной оценки соотношения борющихся в царской России общественных сил: «правительственной партии», т.-е. партии господствующего класса, и эксплоатируемых им распыленных народных масс, во главе которых должна стать организующая сила «заговорщицкого» направления. Так работали описанные выше кружки обеих ступеней. В этой подпольной лаборатории был произведен блестящий опыт коллективной и индивидуальной работы над воспитанием своих сочленов в духе служения обществу и народу. Коллектив подпольного кружка здесь, как и всюду в царской России, оказывался идеальной воспитывающей средою, в которой росли будущие общественные и политические работники; здесь полностью выявляли себя революционный темперамент или научные наклонности, здесь обнаруживались характеры и прочие особенности каждой индивидуальности. Товарищеский коллектив беспощадно вытравлял все пережитки, все привычки и предрассудки мещанского быта, из которого только что вырвались эти «обывательские дети» (по определению одного из руководителей этих кружков Л. В. Троицкого). Особо тяжелую борьбу с мещанскою средою приходилось вести вырвавшимся из нее ценою героических усилий юным девушкам. За отсутствием, — вне пределов описываемых кружков, — широкой общественной жизни (ведь кругом царила мертвая реакция) все интересы членов тайного общества были сосредоточены в тесном товарищеском кругу. Занятия шли спокойно, серьезно, молодые люди получали действительно основательную научную подготовку и потому большинство членов общества в дальнейшем сделало серьезную научную или общественную карьеру. Руководители тайного общества убеждены были, что мертвый штиль Победоносцевского режима сменится, наконец, бурным периодом общественного и политического под'ема, и задались поэтому целью подготовить своих питомцев для других более интересных времен. Д-р М. Д. Фокин доказывал своим друзьям, что эта незаметная работа их даст прекрасные плоды впоследствии, когда «настанет настоящий день» (выражение Добролюбова) и потребуются энергичные и идейные общественные работники, — новая историческая эпоха не должна захватить нас

врасплох, говорил он, «подобно евангельским спящим девам с погашенными светильниками».

Один из учредителей описываемого тайного общества М. Д. Фокин — по просьбе автора — восстановил отчасти по памяти, главным же образом, по случайно сохранившимся черновым записям, как мотивы, побудившие киевских «заговорщиков» к пересмотру старой программы и тактики, так и выработанные ими новую программу и план работы тайного общества «заговорщиков».

«В Киеве в самом начале 1885 года, пишет М. Д. Фокин, сформировалась инициативная группа, приступившая к организации тайного общества, порвавшего все связи со старым народовольчеством и занявшегося исканием новых путей для осуществления тех же основных целей его, т.-е. ниспровержения самодержавия. Об'яснялось это новое направление революционной мысли — в самый разгар правительственной реакции после убийства Александра II — следующими обстоятельствами переживаемой эпохи: банкротством народовольческой боевой программы, полным разгромом партии «Народной Воли» и видимой бесплодностью жертв, понесенных ею в этой героической схватке с царским самодержавием. Все это вызвало в уцелевших революционных кружках горькое чувство разочарования. Методы борьбы и даже программа народовольчества, особенно его народническая идеология, требовали переоценки, чувствовалась острая потребность в решительном пересмотре установившихся взглядов, в критике некоторых теоретических предпосылок программы «Исполнительного Комитета». Необходимо было произвести ревизию не только теоретических воззрений наших предшественников, но также, — это особенно характерно для нашего «заговорщического» направления, — радикально изменить тип организации, методы и приемы практической работы в революционном подполье, самую технику постановки этой работы. Новое направление — полная антитеза анархо-бунтарству и недисциплинированности семидесятников, продолжавшему организационно раз'едать даже народовольческие кружки. Они зачастую игнорировали жесткую дисциплину и последовательный организационный централизм, а именно эти начала были признаны важнейшими в строении новой организации. В противовес «вспышкопускательству» и недисциплинированности старых бунтарей, в противоположность революционнному «кустарничеству» и партизанщине прежних боевых выступлений новое направление, присвоившее себе, быть может, не вполне согласно с научным определением «заговорщичества» наименование «заговорщического», приступило (по крайней мере в идее) к построению организации совершенно нового типа. Говоря образно, мы рисовали себе наш «заговор» в виде длительного,

рассчитанного на долгие годы динамитного подкопа под твердыню царизма, который должен увенчаться в момент исторически неизбежного наступления народной революции закладкой и взрывом мины, т.-е. вооруженным восстанием и захватом власти. Тайное общество было рассчитано, в идее, на длительное существование и на долгие годы упорной, подготовительной работы, — этим оно коренным образом отличалось от всех прежде существовавших недолговечных и аморфных типов революционной организации. Так же точно «заговорщическое» направление во многом разошлось и с установившимися традиционными взглядами на роль личности в истории, на роль крестьянской общины и вообще довольно трезво относилось к повторяющимся все еще в программе Исполнительного Комитета «Народной Воли» народническим иллюзиям [1]. Наше общество, верное основной задаче, поставленной впервые, — если не считать декабристов, — народовольчеством: «прежде всего низвержение самодержавия, а потом, после захвата власти, радикальные общественные преобразования», — поставило своей исторической задачей: а) стать во главе нарождающихся крупных общественных сил, состоящих из элементов, непримиримо враждебных царскому самодержавию — эксплоататорскому режиму, б) установить прочный и длительный контакт между заговорщической организацией и широкими демократическими массами, в) направить эти сорганизованные тайным «заговорщическим» обществом общественные силы на непосредственную борьбу с царизмом, т.-е. на решительный бой за ниспровержение самодержавного режима. Всенародное восстание и захват власти — вот путеводная звезда, которая светила «заговорщикам» в их, не обещавшей ярких эффектов и благодарных внешних моментов, но рассчитанной на долгие годы самоотверженной подготовительной и мало заметной работе, напоминающей подземную работу крота. Таким, образом, инициаторы тайного общества решили вступить на путь широкой и мощной общественной организации, которая создала бы фарватер для революционных сил и которая располагала бы широкою возможностью утилизировать все эти силы для разрешения ответственной политической задачи.

«При данной обстановке необходимо было так поставить революционную работу, чтобы она могла содействовать сохранению и дальнейшему накоплению революционных сил, а затем прочной и планомерной их организации. Последняя мыслилась как обширная, оседлая и длительно действующая политическая партия.

---

[1] Программа Исп. К-та «Нар. Воли», см. «Литература партии «Нар. Воли», Москва, 1906 г.

«Историческая закономерность была порукой, что «заговорщическое» тайное общество строило свои планы не на «песце». Мы были твердо убеждены, что переживаемая нами после катастрофы 1-го марта полоса дикого разгула реакции и полное равнодушие «общества» — явление временное и преходящее, что она раньше или позже будет изжита и сменится новым периодом бурного общественного под'ема. Поэтому мы считали своим долгом использовать это глухое время для накопления новых сил, для воспитания и подготовки организованных кадров, которые будут нужны для новой исторической эпохи. Каковы же были — по тогдашним нашим взглядам — элементы борющихся между собою общественных сил, одну из которых собирались организовать для своих целей киевские «заговорщики»?

«Царское самодержавие и всех его защитников и всех охраняемых им эксплоататоров мы именовали «правительственной партией», с которой предстояло, очевидно, вступить в непосредственную политическую борьбу именно той крупной общественной силе, которую должно было организовать и возглавить наше «заговорщическое» общество. Научно разработав этот вопрос, мы пришли наконец к заключению, что эта «правительственная партия» слагается из следующих враждебных нам общественных групп и элементов: а) царская фамилия и придворная клика с их огромными имуществами, б) высшее и среднее землевладельческое дворянство, в) буржуазия крупная и средняя, г) категория так называвшихся тогда «благополучных россиян» — верноподданное мещанство, зажиточное крестьянство и казачество (кулацкий слой деревни). Эти общественные группы эксплоататоров опираются на бюрократическо-административный аппарат власти, на вооруженную силу полиции, жандармерии и войска. Это несомненно незначительное меньшинство, но меньшинство сплоченное и организованное, располагавшее мощным аппаратом власти и финансами, являлось, выражаясь фигурально, «молотом», а эксплоатируемая этим меньшинством многомиллионная, распыленная и совершенно неорганизованная народная масса, пассивно переносившая свое иго — «наковальней». Элементы этой порабощенной массы были таковы: а) интеллигентный пролетариат, б) рабочие фабрик, рудников и заводов, в) обездоленная масса разоренного самодержавием и помещиками крестьянства, г) все гонимые, обездоленные и потому озлобленные, антиправительственно настроенные, национальные, инородческие и иноверческие («сектантство») группы населения. Крупнейшим общественно-историческим фактором, усиливавшим наши надежды на более светлое будущее, считали мы происходившую на наших глазах эволюцию в сфере хозяйственно-экономических отношений и неизбежность при данном положении вещей дальнейшего развития капиталисти-

ческого хозяйства России, с его неизбежными спутниками: ростом городов и промышленных центров, скоплением в них рабочих масс, ростом железнодорожной сети и вообще путей сообщения и связи, с возрастающим возмущением народных масс и грядущим в связи с этим нарастанием сознательности среди городских, промышленных рабочих. Поэтому мы особенно приветствовали рост городов и промышленных центров и строили свою программу организации в расчете на привлечение «офицерства» этих народных масс в ряды «заговорщиков».

«Исторической задачей революционного движения после разгрома «Народной Воли» являлось создание того политического рычага, которым можно было бы привести в движение, в целях низвержения самодержавия, накопившиеся среди обездоленных масс разрушительные силы. Этим рычагом должна была явиться возглавляемая «заговорщиками» крупная и мощная общественная организация, связанная со всеми перечисленными слоями порабощенного большинства народа. План подготовительной работы по организации «заговора» намечался в следующих очертаниях: инициативная группа образует заговорщическое ядро из людей, как у нас говорилось, «учредительского типа», из профессиональных революционеров. Это ядро, случайно сформированное в Киеве, должно было здесь создать базу для дальнейшего разветвления тайного общества по другим областным центрам. Первыми после Киева намечались столицы: Москва, Петербург. Затем предполагалось необходимым во 2-й стадии заговорщической подготовительной работы распространить влияние тайного общества в первую голову на другие рабочие центры, на места скопления войсковых масс, ж. д. узлы и стратегические пункты и приобрести таким путем прочные связи среди рабочей и войсковой массы. В Киеве в зародышевой стадии «заговора» тайное общество занялось предварительной подготовкой кадров для дальнейшей стадии заговора — в среде учащейся молодежи и офицерства.

«В рабочей и солдатской среде нами никаких попыток пока не делалось — о рабочем кружке Э. Абрамовича мы не имели ни малейшего представления [1]. В периферийных же кружках велась большая работа по воспитанию будущих революционеров. В руководящем центре шла проработка и пересмотр прежних революционных программ. В основных требованиях программа

---

[1] Скромная попытка, о которой упоминает в своем письме в ред. «К. и С.» «По поводу ст. т. Мошинского» В. И. Скляревич, создать небольшой кружок рабочих в Киеве имела место уже после ликвидации тайного общества. Должен, однако, оговориться, что именно этой работе, наметившейся на ближайший период, мы придавали особо серьезное значение, но не успели к ней приступить по независящим от нас обстоятельствам.

«заговорщиков» совпадала с программой Исполнительного Комитета «Народной Воли». Крупные расхождения обнаружились в тех ее частях, где говорилось о таких народнических иллюзорных предпосылках грядущего переворота, как «общность социалистических принципов «Н. Воли» с традициями, сохранившимися среди крестьянства», и т. п.

Программа Киевского О-ва «заговорщиков».

А. Конечная цель: полное переустройство социально-экономического строя на началах социализма — обобществление всех средств и орудий производства и т. д. и т. д.

Б. Ближайшие цели:

I. В области политической:

а) демократическая, федеративная (у народовольцев этой существенной оговорки нет) республика;

б) всеобщее избирательное право;

в) «habeas corpus» — при осуществлении всех принятых в современных демократических конституциях видов гражданской свободы;

г) замена постоянной армии всенародным ополчением;

д) широкая автономия, — областная, территориальная и национальная;

е) широко и последовательно проведенное местное самоуправление (всесословное земство на началах всеобщих выборов — вплоть до всесословной волости);

ж) меры к повышению общественно-политической сознательности народных масс;

з) широкая амнистия.

II. В области социально-экономической:

а) постепенный переход всех частновладельческих, царских, церковных и казенных земель и лесов во владение и пользование крестьянства;

б) кооперирование землевладения и землепользования;

в) широкое социальное страхование трудящихся;

г) широкое фабричное законодательство и ограничение рабочего времени;

д) поощрение кооперации— потребительской и производительной;

е) постепенный переход фабрик, заводов, рудников и др. предприятий промышленности во владение и пользование рабочих коллективов.

«В области революционной тактики и практических методов подпольной работы были более значительные расхождения: тайное общество, признавая центральный террор одним из сильнейших средств для нападения и дезорганизации правительствен-

ного центра, отодвинуло однако этот вид революционной борьбы на более далекий период времени, когда дело будет близиться к развязке, когда речь будет итти о непосредственном нападении на представителей власти для захвата последней. На время подготовительной стадии «заговора» от террора решено было отказаться. Так же точно из соображений тактических и конспиративных общество отказалось от открытой революционной агитации и пропаганды, устной и печатной, ограничив сферу своей проповеди вербовкой намечаемых кандидатов и воспитанием своих прозелитов в подготовительных (периферийных) кружках.

«В интересах той же конспирации, так как вернейшей гарантией прочности организации нам представлялась, кроме суровой дисциплины, безусловная тайна, в организацию закрыт был доступ всякого вида «нелегальным», политически скомпрометированным и т. д. лицам — при чем в случаях «провала» кого-либо из членов (а это случалось, увы, нередко) таковой немедленно выходил из общества и поступал в так называемый «карантин». В тех же видах воспрещено было хранение нелегальщины и т. п. компрометирующих документов. Вообще «документальность» была воистину конспиративным «жупелем» для нашего общества. Все силы «заговорщиков» были направлены в течение долгих 7-ми лет существования тайного общества в Киеве на вербовку, подбор и воспитание в желательном для общества духе неофитов его, преимущественно из среды учащейся молодежи и военнослужащих. Наиболее активные из них вводились в центр. Вторая основная работа была направлена на теоретическую разработку программы. Резюмируя изложенное, считаю нужным сказать, что «заговорщичество» наше по своей программе и схеме нового типа организации («заговора») было полной антитезой теории и практики русского анархического бунтарства, которое давало себя к сожалению чувствовать и в народовольчестве. Наше направление стремилось поставить дело на реальную почву и с этой целью считало необходимым опереться на крупную о б щ е с т в е н н у ю силу — из непримиримых революционных элементов народа. Главные силы «заговора» предполагалось направить на использование и организацию этих общественных сил. Неудача, постигшая партизанский отряд Исполнительного Комитета «Народной Воли», стоявший вне этих общественных сил, которые могли быть лучшей гарантией победы над самодержавием, была для нас тяжким уроком, заставившим перейти (теоретически) к новым методам борьбы и пересмотреть старые революционные программы».

Пора подвести итоги: киевские «заговорщики», возглавлявшиеся М. Д. Фокиным, мирно действовавшие в подполье почти 8 лет и занятые предварительной разработкой новой программы,

подготовляли почву, благоприятную для восприятия новых направлений революционной мысли, порвавших с «Народной Волей». Оценивая историческую роль описанного «заговорщического» направления, необходимо признать, что:

1) это была здоровая реакция против увлечения «единоборством» Исполнительного Комитета «Народной Воли» — в среде самих учеников и последователей Андрея Желябова;

2) это была попытка создать в противовес «вспышкопускательству» революционеров бакунинского толка программу и план систематической подготовки условий для совершения государственного переворота;

3) на деле, если оставить в стороне всю конспиративную обстановку и облеченные покровом тайны утопические замыслы этих отечественных «якобинцев», весьма далекие от реализации их, то во всей этой проделанной «фокинцами» на протяжении почти 7 лет (и притом в глубокой тайне от жандармской полиции) работе над несколькими сотнями сменивших друг друга сочленов обнаружится весьма здоровое ядро, которое заслуживает самой положительной оценки.

Фокинские кружки, как и все прочие современные им и даже перешедшие в следующее десятилетие марксистские организации, вне условий реальной политической деятельности в массах, наступивших десятилетием позже, были захвачены огромной и важной работой — научной подготовкой и самовоспитанием для дальнейшей практической работы. Им предстояло работать в том же революционном подполье, но в обстановке революционного под'ема, быстро сменившего мертвый штиль восьмидесятых годов.

И в программе и в плане переворота самого д-ра Фокина есть элементы политического реализма: заговор, по его замыслу, — не выступление горсти героев, а заговор широко разветвленный, опиравшийся на передовые отряды, навербованные из низов народных масс, среди рабочих, крестьян и войска. Это большой шаг вперед. При более внимательном освещении этого интересного опыта известного в истории киевского подполья под именем «Фокинского заговора», он представляется не наивной, хотя и опасной игрой в революцию, а организацией с большими заслугами.

II. Украинские кружки социалистов-федералистов (драгомановцы). Богдан Кистяковский.

В интересующий нас период—во второй половине 80-х г. г.—украинское национальное и революционное движение находило себе выражение в двух соревновавших между собою течениях: в легальном украинофильстве и в революционном — подпольном,

ориентировавшемся на Галицию. Первое, основателями которого были в 1863 г. Тадеуш-Рыльский и Владимир Антонович («Старая Громада»), относилось весьма враждебно ко всем революционным методам борьбы за национальное возрождение Украины и ее культуры. Антонович, Конисский, Стариций, Житецкий — вот имена, вокруг которых группировалось украинское легальное культурничество. Украинская история, фольклор, этнография, научные работы на украинском языке, украинский театр — вот единственные легальные пути, посредством которых эти лидеры украинофильства и формировавшиеся около них полулегальные культурнические кружки молодежи мечтали о возрождении родины. Другое крыло украинофилов, к которому культурники относились весьма враждебно, возглавлялось крупнейшим украинским историком и политиком Михаилом Драгомановым, который вместе с профессором-криминалистом Александром Кистяковским составлял в Киевском университете в 70-ые г.г. украинскую оппозицию и вынужден был выйти из политических соображений в отставку. После этого М. П. Драгоманов эмигрировал в Швейцарию. К концу 80-х г.г. он переселяется в Галицию и здесь вместе со своими приверженцами — поэтом Иваном Франко и публицистом Михаилом Павликом — организует русинское (украинское) селянство против польского помещичьего класса. Возглавляемая Драгомановым радикально-селянская партия принимает деятельное участие в политической жизни Галиции и Австрии и становится об'ектом бешеной травли и ненависти со стороны польских господствующих классов. К этому времени относится усиление радикально-социалистического течения в русской Украине, ориентирующегося на Галичину и на Михаила Драгоманова — вождя этого направления за кордоном. На Украине кружки драгомановцев группировались около жившего и работавшего в Киеве педагога Николая Васильевича Ковалевского. Все мыслящее общество малолюдного тогда Киева прекрасно знало и любило Н. В. Ковалевского. Колоритная фигура этого старого революционера-семидесятника, который оставался на протяжении пятнадцати лет почти единственным в украинском революционном подполье ответственным деятелем и сподвижником самого М. Драгоманова, хорошо памятна всем киевским старожилам.

Лучшую, с большим чувством изображенную, характеристику Н. В. Ковалевского дает нам один из преданнейших его учеников, впоследствии основоположник Р. С.-Д. Р. П. (член I С'езда) П. Л. Тучапский:

«С чувством глубочайшего уважения я вспоминаю о Николае Васильевиче. Ко времени моего знакомства с ним он был (или казался) уже стариком. Поражала прежде всего его наружность:

если бы я был художником и захотел передать в красках или в мраморе прекрасный, идеальный образ древне-греческого мудреца, я взял бы моделью Николая Васильевича. Физическая красота у Николая Васильевича гармонически сливалась с душевной. Когда киевская «Старая Громада» разошлась с Драгомановым из-за его якобы «вредной» для украинского дела заграничной деятельности, Ковалевский вышел из «Старой Громады» и все свои силы употребил на материальную поддержку Драгоманова. А сделать это было не так легко. Ковалевский был в конце семидесятых годов учителем словесности в киевском кадетском корпусе (а раньше в каких-то других учебных заведениях), но был сослан административным порядком в Восточную Сибирь, откуда возвратился только в начале 80-х годов. Так как преподавание в учебных заведениях было ему запрещено, то он занимался, ко времени моего знакомства с ним, частными уроками. Уроки эти (в богатых киевских домах, преимущественно еврейских) оплачивались довольно хорошо, но все же не настолько хорошо, чтобы дать возможность и самому Николаю Васильевичу с дочерью просуществовать и помогать Драгоманову. И тем не менее Николай Васильевич уделял значительную часть своего заработка именно на поддержку Драгоманова и его деятельности. Во время ссылки Ковалевский схватил мучительную невралгию и вот, — вижу его, как сейчас,— этот больной старик идет на свои уроки по гористым улицам Киева, в слякоть и метель, закутавшись в свой плед (шубы у него не было) и не позволял себе истратить лишний двугривенный на извозчика. Так как все-таки личных средств Ковалевского нехватало, разумеется, на постоянно требовавшуюся помощь на издания Драгоманова и возникшего в 1890-м году детища Драгоманова — галицкой радикальной партии, то Николай Васильевич несколько раз в году (по большей части зимой — на Рождество и на масленицу) предпринимал поездки в Одессу, Харьков и др. города, где у него сохранились старые связи, для собирания денег. И, конечно, эти поездки он совершал, иногда корчась от невралгических болей, в вагоне

Н. В. Ковалевский.

третьего класса... И в то же время он был бодр, остроумен, живо интересовался всей деятельностью Драгоманова и его последователей и поддерживал бодрость в молодых «драгомановцах». Ковалевский пережил Драгоманова всего на 2 года: он умер в 1897 году»[1].

Оформленной революционной организации у этого крайнего левого крыла украинофилов, возглавлявшегося Н. В. Ковалевским, в сущности не было. М. Драгоманов, И. Франко и М. Павлик издавали в Галиции упоминавшуюся выше радикально-социалистическую газету «Народ», которая и была для русской Украины политическим центром, собиравшим, подобно позднейшей общерусской «Искре», элементы будущей селянской партии. Н. В. Ковалевский группировал учащуюся молодежь и был душою украинского революционного подполья вплоть до своей смерти. Семья Ковалевских в синодике русских революционеров занимает почетное место. Крупные заслуги в борьбе с царизмом принадлежат как самому Николаю Васильевичу, так и его жене Марии Павловне. Известная революционерка 70-х годов, она погибла трагической смертью в Сибири. С ее именем связана драма в каторге на Каре. Дочь их Анна Николаевна (по мужу — Деген) также пользовалась большим влиянием в драгомановских кружках, составлявшихся преимущественно из киевской университетской молодежи. Резервом этих кружков была студенческая организация «Громада», во главе которой стоял видный драгомановец, «вечный студент» — медик Багоцкий (впоследствии с.-д. и представитель советского Красного Креста в Швейцарии). Сергей Деген, Богдан Александрович Кистяковский, Константин Иванович Арабажин, Павел Лукич Тучапский и Ротмистров были наиболее яркими представителями молодого поколения драгомановцев, воспитанного Н. В. Ковалевским.

Украинские подпольные кружки также изощрялись в конспиративных приемах, чтобы собираться почаще и нелегально изучать историю и быт родного народа, особенно же заграничные политические произведения — своего учителя М. Драгоманова и др. галицийские закордонные издания. Единственным тогда нелегальным публичным выступлением украинских революционных деятелей было ежегодно устраиваемое национальное торжество — Шевченковская годовщина. Описание одной из таких вечеринок, прекрасно передающее обстановку киевского подполья того времени, находим у того же П. Л. Тучапского.

«В конце февраля 1889 г. наш кружок задумал устроить, так называемые, «роковини» (празднование годовщины смерти или рождения) Шевченко с докладом, декламацией стихотворений и

---

[1] «Из пережитого. 90-ые годы», Гиз Украины, Одесса, 1923 г., стр. 15.

нением. Нужно было подыскать квартиру человек на 50—60. Обращаться к «старым» украинофилам мы не хотели, потому что мы стояли в ярой оппозиции к ним: мы считали их слишком осторожными, попросту трусами, дрожащими перед всем «нелегальным», а тем более «политическим». Они стояли за исключительно культурную работу, да и то в очень скромном размере. Я обратился к знакомому домовладельцу, симпатичному человеку, с которым можно было говорить откровенно. Он согласился предоставить нам пустую квартиру во флигеле его дома, но с тем, чтобы я на всякий случай заключил с ним письменное условие, что снимаю, мол, квартиру на один вечер для празднования именин. Пришлось согласиться, но подписался я фамилией, почему-то в тот момент пришедшей мне в голову — «Косуля». Празднество наше прошло очень хорошо: я прочел реферат о Кирилло-Мефодиевском братстве (первой нелегальной украинской организации — с Костомаровым, Кулишем и Шевченко в главе), затем декламировались и пелись нелегальные стихотворения Шевченко и, наконец, все присутствующие были угощены незатейливым ужином — и все это, если не ошибаюсь, за 30 к. с каждого. Но — «окончился пир их бедою»: через несколько дней после «роковин» некоторые из бывших там получили через полицию приглашение «пожаловать в жандармское управление». Возникло целое «дело» о нелегальном собрании, закончившееся, только благодаря удачным об'яснениям привлеченных и исключительной обстановке национальной замкнутости и солидарности украинского «общества» с инициаторами вечеринки, небольшим административным взысканием. Наиболее крупной силой из молодых последователей Н. В. Ковалевского и М. П. Драгоманова был сын упоминавшегося выше сподвижника последнего по Киевскому университету А. Ф. Кистяковского — Богдан Александрович, личность которого для настоящей работы представляет особый интерес потому, что Б. А. Кистяковский, как и впоследствии П. Л. Тучапский, сыграл в истории русского марксистского движения 90-х годов вообще и в частности в нашем Киеве выдающуюся роль... Единственным источником для ознакомления с кипучей и научно плодотворной деятельностью этого замечательного киевлянина являются посвященные Б. А. Кистяковскому его сподвижниками по подполью и по Украинской Академии Наук воспоминания[1] А. С. Синявского и Н. П. Василенко, которые дают много нового и ценного материала для интересующей нас темы.

Вырос и воспитался Б. А. в украинской, настроенной враждебно к царизму, среде. Семья Кистяковских была близка с семьею патриарха украинского движения В. Б. Антоновича,

---

[1] Записки Соц. Экон. Видділу. Украінск. Акад. Наук, сб. I, 1923 року.

главы нелегальной организации «Старая Громада». Под влиянием отца и В. Б. Антоновича (крестного отца) Б. А. еще на школьной скамье жил общественными интересами и организовал тайный кружок. Кружок (в нем участвовал мой брат) раскрыли, а главного организатора его — Б. А. — исключили из гимназии (7 класса). С этого момента начинаются скитания «неблагонадежного» Богдана «по градам и весям» в поисках такой гимназии (а потом университета), где согласились бы его приютить. Наконец, в 1888 г. ему удается поступить в Киевский университет. Тогда же его принимают в вышеназванную украинскую подпольную организацию. Экспансивный и цельный по своей натуре, не по летам образованный, этот белокурый, щупленький юноша быстро завоевывает себе в новой среде центральное место. Страстный в своих суждениях и непреклонный в своих поступках, он у близких и друзей получает имя «Богдана неистового». Увлеченный подпольщиной, он носится по городу, ища приложения своей неукротимой энергии.

«Вставал он очень рано, — рассказывает член того же кружка А. Синявский. — бежал он сейчас же с Кузнечной, где был дом его отца, к К. Арабажину (на Нижне-Владимирскую — за университетом), чтобы оттуда с очередными конспиративными поручениями прибежать еще до начала лекций ко мне (на Гимназическую), а потом к Маршинскому (у Триумфальных ворот— в конце Бибиковского бульв.). За его рост и «быстроногость» мы прозвали его «Журавлем» (потом литературный псевдоним)».

Вообще по своим навыкам и характеру «неистовый Богдан» был подлинным спартанцем. Одаренный большой силой воли и замкнутый по своей натуре, Б. А. в бытность еще в средней школе закалял себя физическими лишениями: ходил он зимой в одной куртке, спал на голых досках, любил выражаться весьма лаконически. Потом из него выработался, благодаря этим чертам, большой конспиратор. Еще гимназистом он массу читал и упорно работал над своим саморазвитием. И позднее — студентом заграничных университетов (из русских его повсюду изгоняли по политическим причинам), работая под руководством виднейших европейских ученых и отмеченный ими в числе самых талантливых учеников — Б. А. продолжал вести спартанский образ жизни, пешком исколесил всю Европу, питаясь всегда, даже в столицах Европы, в третье-разрядных столовых, и отличался редкой неприхотливостью в личной жизни.

Б. А., как и его друзья — сотоварищи по драгомановской подпольной организации — был преданнейшим последователем М. П. Драгоманова и со свойственной ему экспансивностью и энергией устремился и увлек несколько сочленов кружка в украинский «Пьемонт» того времени. в зарубежную Галицию, где имел в то время пребывание сам М. П. Драгоманов.

«В августе 1889 г., рассказывает Н. П. Василенко, Б. А. Кистяковский с А. С. Маршинским, С. В. Дегеном и его сестрами отправились в Галицию. Целью их было связаться с галицийскими деятелями, особенно с М. П. Драгомановым, но Драгоманова тогда не оказалось во Львове... Б. А. написал ему письмо. Драгоманов ответил ему. Он не советовал ему приезжать в Софию (где Драгоманов был профессором истории), предостерегал его от русских шпионов, преследовавших самого Драгоманова по пятам, и вообще советовал ему быть осторожным и беречь себя».

Б. А. и его друзья завязали тесные дружеские сношения со львовскими сподвижниками своего первоучителя — Иваном Франко и Михаилом Павликом. Киевляне выразили желание совершить путешествие по галицким деревням и познакомиться с условиями жизни и быта единоплеменного селянства. Они прошли пешком свыше 250 верст, наблюдая избирательную кампанию (в галицийский сейм) в Угорской Руси. Вернувшись в Львов, Б. А. рассчитывал присутствовать на заседаниях сейма, но в сентябре 1889 г. был арестован по обвинению... в шпионаже и в замысле на отторжение Галиции от императорской Австрии.

«Следствие велось самым возмутительным образом, — пишет сам Б. А. в письме из львовской тюрьмы от 4 ноября 1889 г. — Со мной, например, посадили шпиона... Но несмотря на все хитрости и уловки, на то, что десять раз меняли статьи обвинения, они ничего не смогли сделать и теперь хотят как-нибудь замять дело...».

27 ноября Б. А. и его друзья были освобождены.

Все-таки Б. А. Кистяковскому еще до ареста удалось при посредстве Драгоманова, Павлика и др. наладить границу для переправы революционной контрабанды.

Желание австрийской полиции вздернуть на виселицу неосторожных исследователей народного быта в Буковине, — якобы за шпионаж в пользу царского правительства, — не осуществилось. Крестьяне всех деревень, посещаемые нашими киевлянами, были потом тщательно опрошены властями, но не подтвердили тяжкого обвинения. Публика была, однако, выслана из пределов Австрийской империи, а киевская жандармерия в то же время получила любезную информацию от братской охранки о революционном образе мыслей и действий высылаемых. Партия литературы на границе была заарестована. Кистяковский и все члены подпольных организаций в Киеве — украинской, польской и литовской — оказались в «Лукьяновской» тюрьме.

«По извещению австрийских властей, читаем в обзоре важнейших дознаний за 1889 г., у назв. студентов (Кистяковского, Маршинского и Дегена) найдены письма из Киева, Парижа, Женевы, Болгарии — среди них от эмигрантов, содержание коих

указываст на участие этих лиц в революционной деятельности. Большинство писем адресовано Кистяковскому. В одном из них эмигрант Драгоманов уведомляет его об отправке через Бухарест каких-то печатных сочинений и рекомендует организовать для подобных посылок склад в Яссах. Он также указываст, в каких местах Галиции он (Б. К.) может найти помощь и содействие в этом деле. В письме из Женевы эмигрант Бурцев советует заключить союз революционеров с «Обществом», с чем спорит будто Драгоманов. Были также сведения, что в Киев направлятся партия закордонных изданий и будто доставка этой литературы находится в связи с путешествием Кистяковского и его товарищей».

Отобранные у арестованных в самом Киеве остальных членов организации (у Синявского и др.) документы установили, что программа группы Кистяковского добивается экономического переустройства на началах социализма и федерации равноправных национальностей, что она задалась целью распространять тенденциозные украинские издания.

Однако, в связи с тем, что австрийское правительство вообще в те годы неустанно вело борьбу с якобы направляемыми в Австрию революционными «эмиссарами» русских, польских и украинских социалистов (напр., известные в начале 80-х годов краковские процессы Людвига Варынского и мн. др.) и под всякими предлогами подвергало их преследованию и высылке в царскую Россию, и что, в частности, это время было периодом разгара выборов в местный сейм, — надо полагать, что обвинение в шпионаже было лишь инсценировкой и благовидным предлогом, под которым польско-австрийское магнатское наместничество в Галиции поспешило избавиться от непрошенных и нежелательных гостей. Наши драгомановцы были высланы после освобождения из львовской тюрьмы обратно в российскую Украину.

Повидимому, в конечном счете, это были взаимные услуги австрийской и русской полиции. Одновременно с арестом Кистяковского в Галиции и в Киеве были «ликвидированы» все участники драгоманского кружка с Арабажиным во главе. Злополучные путники, высланные из Галиции обратно, вынуждены были покинуть также и Киев. Богдан Кистяковский и его друзья должны были прервать свою деятельность на Украине и переселились для окончания образования в Дерптский университет. Впрочем Б. А. попытался было поступить в Харьковский университет, но оттуда скоро был уволен и выслан за участие в студенческих беспорядках. В Дерпте наиболее выдающийся и даровитый из молодых драгомановцев Б. Кистяковский сближается с поляками-«пролетариатцами» и под их влиянием эволюционирует от украинского туманного социализма драго-

мановского толка к четкому научно-социалистическому миросозерцанию марксизма. И Кистяковский (в 1891 г.), и несколько позже (в 1893 г.) Тучапский сумели извлечь из политических писаний своего учителя здоровое зерно политического реализма, облегчившее им переход в лагерь социал-демократии. Этому, кроме идеологического влияния, содействовало тесное соприкосновение киевских драгомановцев с делами единоплеменных галичан, революционизированных Драгомановым и «Народом». Европейские формы политической борьбы в соседней, австрийской, Украине, аналогичный происходящему в России процесс выделения из драгомановской радикально-селянской партии в Галиции — русинской социал-демократической партии с Левицким и Ганкевичем во главе, — все это сближало и идеологически и практически лидеров киевских драгомановских кружков с общерусским социал-демократическим движением. Б. А. Кистяковский становится в 1891 г. пионером марксизма в киевском революционном подполье, о чем будет сказано ниже, а Павел Лукич Тучапский (с 1893 г. — идейно, а организационно — с 1896 г.) — одним из основоположников Р. С.-Д. Р. П., в качестве делегата киевской социал-демократической организации на I (Минском) С'езде.

После арестов 1889—90 г.г. драгомановские кружки в Киеве почти замерли; лучшие силы их влились в русло общерусского социал-демократического движения; но селянское движение в Галиции настолько окрепло, что уже не нуждалось в помощи российских украинцев, и украинофильство опять протекает преимущественно в рамках полулегального культурничества. Только в 1900-х годах украинская селянская беднота находит политического выразителя своих интересов в с.-д. организации «Спілка», родственной галицкой русинской с.-д.

В заключение — несколько слов о политических взглядах самого М. Драгоманова. Он, как и Г. В. Плеханов, после крушения народовольчества, повел ожесточенную борьбу с программой и тактикой «Народной Воли» — с ее террористической деятельностью, но с точки зрения прямо противоположной Плеханову. Поэтому его, как защитника и основоположника земского либерализма, в социал-демократических кругах долго игнорировали и его политическими трактатами совершенно не интересовались. Между тем, М. Драгоманов, которого украинцы, как политика и публициста, ставят на одном уровне с А. Герценом, заслуживает большого внимания, как один из самых дальновидных и трезвых политиков, выдвинутых в последней четверти XIX века российской действительностью. В конце 80-х г.г. Драгоманов порывает с швейцарской эмиграцией, со своими конституционно-земскими иллюзиями и переносит свою деятельность на родину — в австрийскую Украину. Здесь он, как практи-

ческий политик-радикал, становится вместе со своими талантливыми единомышленниками, Иваном Франко и Павликом, во главе галицкого селянства. Еще задолго до этого поворота в своей деятельности Драгоманов написал в замечательном своем исследовании «Историческая Польша и великорусская демократия» нижеследующие строки, свидетельствующие о реализме его политических взглядов, приближающем его анализ революционного процесса к марксистскому; в 1889 году на территории Галиции, во главе крестьянских масс, он развивал политику, теоретически продуманную им еще в 1882 году — в швейцарской эмиграции:

«Для политического переворота необходимо участие больших масс. Сторонники переворота должны привлечь к себе эти массы, нашедши у них жизненные интересы, страдающие от теперешнего порядка вещей, и убедившись, что эти интересы будут удовлетворены по совершении переворота. Поэтому, если в данном случае есть серьезный вопрос, требующий общего обсуждения, то это вопрос о «соединении» масс различных национальностей русского государства для борьбы за такую политическую форму, которая обеспечила бы политическую свободу всех их вместе и каждого порознь... Действительная политическая свобода без децентрализации общинной, областной и национальной — невозможна» (т. 1, стр. 309).

При чтении последних строк невольно напрашивается параллель между этим политическим прогнозом выдающегося украинского политика и достижениями Октябрьского переворота, который дал советской Украине максимум того, о чем мог мечтать этот талантливый апологет федерации народов, порабощенных царизмом.

Рядом с общерусскими-фокинскими и украинскими-национальными подпольными кружками в Киеве накануне 90-х годов функционировали довольно многочисленные польские националистические и демократические кружки, — последние ориентировались на варшавский «Пролетариат». Тогда же (в 1888—1889 г.г.) в глубокой тайне от этих интеллигентских групп действовал прибывший извне, из Минска, д-р Эмиль Абрамович, связавшийся с рабочей средой и поведший подлинную социал-демократическую пропаганду среди с'организованных им пролетариев. В числе главных его сподвижников-рабочих был один поляк, мастер главных железнодорожных мастерских — Ян Килянский, при посредстве которого образовавшаяся после ареста Абрамовича и его кружка (накануне 90-х г.г.) польская социалистическая группа восстановила основанную им рабочую организацию и явилась естественной его преемницей. Об Абрамовиче и его товарищах я лично никаких сведений не имею и поэтому отсылаю интересующихся к исследованию Манилова

и к материалам, опубликованным в «Кр. Летописи», в «Каторге и Ссылке» и др. [1]. Поскольку к концу 80-х гг. в Киеве существовала польская единая организация, которая только в 1893/94 г. раскололась на две группы — одну, ориентирующуюся на С.-Д. Польши и вторую — на П. П. С. (при чем в последней играл выдающуюся роль именно брат упомянутого рабочего Килянского — Карл Килянский), необходимо прежде, чем перейти к описанию дифференцировавшихся польских групп и их работы, дать краткую характеристику их предшественницы — наиболее тогда родственной «Пролетариату» польской организации в Киеве.

III. Польские кружки (1884—1893 г.г.).

При самом поверхностном знакомстве с длинным мартирологом участников польской национальной революционной конспирации и почти столетней общерусской борьбы с царизмом бросается в глаза та исключительная роль, которую в этой борьбе «за нашу и вашу свободу» (лозунг инсургентов 1863 года) и за низвержение самодержавного режима играли среди прочих представителей угнетаемых национальных меньшинств поляки, и особенно выходцы из окраинных провинций бывшей Речи Посполитой, — Украины, Литвы и Белоруссии.

Характерно, что именно среди «крэсовых» (окраинных) поляков мы встречаем вплоть до 1863 года наиболее последовательных революционеров и демократов, а в более позднюю эпоху самых выдающихся деятелей социалистических партий. Наоборот, уроженцы коренных польских провинций, так наз., «Королевства Польского («короняры»)—преимущественно выходцы из буржуазного и помещичьего класса, — даже вовлеченные в конспирацию, отличались узким шовинизмом и мещанской ограниченностью своих общественно-политических взглядов. Эта параллель, нелестная для «короняров», подтверждается также современниками, наблюдавшими кружки молодежи, группировавшейся в Киеве накануне 1863 года [2] задолго до нашей эпохи, когда классовое расслоение современности приняло весьма определенные формы. Биографии знаменитейших польских конспираторов и позднейших социалистических деятелей дают прямой ответ на интересующий нас вопрос и дают об'яснение этому непонятному на первый взгляд контрасту исторической действительности. Как видно дальше, все эти деятели — выходцы из демократических слоев населения, из ополяченного служилого класса или из малоземельной и безземельной «шляхты». Плодо-

---

[1] См. «Летопись Революции», 1923 г., № 3, «Красная Летопись», 1923 г., № 7 (показания Э. Абрамовича) и «Каторга и Ссылка», 1928 г., № 3.

[2] См. ст. Мияковского «Старая Украинская «Громада» в «Лет. Революции» за 1924 г., № 4.

родная Украина (правобережье) — вплоть до крымских степей — лучшая из колоний шляхетской Польши была уделом несколь-ких магнатских родов. Она была и долго оставалась разделенной на крупные латифундии, обслуживаемые многочисленным классом экономических служащих, так наз., «официалистов». Здесь вплоть до восстания 1863 года не было места среднему, особенно мелкому, землевладению, и единственный культурный слой составляла здесь эта обслуживавшая латифундии поль-ских аристократов, всю жизнь проводивших за границей, сель-ская плебейская интеллигенция — горючий материал для всех конспираций. Другая окраина старой панской Польши — не-угасающий очаг заговоров и восстаний, арена бесчеловечных гонений на фанатичную униатскую (крестьянскую) массу при царе Николае I — мелкопоместная Литва и Белоруссия. Круп-ные землевладельцы-аристократы захватили здесь только об-ширные лесные массивы, бесплодные же пески Литвы и не-сконча́емые болота Полесья они предоставили обнищавшему «хлопу» и мелкопоместной и «загоновой» шляхте. Сыновья мел-копоместных дворян и экономических «официалистов» запол-няли существовавшие тогда на Литве и Украине учебные заве-дения и неизбежно вовлекались в революционное подполье. До «листопадового» восстания в 1831 г. центром умственной жизни и революционной конспирации польских «крэсов» была Вильна с ее старинным университетом, возглавлявшимся известным польским деятелем и историком, демократом и полу-социалистом Лелевелем. Царское правительство после подавления восстания 1831 г., чтобы подорвать влияние польской культуры в этом крае, закрыло Виленский университет и перевело его на Украину. С 1834 года этот университет со всеми его научными сокровищами начал функционировать в Киеве и вся мелкопо-местная и плебейская молодежь — польская и ополяченная ту-земная — устремилась в Киев. После революции 1848 года и разгрома «Кирилло-Мефодьевского братства» среди этой моло-дежи укрепилось демократическое направление, прозванное иронически современниками «хлопоманством». «Короняры» (пришельцы из коренной Польши — сыновья помещиков) отно-сились к этому направлению враждебно и приняли наимено-вание «белых» — в отличие от «червоных»—«хлопоманов». Вос-стание в 1863 г. раскололо и это последнее направление на два лагеря: польских демократов, примкнувших к восстанию, и украинских народолюбцев, возглавлявшихся Тадеушем Рыль-ским и Владимиром Антоновичем. Об этой отколовшейся группе «хлопоманов» правильнее сказать, что она сложилась из вер-нувшихся к вере и национальности своих украинских предков фанатиков, порвавших во имя служения своему родному народу с польской культурой, языком и общественностью. Судьба поль-

ского крыла «хлопоманов» была весьма трагична. Они приняли участие в восстании. Отряд повстанцев был окружен в лесах под Соловьевкой на Киевщине местными крестьянами. Полиция убедила последних, будто восставшие хотят восстановить крепостное право. Убежденные демократы, «хлопоманы»-инсургенты не нашли возможным стрелять в окруживших их крестьян, все они были взяты в плен с оружием в руках и расстреляны. Тот же антагонизм между «белыми» — помещичьими сынками и «червоными» — «хлопскими» и т. п. плебейскими детьми, о которых рассказывает тов. П. Г. Полонский в своих воспоминаниях [1], продолжал разделять польское студенчество на два лагеря и в наше, описываемое в этой книге, десятилетие. Но именно из этого лагеря «червоных» вышли многие заслуженные в борьбе с царизмом деятели, которым посвящено дальнейшее изложение. Революционные настроения питались в этой демократической среде окружающей обстановкой, — насильственной русификации и полицейских гонений. Все историческое прошлое, еще незастывшие пепелища разрушенных отрядами Муравьевских жандармов-вешателей шляхетских «засцянков», гекатомбы жертв, погибших в 1831, 1846 и в 1863 г.г. на виселицах и в снежных пустынях Сибири — все эти кровавые традиции жили почти в каждой польской семье на Литве и Украине и воспитывали в подрастающих поколениях жажду новой, беспощадной борьбы с угнетателями, с царским деспотизмом. Монолитность, исключительная твердость и активность характеров многих выдвинувшихся здесь «на крэсах» борцов находят себе также об'яснение в особой исторической обстановке этих пограничных с Москвой, с татарами и с тевтонскими крестоносцами территорий. Беспрерывные междоусобия, неустанная борьба с украинским, запорожским казачеством, колонизаторская работа целых поколений, проходившая в борьбе с природой, с кочевниками и со всякими нашествиями — закалили этих людей, рисковавших с опасностью для жизни поселиться на рубежах, создали тип смелого, энергичного пионера новой жизни, которого мы, современники, имели возможность наблюдать в лице таких потомков польского воинственного, крэсового «рыцарства», как выдвинутые нашей революционной современностью антиподы, стоявшие на двух полюсах нашей бурной эпохи — Феликс Дзержинский и Иосиф Пилсудский.

Беглый перечень имен и происхождения крупнейших из блестящей плеяды польских конспираторов и революционеров-социалистов за истекшее столетие вполне подтверждает вышеизложенные мысли. Все они либо мелкопоместные шляхтичи, либо дети экономических служащих в магнатских поместьях и ме-

---

[1] См. «Каторга и Ссылка», 1928 года, № 3.

щан или крестьян, все они за редкими исключениями уроженцы Литвы или Украины и шли нога в ногу с русскими революционерами, с лозунгом «за нашу и вашу свободу» или действовали непосредственно в рядах последних с бомбоїй в руках или на баррикадах...

1. Юльян Люблинскиї, бедныї шляхтич из Новоград-Волынска, вдохновитель общества «Соединенных Славян», члены которого были наиболее деятельными участниками восстания южных декабристов (боїй под Белою Церковью на Киевщине 3-го января 1826 года).

2. Валерьян Лукасинскиї — действовавшиї одновременно с Люблинским — сын мещанина г. Варшавы, возглавлял обширныї, организованныї им в контакте с «декабристами», заговор. Его, по личному распоряжению Николая I-го, как опаснейшего заговорщика замуровали на всю жизнь в башне Иоанна Антоновича в Шлиссельбурге. Сорок семь лет просидел он в одиночном заключении (с 1821 по 1868 год), из них в Шлиссельбурге — 37 лет, где и умер в полноїї безвестности [1].

3. Из тоїї же железноїї когорты польских «списковцев» (заговорщиков), деїствовавшеї в мрачнеїшую эпоху, в первоїї половине царствования Николая I, заслуживает особого упоминания выходец из мелкоїї шляхты на Литве Шимон Конарскиї, ярыї демократ, возглавлявшиї сорганизованныї им в конце 30-х годов в Литовских губ. заговор. Повешен в 1837 году. 4) Надлежит упомянуть также талантливого агитатора-заговорщика, деїствовавшего в те же годы на Литве ксендза-социалиста Петра Сцегеннаго (из крестьян), которыї всю почти свою жизнь провел в изгнании в Сибири. Из деятелеї 1863 года — крайних демократов, возглавлявших «червоное» крыло инсурренции (по происхождению тоже мелкопоместных шляхтичеї) — надлежит упомянуть близкого кружку Н. Г. Чернышевского 5. полковника Серакавскаго Сигизмунда (повешен в Вильне в 1863 г.), генералов: 6. Ярослава Домбровскаго (уроженец Житомира) и 7. Врублевскаго (уроженец Вильно, дядя изв. защитника лейтенанта Шмидта и деятеля 1905 г. Ф. Е. Врублевского); последние два получили мировую известность, как участники Парижскоїї Коммуны 1871 г. Из деятелеї поколения 70-х годов — уроженцев Литвы и Украины — нельзя не упомянуть заслуженнеїших деятелеї «Народноїї Воли»: 8. Кобылянскаго, 9. Игнатия Гриневицкаго (урожд. Гродненскоїї губ., сын «официалиста», д. 1 марта 1881 г.), 10. Людвига Варынскаго (ур. Белоїї Церкви на Киевщине, сын «официалиста») и 11. Тадеуша Рехнев-

---

[1] Ашкиназ. «Валерьян Лукасинскиї (в переработке Круковскоїї), изд. 1921 г.

ского — сын птб. адвоката оба возглавляли братски связавшийся в 1884 г. с «Народной Волей» польский «Пролетариат»), а также 12. Бронислава Пилсудского (д. 1-го марта 1887 года.). Наконец, из революционного поколения 90-х годов приобрели мировую известность выходцы из той же мелкопоместноїї шляхты Виленщины упоминавшиеся выше — глава П. П. С., а ныне диктатор Польши — Иосиф Пилсудский и один из виднейших вождей Октябрьской революции и Советского Союза — Феликс Дзержинский.

Наши старшие братья, воспитанные на таких традициях и вошедшие в тайные кружки киевского подполья во второй половине 80-х годов, и мы, девятидесятники, были большими романтиками и прежде всего охвачены были жаждоїї революционного подвига чисто эмоционально. Легенды о казнях повстанцев 1863 г. (Падлевский), песнь о Валериане Осинском, рассказы наших близких, например, дяди моего, о Людвиге Варынском, с которым он учился в реальном училище в Белой Церкви и в Ново-Александрийском с.-х. институте (в «Пулавах»), легенды о «пролетариатцах» [1], наконец, рассказы об арестах народовольческой типографии (взята она была по Жилянской ул. в доме, где жил будущий наш товарищ Дим. Неточаев), о вооруженном сопротивлении на Глубочице (в этой именно усадьбе жила семья нашего товарища Мих. Плюща), об аресте Тадеуша Рехневского и о др. действовавших на воображение эпизодах борьбы революционеров — все это, несмотря на гнетущую атмосферу 80-х годов, будоражило настроение подрастающего поколения. Проникавшие изредка издания партии «Пролетариат», шедшие под лозунгом «за нашу и вашу свободу», укрепили среди польского студенчества в 1885 году большое стремление к сближению с другими братскими организациями, действовавшими в киевском подполье. Быть может, этим отчасти об'ясняется также значительный процент поляков, участвовавших в тайном обществе «заговорщиков», описанном в первой главе. Так или иначе, — но во второй половине 80-х годов — в тесном контакте со стоявшими на платформе федерализма и социализма украинцами (группа Н. В. Ковалевского) и литовцами (гр. д-ра Сонгайло и Домашевича) — в Киеве действовала польская группа «пролетариатцев», возглавлявшаяся известным впоследствии пэпээсовцем (убитым немедленно после избрания на пост президента польской республики польскими фашистами) — Станиславом Нарутовичем. Насколько тесно она была связана с варшавским центром, у меня данных нет, но что по своей идеологии и по

---

[1] Сестра моя была замужем за «пролетариатцем», сосланным в Сибирь административно, Ковальским и также была связана с революционной публикоїї. Такова была семейная среда многих наших товарищей, будущих подпольщиков.

политической программе кивляне были весьма близки к воззрениям Людвига Варынского и редакции «Пржедсвита» и «Валька Клясс» — (в 80-х г.г.) — это можно считать вполне установленным. Доказывается это и тем обстоятельством, что когда заграничный Мендельсоновский «Пржедсвит» в марте 1893 г. внезапно повернул руль в сторону национализма и потащил за собой дейiствовавшую в русской Польше партийную организацию П. П. С., киевляне так же, как и варшавские преемники «Пролетариата» (будущие с.-д. Польши), без колебаний порвали с примкнувшими к П. П. С. кабинетными теоретиками и, верные интернационализму Л. Варынского и его сподвижников, об'явили себя польскими социал-демократами. Так как заграничные издания партии «Пролетариат» имели огромное влияние на польскую молодежь в Киеве и несомненно оказали большое воздействие на переход польских товарищей в ряды общерусской организации, нелишне подробнее остановиться на программных заявлениях этоiи партии по вопросу, впоследствии расколовшему польских социалистов на два непримиримых лагеря — социал-демократов — интернационалистов и социал-патриотов — пэпэ-эсовцев. Центральный орган «Пролетáриата» — «Валька Клясс» («Классовая борьба») с весьма характерным подзаголовком «орган м е ж д у н а р о д н о й социально-революционной партии», начавший выходить за границей (в Париже) в 1884 году, на протяжении многих лет оставался верен принципам интернационализма и уделял много места произведениям Маркса и Энгельса и их учеников. Этот орган вел все время беспощадную борьбу с польскими националистами и стоял на страже строгого соблюдения принципа классовой борьбы и последовательного интернационализма в полном согласии с учением Карла Маркса. Вот что писала редакция по этому вопросу в руководящей статье «Мы и патриоты» (см. № 1 — 1884 г.).

«Вступая в борьбу с царским правительством, мы не заинтересованы нисколько в создании н е з а в и с и м о й П о л ь ш и, от которой нельзя ждать уничтожения политического порабощения народных масс. Мы знаем, что только социальный переворот, во имя которого мы боремся, сломит всякую экономическую и политическую неволю... Признавая, что борьба с правительством есть одно из средств к совершению социального переворота, мы должны также согласиться, что только общим напряжением сил всех стонущих под игом самодержавного правительства народов нам удастся его ниспровергнуть... Мы должны резко отмежеваться от патриотов, вступая в борьбу, которую мы предпринимаем сообща с другими организациями. Наша борьба должна вестись под лозунгами классовой. Ведь главная наша цель пробудить классовое сознание в массах. Мы не можем и не желаем оказаться в роли людей, таскающих из горящих углей

каштаны для кого-то чужого... Исходным пунктом движения и основой программы нашей организации должны быть не национальная независимость, не традиции польскоїї Речи Посполитоїї, а принципы международного социализма и борьбы классов».

Это программное заявление центрального органа «пролетариатцев» очень выгодно отличает программу последних своей четкостью и продуманностью классовой точки зрения от туманноїї и утопическоїї формулировки основных пунктов программы Исполнительного Комитета «Народной Воли», с котороїї «Пролетариат» заключил в 1884 г. братскиї союз. Эти же идеи систематически проводятся на страницах «Валька Клясс» и «Пржедсвита» вплоть до перемены направления последнего в сторону социал-патриотизма в марте 1893 года. Совершенно понятно, что влияние этоїї (пролетариатскоїї) литературы на киевских поляков-социалистов было безгранично и что принципы интернационализма и научного марксовского социализма были нами (в начале 90-х годов) и нашими предшественниками (конца 80-х годов) усвоены весьма прочно. Когда дело дошло до раскола, сторонники «Пролетариата» оказались подкованными на все четыре ноги.

Несколько слов об организации польских и литовских социалистов, возглавлявшейся Станиславом Нарутовичем. Из поляков. игравших руководящую роль, следует отметить наиболее яркую и талантливую личность Иордана Николаевича Пересвет-Солтана (позднее крупнейший в Киеве адвокат, глава политических защит), из литовцев — главного в дальнейшем организатора и руководителя литовскоїї с.-д. д-ра Андрея Домашевича и д-ра Сонгайло. Описанная организация, отдавая дань своему времени, была также тщательно законспирирована и, несмотря на отсутствие практическоїї работы, которая бы могла обнаружить ее существование перед «всевидящим оком» жандармерии, упорно и долго отстаивала аналогичную «фокинцам» трехстепенную структуру своих концентрически расположенных, по степени доверия, кружков. В центре стояли «братья» — революционное ядро, ведшее политическую работу, связанное с другими городами и руководившее работоїї по вербовке приверженцев среди учащейся молодежи и интеллигенции. Во втором ряду — кружки 2-й степени, члены коих, носившие название «товаржише» (товарищи), проходили политическую подготовку. В третьем — кружки самообразования высшего типа, члены которых именовались по-студенчески — «коледзы» (коллеги). Во всех этих кружках велась очень серьезная образовательная работа, но почти исключительно по вопросам обществоведения, по истории и особенно по изучению социалистических теорий и рабочего движения на западе. Такая же работа, весьма основательная. велась в примыкавших к революционному ядру студенческих

кружках («Кола») в мое время, на несколько лет позже описываемого кануна 90-х г.г.

В организацию входили еще брат мой Викентий Мошинский, также игравший видную роль в киевском подполье и часто являвшийся посредником между многочисленными тогда подпольными кружками, Людвиг Левкович (медик), Анна Григорьевна Маньковская, Александрина Бояковская (учительница), студенты-медики Станислав Бахницкий, Генрих Сарцевич, Викентий Богуцкий, Людвиг Наркевич, Юзеф Ходорский, Ядвига Самохоцкая и мн. др., фамилии которых мне остались неизвестны, так как в те годы я был еще подростком. Любимым местом сборищ и вечеринок этой группы был дом популярной в Киеве семьи Маньковских (Рейтарская, 39), где у старшей дочери, Анны Григорьевны, было нечто вроде политического салона, в котором почти каждую субботу можно было встречать всех наиболее передовых и интересных в городе людей. Тут бывали, кроме перечисленных членов организации поляков и литовцев, и русские, например, вернувшийся из Сибири поднадзорный Н. Н. Новиков (тогда народоволец) и украинцы — Н. В. Ковалевский с дочерью М. Н. Ковалевской-Деген, В. Г. Крыжановская и много др.

Собрания польской группы, где шли отвлеченные, теоретические споры, носили, можно сказать, скорее характер дискуссионного клуба, чем политической, партийной организации, решающей практические дела революционного подполья. Поляки, так же, как и «фокинцы», были далеки от практической работы в массах и заняты были исключительно теорией и разработкой своей политической программы.

Однако зимою 1889—90 года на мирно теоретизировавшую группу Нарутовича-Домашевича обрушился, как гром среди ясного неба, сам генерал Новицкий со своей жандармской свитой. Австрийская полиция дружески поделилась с ним отобранными во Львове при аресте Б. А. Кистяковского и его друзей материалами и адресами. Новицкий, заполучив некоторые адреса, произвел массовые аресты не только среди драгомановцев-украинцев (К. И. Арабажин, Синявский и др.), но и среди собиравшихся у А. Г. Маньковской поляков и литовцев. Сама хозяйка этих тайных сборищ, Анна Григорьевна, очень энергичный и образованный общественный работник описываемого десятилетия была вместе с другими членами организации в числе около 20 лиц арестована. Деятельность этой группы на некоторое время прекращается. Дом Маньковских, как семья Кистяковских (Кузнецкая ул.), был тогда на учете у генерала Новицкого как особо опасный очаг революционной пропаганды.

После этих арестов (1890 г.) политическая жизнь в крамольном доме затихает вплоть до 1897 г., когда младшее поколение

членов семьи Маньковских начинает вступать в тайные организации и вызывает против себя и дома новые преследования генерала Новицкого.

Как относился последний к семье Маньковских, показывает следующий случай: когда в связи с арестом Георгия Маньковского, принимавшего участие в студенческих беспорядках в Питере, были предприняты хлопоты об облегчении его участи, они не увенчались успехом, так как в департаменте полиции оказался отзыв Новицкого, характеризующий дом Маньковских как опасный очаг революционної крамолы. В семье Маньковских на протяжении нескольких лет было произведено 12 обысков и арестов.

В начале 90-х годов деятельность польского социалистического кружка возобновляется под именем «Звионзек млодзежы социалистычней». О нем упоминает также в своих воспоминаниях активнейшиї в дальнейшем член киевского «Союза борьбы» П. Г. Полонскиї [1]. Члены этой организации, заменявшей киевскую группу «пролетариатцев», имели, как и их предшественники, полную возможность научно разрабатывать вопросы своей программы. Они, благодаря связям с Вильно и Варшавої, имели в своем распоряжении богатую литературу, что наложило на поляков-киевлян печать, выгодно выделявшую их организацию от других современных им таїных кружков в смысле более глубокого, близкого к марксизму, построения своей программы. Поляки обеспечены были регулярным притоком закордонных изданий. Станислав Мендельсон в 80-х г.г. издал за границей почти все наиболее важные исторические и экономические сочинения К. Маркса, и польская революционно-настроенная молодежь имела возможность читать всего Маркса тогда, когда для русского читателя это было недоступной роскошью. Этим-то и об'ясняется, что, например, Богдан Кистяковскиї, именно сойдясь с поляками-«пролетариатцами» в Дерпте и быстро научившись немецкому языку, получил возможность ознакомиться с марксистскої литературої из первоисточника и под влиянием новых товарищей стал еще в 1890 г. социал-демократом; что именно он привез с запада в Киев новую марксистскую программу и стал первым теоретиком марксизма среди киевской интеллигентной молодежи [2].

Но недолго длилось согласие в новой группе. Весною 1893 г. состоялось об'единение всех действовавших в русской Польше подпольных социалистических организаций (эпигоны «Пролста-

---

[1] «Каторга и Ссылка», 1928 г., № 3.

[2] Любопытно, что несколько раньше Б. А. Кистяковского учился в Дерптском университете и Эмиль Абрамович — будущий основатель с.-д. кружка в Киеве.

риата», «Польски звионзек роботников» — т.-е. «польский рабочий союз» и др. группы польских социалистов) на платформе программы старого «Пролетариата». Киевляне приветствовали об'единение всех дейiствовавших подпольно в Польше сил, выступавших под новым наименованием «Польская Партия Социалистическая» (П. П. С.), и склонны были влиться в новую партию. Однако, мирное сожительство интернационалистов с другими группировками продлилось недолго. В мартовском № заграничного «Пржедсвита» (1893 г.), а затем в прокламации, призывающей к манифестации в день патриотической годовщины (восстания Косцюшки), отчетливо обнаружилось намерение заграничников перетянуть новообразовавшуюся П. П. С. в лагерь социал-патриотов. Это вызвало бурные протесты, и внутрипартiйная борьба за программу затянулась на долгие месяцы. Только к концу 1893 г. выяснилась окончательная программа П. П. С., нашедшая себе подробное националистическое обоснование в статьях того же Мендельсоновского «Пржедсвита» за 1894 год, № 10—12. Рабочая масса, примыкавшая ранее к «Пролетариату», а затем в течение 1893 г. потянувшаяся в заменившую его П. П. С. теперь отхлынула от социал-патриотов и когда, наконец, в конце 1893 г. образовалась из отколовшейся от П. П. С. группы новая партия «Социал-демократия Королевства Польского», стала записываться в эту организацию. П. П. С. в противоположность последней еще долго оставалась интеллигентской организацией и только впоследствии, приноровившись в своем «Роботнике» к запросам рабочей массы, сумела выдерживать конкуренцию с «С.-Д. К. П.». Борьба закипела. Теперь когда стали во главе польских с.-д. задорные полемисты типа «ярко-красной» Розы (выражение бернштейнианца Ауэра) Люксембург, бой закипел по всей линии. Основная линия полемики молодых польских с.-д. с польскими социал-патриотами шла по пункту национального самоопределения и независимости Польского государства. Группа поляков-заграничников, издававшая вместе с Мендельсоном в Лондоне «Пржедесвит» (Иодко, Перль и друг.), отстаивала теперь новую программу «независимой польской республики», ссылаясь на реакционность русского мужика и сильную экономическую основу царизма, которые долго будут сковывать Польшу и ее свободу. Отторжение Польши от России деспотической и экономически реакционной — основная задача польского пролетариата, — так говорили приверженцы «Пржедсвита». Наоборот, Роза Люксембург и ее друзья доказывали, что отрыв русской Польши от России, хотя бы и царской, поведет к потере польской промышленностью колоссальных русских рынков: отторжение это противоречит экономическому «органическому» единству Польши и России, наладившемуся за сто лет совместного исторического сожительства. Ожесточенная

борьба этих двух течений польского социализма заполнила целую четверть столетия.

Первым официальным документом, где впервые была высказана точка зрения новой партии на пэпээсовскую программу восстановления буржуазной Польши, был доклад польской с.-д. делегации Цюрихскому Международному Конгрессу в августе 1893 года. В числе делегатов был соредактор центрального органа с.-д. «Справа Роботнича» Юльян Мархлевский (Карский), руководивший этим изд. вместе с Розой Люксембург («Крушинской») с июля 1893 года.

«Экономическое и политическое бытие, — говорится в цитируемом докладе, — каждой из трех частей расчлененного государства Польского оказалось волей политических судеб органически слитым с поглотившей ее великой державой-захватницей. Каждая из них создала для захваченной ею провинции Польши особые политические и экономические тенденции и интересы. В виду хронического перепроизводства и переполнения международного рынка, крупная промышленность, буйно развившаяся в русской Польше («Конгрессовой»), существует исключительно благодаря политическому симбиозу с царской Россией. Благодаря этому невольному сожительству появились и окрепли взаимные экономические связи между обеими сторонами. Эти экономические отношения обоих народов и польскую индустрию царское правительство использовало вдвойне: с одной стороны, как орудие обрусения и привлечения на свою сторону польских капиталистов и, с другой стороны, в собственных экономических интересах. При наличии таких экономических уз, которые диктуются непреодолимой логикой капиталистического развития, стремление к восстановлению капиталистического (буржуазного) государства Польского оказывается лишенным всякой реальной почвы в исторической действительности. Пред лицом таких об'ективных данных патриотическая программа может быть рассчитана... исключительно на непредвиденные последствия европейской войны...».

Иордан Николаевич Пересвет-Солтан (1907 г.)

Эти тезисы, впервые опубликованные в докладе Цюрихскому Конгрессу, были положены в основание полемики, длившейся у с.-д. с п. п. с. на протяжении многих лет. В дополнение к этим тезисам не мешает привести по тому же кардинальному вопросу, разделившему польских социалистов на два доселе враждующих лагеря, резолюцию I С'езда С.-Д. К. П., состоявшуюся в Варшаве весною 1894 года [1] («Спр. Роб.», апрель 1894 года, № 10).

«Принимая во внимание с одной стороны, 1) что С.-Д. К. П., как и с.-д. в других странах, стоит на почве классовой борьбы и стремится к завоеванию максимальных политических свобод посредством демократизации всех существующих в стране форм политической жизни, 2) что таким образом ближайшей задачей пролетариата Королевства Польского, общей со всем пролетариатом государства Российского в целом, является ниспровержение царского самодержавия и завоевание наиболее широких конституционных прав, и принимая с другой стороны во внимание, 1) что при наличии об'ективно проявляющихся тенденций капиталистического развития и сложившихся благодаря последнему общественных отношений программа восстановления Польского государства является в настоящий момент утопией, 2) что для осуществления подобной программы пролетариат Польши должен был бы обладать таким могуществом, при наличии какового он способен был бы произвести социалистический переворот и разрушить всякое государство, 3) что подобная программа только отвлекла бы польский пролетариат с классовой и интернациональной точки зрения нашей партии на путь национального шовинизма — первый С'езд С.-Д. К. П., признавая борьбу с национальным гнетом и всякой другой формой такового необходимой и возможной в пределах действующей политической программы партии, находит программу восстановления Польского государства равнозначущей полному отказу — в современных наших условиях — от плодотворной политической борьбы и отречению от конечных и ближайших целей пролетарской программы».

Верный традициям братских отношений «Пролетариата» и «Народной Воли» I С'езд С.-Д. К. П. по вопросу об отношениях с русскими революционными партиями вынес резолюцию, облегчавшую переход многим с.-д. польским группам в ряды российских организаций или безболезненное сближение с ними — как это именно и случилось в 1894 году в нашем Киеве [2].

«Принимая во внимание, —

---

[1] В это время окончательно выявился также раскол среди польских социалистов в Киеве.

[2] См. Восп. П. Г. Полонского, «Каторга и Ссылка», 1928 г., № 3.

1) что низвержение царского самодержавия и завоевание демократической конституции, которая могла бы обеспечить рабочему классу влияние на ход дел страны, областей и общин — одинаково необходимо как российскому, так и польскому пролетариату;

2) что российские рабочие, поскольку они в последнее время высказались (весна 1894 г.) и выставили уже пункт о низвержении царского самодержавия в своей политической программе;

3) что об'единение сил российского и польского пролетариата ускорит выполнение вышепоставленных задач, С.-Д. К. П. провозглашает братство польских и российских рабочих и находит необходимым в общих интересах принять меры к приближению той минуты, когда рабочее движение в России примет формы широкой и массовой политической агитации и, наконец, предлагает российским товарищам привлечь широкие массы к празднованию 1-го мая».

Критикуемая программа П. П. С. была впервые опубликована за спиной у действовавших подпольно в русской Польше членов П. П. С. — в № 5 заграничного «Пржедсвита» за 1893 г. Социал-патриотическая мотивировка ее появилась только в 1894 году в №№ 8, 9, 10 и 11 под заголовком «Этапы». Кроме указаний на экономическую отсталость России, на невежество и реакционность русского крестьянина, автор этого комментария к программе П. П. С. пытается доказать, что единственной реальной силой революционного движения против царизма являются только польские партии, что после разгрома «Народной Воли», кроме слабых конституционных групп, в самой России отсутствуют перспективы под'ема революционного движения. Далее автор этого комментария пространно говорит, что в случае победы русской конституционной буржуазии над самодержавием русская конституция будет пропитана духом российского шовинизма и будет вредна полякам. Против аргумента о зависимости польской индустрии от русских рынков и заинтересованности ее в политическом союзе с Россией автор выставляет версию о достаточной емкости внутреннего польского рынка, который создастся после об'единения всех частей старой Польши. Действительность опрокинула все эти аргументы.

Неудивительно, что и мы все — киевляне — польские с.-д. и социалисты, воспитанные на русских демократических традициях и на марксистской литературе и дискутируя все эти материалы, довольно регулярно поступавшие к нам через Вильно, стали в громадном большинстве на точку зрения подлинных преемников близкого нам «Пролетариата» — польских социал-демократов.

На польскую молодежь, кроме закордонной литературы, упоминавшейся выше, немалое влияние имели легальные демократические и научные журналы, выходившие тогда в Варшаве: «Глос» (орган польских «людовцев», т.-е. крестьянской партии, ред. И. Потоцкий), «Пржеглонд Тыгоднёвы» и особенно «Правда» (ред. Ал. Свентоховский), где сотрудничал известный в то время легальный марксист Людвиг Крживицкий (автор многих популярных тогда польских брошюр с.-д. характера, напр., об исключительном законе против германских с.-д. «Перед и после 1-го октября» и т. п.). Всю зиму 1893—94 г. и в Польше и «на крэсах» шли бурные дискуссии. Наконец, и киевский «Звионзек млодзежы польскей социалистычней» распался.

Раскол окончательно определился к началу 1894 года. С этого момента в Киеве образовались две польских социалистических группировки. Первая, с юристом Иорданом Солтаном и медиками Людвигом Левковичем и Генрихом Сарцевичем во главе, ориентировалась на П. П. С. Вторая, возглавляемая доктором Станиславом Бахницким и Викентием Богуцким, приняв название «Польской соц.-дем. группы», приняла программу редактируемой Розой Люксембург «Справы Роботничей».

На смену всем вышеперечисленным кружкам к зиме 1893 — 1894 г. сформировались кружки, приступившие к практической работе в пролетарской среде. За 5 лет до этого момента, в 1888 г., одновременно с перечисленной интеллигентской кружковщиной, где шла большая подготовительная работа, известным д-ром Абрамовичем была создана первая в Киеве социал-демократическая организация. В 1889 г. она была ликвидирована. Непосредственным преемником этой организации был кружок инженера Карла Килянского, о котором речь будет ниже.

К моменту ликвидации перечисленных выше русских, украинских и польских кружков и параллельно с возникновением аналогичных социал-демократических групп сформировалась первая в Киеве тайная организация учащихся средне-учебных заведений, которая по истечении 1½ года систематических занятий над выработкой стройного миросозерцания, начиная с 1893 г., становится определенно марксистским кружком, около которого группируются на периферии многочисленные филиальные кружки. Организация эта играла видную роль в киевской общественности, дала много ценных работников киевскому революционному подполью. О ней речь в следующей главе.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

ОРГАНИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.—ЖАНДАРМЕРИЯ.

I. Первые марксистские кружки учащихся средней школы в Киеве и в провинции (1890—1894 г.г.).

Учащиеся средней школы — особенно в провинциальных городках — в своем стремлении к самообразованию и к запретной кружковщине встречали невероятные препятствия и ухитрялись с большим искусством сохранить втайне от начальства свои кружковые занятия. Последние годы царствования Александра III, который, как известно, «высочайше» повелел, чтобы в гимназию не пускали «кухаркиных детей», при котором на школьную молодежь по всей России был распространен дикий режим, применявшийся к ней после восстания 1863 г. в польских и литовских-белорусских губерниях, были для всей учащейся молодежи эпохой окончательного удушения свободы мысли и водворения в школе казарменного режима. Школьники обязаны были, например, жить в специально рекомендованных учебным начальством «ученических квартирах», находившихся под неослабным наблюдением училищного начальства. Из'ята была из списка дозволенных к чтению книг почти вся, даже художественная, литература, начиная с 50-х годов. Надзиратель или инспектор местной гимназии мог в любую минуту зайти к вам, перевернуть все постели, осмотреть содержимое столов, подслушать, что говорится среди воспитанников. На Литве, например, достаточно было быть изобличенным в употреблении польского языка, чтобы подвергнуться изгнанию из гимназии. При министре Делянове в Киеве было не лучше, чем в Вильне или в Варшаве при попечителе Апухтине. Также подвергались нашествиям частные ученические квартиры. У моего брата, например, отобран был при обыске роман Гончарова «Обрыв». Но чем больше были гонения, тем изобретательнее были ученики в состязании со своими мучителями и находили самые неожиданные пути, дабы одурачить свое начальство. Так, напр., в Новгород-Северской гимназии, имевшей честь выпустить таких питомцев, как Але-

ксандр Михайлов и Кибальчич (фамилия последнего красовалась на мраморной доске в числе медалистов, по словам тов. Сапежко, В. М.), образовавшийся в 90-м году марксистский кружок школьников вынужден был устраивать свои тайные собрания и чтения Маркса у одного из товарищей, сына начальника тюрьмы... в тюремной камере. Юноши оставались неуловимы вплоть до окончания гимназии и многие потом действовали в киевском подполье. Кроме В. М. Сапежко киевское с.-д. движение из среды участников этого кружка приобрело целый ряд выдающихся работников. Демьян Лесенко, Петр Белоусов, Михаил Балабанов, Константин Василенко — все они стали убежденными марксистами еще на школьной скамье в самом начале нового десятилетия. Большинство провинциальных гимназий Литвы, Белоруссии и Украины направляли своих воспитанников в Киевский или Харьковский университеты. Только из реальных училищ молодежь вынуждена была поступать в специальные заведения в столицах. Не ошибусь, если скажу, что во всех без из'ятия сформировавшихся в описываемое время студенческих землячествах были ячейки вполне сложившиеся еще на школьной скамье если не марксистов, то, во всяком случае, убежденных социалистов с напряженным революционным настроением. Мрачное затишье 80-х годов к концу царствования «миротворца» сменялось новым оживлением. Бацилла протеста и новых идей марксизма носилась в воздухе. Из Бело-Церковской гимназии, не забывшей легенды о славном предшественнике — Людвиге Варынском — в киевские организации последовательно поступали лучшие силы, например, Карл Килянский. Марьян Гурский, Ромуальд Войнарович и др. Видный член ЦКР[1], вождь ППС Владислав Малиновский, также сын служащего в имении графини Браницкой, был товарищем Килянского по Бело-Церковской гимназии. Тоже было с абитуриентами Житомирской, Уманской, Павлоградской, Мелитопольской, Черкасской, Шавельской, Борисовской, Слуцкой и целого ряда других гимназий, где совершенно самостоятельно, без особых внушений со стороны, возникали тайные кружки с марксистским направлением. В наши студенческие землячества, особенно в великолепно сорганизованную и блестяще оборудованную всеми пособиями польскую студенческую «корпорацию», вливались уже вполне сложившиеся, рвущиеся к делу марксисты. Тот же процесс, только в более крупном масштабе, происходил почти на глазах у «всевидящего» начальства и в нашем богоспасаемом граде в киевской средней школе. Здесь было пять мужских гимназий, три женских, реальное училище и пять специальных школ. Таким образом, в киевских учебных заведениях было вполне достаточно горю-

---

[1] ЦКР — «Центральный Комитет Роботничы П.П.С.».

чего материала для работы, затеянной маленьким инициативным кружком, описанию которого посвящена эта глава.

Почти рядом с нами шли работы подпольных кружков, о которых шла речь в первом очерке, ими были разработаны программы систематического чтения и составлены комплекты нужных пособий и нелегальной (польской) литературы: вполне понятно, что мы, младшие братья членов описанных кружков, вскоре очутились в том же антиправительственном лагере и сразу приступили к практической подпольной работе.

Под влиянием старшего брата и его друзей я рано стал социалистом и с пятого класса гимназии был уже страстным проповедником нового учения.

Покойный брат мой, Викентий Николаевич Мошинский, небезызвестный в описываемые годы деятель киевского подполья, окончил Киевскую гимназию в 1888 году вместе с упоминавшимся выше пионером киевского марксизма Б. А. Кистяковским. В университете же он сблизился с целым рядом товарищей, вскоре выдвинувшихся или на поприще студенческих дел, или в тайных политических организациях. Вместе с Богданом Кистяковским и другими студентами брат принимал прямое или косвенное участие во всех конспиративных кружках того времени, и потому у нас на квартире (сначала на Рейтарской ул., а затем с 1892 г. в Кадетском пер.) можно было встретить представителей всех направлений, всех партий и национальностей. Из студенческих деятелей заслуживают быть отмеченными: старый взлохмаченный студент-медик Спилиотти, прямая ему противоположность, студент-юрист, корректный В. Н. Крохмаль (с.-д. стал только в уфимской ссылке с 1897 г.), братья Рубесовы (народники-драгомановцы), Колянковский и мн. др. Из русских марксистов, кроме Б. А. Кистяковского, большого конспиратора, бывавшего у нас только в исключительных случаях, частыми посетителями брата были: Яков Максимович Ляховский, Сергей Константинович Мержинский, Иван Адамович Саммер, Петр Петрович Румянцев, а также иногда братья П. и С. Тучапские. Из единомышленников брата — социалистов-поляков, которые часто устраивали у нас свои тайные заседания, — особенно близки были Карл Килянский, Ян Пржиборовский, братья Маковские, из польских с.-д. — Викентий Богуцкий, Казимир Петрусевич и мн. др.

Таким образом, я еще школьником 5—6 класса вращался в среде посещавших брата представителей киевского подполья и незаметно для себя начал интересоваться общественными вопросами. Тут случилось одно обстоятельство, которое ускорило переход мой — а вместе со мной и моих школьных друзей — в ряды активных участников киевской подпольной кружковщины. Брат

мой пользовался особым доверием в своей организации и держал у себя склад нелегальной литературы. Я случайно обнаружил хранилище, в котором были запрятаны нелегальные издания, и тайком от родных перечитал целый ряд брошюр, раскрывших мне новый неведомый мир. Это были известные сочинения Кеннана, Степняка и Туна, а также Дикштейна («Кто чем живет»). Я, конечно, поспешил поделиться этими новинками со своими школьными друзьями.

Таким образом сформировался наш первый кружок для чтения нелегальщины, — организация, создавшая вокруг себя в непродолжительном времени целую сеть филиальных кружков в других средне-учебных заведениях. Об этом именно нашем центральном кружке юных марксистов с большим чувством и теплотою пишут активные его участники: А. В. Луначарский и Л. С. Федорченко [1]. Позволю себе процитировать первого из упомянутых членов нашего инициативного кружка:

«Мы, гимназисты и реалисты, имели, конечно, косвенную связь со студентами, но, по правде сказать, развились самостоятельно и, пожалуй, более бурно и более широко... Вначале я стоял в стороне от этого гимназического движения. Первый, строго выдержанный кружок марксистов включал в себя целый ряд лиц, имена которых, так или иначе, прославились потом или, по крайней мере, стали известными. Руководящую роль играли, пожалуй, два выдающихся поляка, из которых один погиб потом при очень трагических обстоятельствах — Адам Рабчевский, а другой играл впоследствии видную роль в социал-демократических кружках на юге... К кружку принадлежали также: чрезвычайно талантливый Давид Логвинский, Борис Шен, Анатолий Верж-бицкий, Виктор Вайнштейн, Михайло Плющ, Дмитрий Неточаев, в большинстве случаев многие годы работавшие в социал-демократической партии, иногда со значительным успехом. Были, конечно, и такие, которые потом отстали. Игорь Кистяковский был также деятельным и влиятельным членом этих кружков. К ним же относится Н. Бердяев и некоторые другие. Я был как раз учеником 5-го класса, когда ко мне обратились из этого молодого центра с просьбой образовать филиальный кружок в моем классе. Очень скоро у нас окрепла организация, охватившая все гимназии, реальное училище и часть женских учебных заведений. Я не могу точно припомнить, сколько у нас было членов, но их было во всяком случае не меньше двухсот. Шли деятельные кружковые занятия, где рядом с Писаревым, Добролюбовым, Миртовым зачастую также изучали Дарвина, Спенсера, а также политическую экономию по книгам Чупрова и

---

[1] См. «Великий Переворот», 1919 г., изд. Гржебина, гл. I и ст. Чарова — Л. Федорченко в «Кат. и Ссылке», 1926 г., № 6.

по нелегальным изданиям социал-демократического характера. К нелегальноїї литературе мы относились с благоговением, придавая еїї особое значение. Ни от кого не было скрыто, что кружок является подготовительною ступенью для партийно-политической работы. Мы устраивали также митинги, большею частью за Днепром, куда отправлялись на лодках. Поездки на лодках на всю ночь были любимым способом общения, я бы сказал, политической работы для этоїї зеленоїї молодежи... Заключались тесные дружбы, бывали случаи романтическоїї любви [1], и я сейчас с громадным наслаждением вспоминаю свою юность и до сих пор многие имена старых киевских товарищей вызывают теплое чувство, хотя многие из моих тогдашних друзеїї отошли от жизни вообще, или от жизни политическоїї. Умственным центром народившейся тогда социал-демократическоїї публики была проживавшая за границеї группа «Освобождения Труда», состоявшая из Плеханова, Г. В., Аксельрода, П. Б., Засулич, В. И. и Дейча, Л. Г. Их нелегальные произведения являлись существенноїї пищеї для нас — неофитов марксизма [2]. К концу, однако, нашего пребывания в гимназии (в 1893—94 г. г.) проявился и чисто русскиї марксизм с попытками найти легальное выражение. Колоссальное впечатление произвело на нас появление первоїї книжки Струве. В Киеве она вся была распродана в кратчаїшиї срок. Мы изучали ее в кружке и принимали без борьбы и спора многие ее, на деле рискованные, положения... Знакомство с д-ром философии Бернского университета Н. Н. Новиковым [3] (недавно выпущенным из тюрьмы по обвинению в близости с Г. В. Плехановым и др. эмигрантами из гр. «Освобождения Труда») вызвало во мне живеїшиї интерес к эмпириокритицизму.

В виду крупноїї роли, которую сыграл этот, описываемый А. В. Луначарским, кружок в истории киевского революционного движения, в виду того, что из него вышло большое количество

---

[1] Несмотря на то, что мы порвали со всеми условностями мещанского быта и в нашем кружке юноши и девушки жили зачастую в самоїї интимноїї обстановке, взаимоотношения их отличались безукоризненноїї чистотоїї и суровым целомудрием. Мы всегда и всюду обличали и осуждали царившую кругом половую распущенность. Брачные союзы наших сочленов, поскольку таковые потом заключались, отличались своеїї устоїчивостью и искренностью, выделявшими их среди моря буржуазного лицемерия и половоїї разнузданности, царивших в семеїнном быту мещанского общества до-революционноїї эпохи.

[2] В дальнеїшем я рассказываю, каким путем к нам проникали эти заграничные издания.

[3] Сближение с Н. Н. Новиковым, явившимся для нашего кружка живым носителем увлекавших нас новым идеїї, побудило целыї ряд активнеїших участников его отправиться в Мекку русскоїї социал-демократии — в Швеїцарию. В числе первых был А. В. Луначарскиї.

как практиков-подпольщиков, так и видных впоследствии общественных и научных работников, думается, будет позволено остановить внимание читателя на рассказе об этой ученической организации и о некоторых наиболее выдающихся участниках ее, заслуженных в дальнейшем социал-демократах.

Вначале это был интимный кружок нескольких товарищей по классу. Учились мы во 2-й гимназии, отличавшейся строгой субординацией и казарменными порядками. Однако, уже в шестом классе из нас, протестантов, образовалась дружная компания, поведшая борьбу с «футлярными» педагогами и забросившая школьную учебу ради нелегального саморазвития, а также из-за увлечения тайными сходками за Днепром (после любимых нами незабвенных прогулок на лодках). Школьный протест сблизил нас. В нашем тесном кружке оказались: Анатолий Веряжбицкий, Александр Пономаренко (братья которого были революционерами-народниками), Адам Рабчевский (польские революционные традиции в семье), Иосиф Почентовский (из 1-й гимназии), Лев Шидловский (3-я гимназия) и я. Вскоре к нам присоединился младший брат Б. А. Кистяковского — Игорь, очень талантливый юноша, кандидат в медалисты, с большим зарядом протеста. Собирались мы почти ежедневно у всеобщего нашего любимца А. Веряжбицкого (Кадетский пер., дом старого украинофила Чалаго, № 9, уг. Бульв. Кудрявской, — квартира особенно ценилась нами из конспиративных соображений), а потом чаще всего у меня. Анатолий Веряжбицкий, alter ego А. В. Луначарского, давший вместе с последним «Аннибалову клятву» служить революции и рабочему классу, был большим энтузиастом нашей затеи. Оба они (А. В. Луначарский вступил несколько позже в наш кружок) заняли видное положение в организации и были неразлучными друзьями. Оба они вышли впоследствии, благодаря неладам с начальством, из гимназии и уехали в 1894 году в Швейцарию (с рекомендациями от Каминер-Линдфорсов), к самому П. Б. Аксельроду на выучку. О первом из них, исключительно восторженном юноше, А. Ф. Веряжбицком, преждевременно погибшем от тифа в голодный год [1], надлежит упомянуть, как об очень глубоком, вдумчивом и высокой культуры общественном работнике в дальнейшей его карьере. За деятельность в киевской социал-демократической организации он был привлечен в марте 1898 г. в числе других членов «Союза борьбы» и выслан из Киева под надзор полиции [2]. В дальнейшем и до самой смерти А. Ф. Веряжбицкий работал в рядах общественной агрономии.

---

[1] По дороге из Средней Азии на с'езд научных работников заразился тифом и умер в Москве, где похоронен в 1922 году.

[2] О нем вспоминает В. В. Водовозов в «Былом», 1917 г., № 5/6.

Первые наши занятия заключались в изучении истории русского революционного подполья по упомянутым нелегальным изданиям. Желая сохранить для своей библиотеки эти книжки, чтобы распространять их среди киевской учащейся молодежи, мы переписывали все эти издания от руки в нескольких копиях Это были первые шаги нашей политико-просветительной работы в среде товарищей.

Вслед за этим мы позаботились о расширении нашего кружка. Очередь была за первой гимназией. Там в 6 классе создалась такая же атмосфера школьного протеста. Показателем настроения была большая популярность, которой пользовался один из сподвижников главного организатора намеченной нами группы А. В. Луначарского — Николай Ярошевский. Он обладал приятным голосом и с большим чувством и безбоязненно (весь класс был настроен оппозиционно) исполнял в гимназии революционные песни, пользовавшиеся большим успехом. С его легкой руки песнь, посвященная казни Валериана Осинского [1], «Прогремела труба, повалила толпа» скоро приобрела всеобщую известность и исполнялась на всех революционных вечеринках и рабочих массовках. Здесь под руководством А. В. Луначарского образовался большой кружок выдающихся, способных юношей, перешедших вскоре «от ликующих, праздно болтающих» в стан «погибающих за великое дело любви» [2], будущих активных социал-демократов. Чтобы посмотреть и выявить настроение наших новых товарищей, мы устроили на Днепре традиционное катание на лодках. Поздно вечером в любимом месте наших экскурсий, в старинном живописном «Выдубецком монастыре», за дружеской беседой новая публика разоткровенничилась. Оказалось, что наши новые друзья не только мастера петь, но также усиленно занимаются саморазвитием и много читают. Особенно выделялся среди этих товарищей тщедушный на вид тезка нашего товарища Веряжбицкого и его будущий друг — Анатолий Луначарский. Несколько сутулая фигура его и близорукие, благодаря постоянному чтению, глаза свидетельствовали об усиленной умственной работе нового единомышленника. Не по возрасту начитанный, получивший, очевидно, прекрасное воспитание, этот талантливый юноша несколько смущал нашу грубоватую компанию своей внешней благовоспитанностью. Но скоро все условности были устранены, и мы заключили самую тесную дружбу.

---

[1] Повешенного в Киеве в 1879 году.

[2] Любимым нашим напевом, можно сказать, нашим кружковым гимном была эта песня, заимствованная из популярнейшей поэмы Н. А. Некрасова «Рыцарь на час». Вообще, следует отметить, что обширный репертуар любимых нами революционных и студенческих идейных песен играл в нашем подпольном быту огромную, подымающую революционное настроение, роль.

Наша публика отличалась небрежностью в одежде и нарочитой грубостью (на словах) — из модного увлечения наивным народничеством семидесятников и «нигилизмом». По внешнему виду нам был более сродни второй сподвижник Луначарского. полный ему контраст — Дмитрий Неточаев. Он смотрел волком, исподлобья. Внешне неряшливый и застенчивый, он упорно отмалчивался; по-мужицки упрямый, этот дичившийся новых

Анатолий Васильевич Луначарский
(1894 г.)

Дмитрий Никитич Неточаев
(1894 г.)

людей юноша напоминал деревенского парня. За это ему дали народную кличку «Митрей», «дядя Митяй».

О Д. Н. Неточаеве неоднократно и с симпатией вспоминают многие старые киевские подпольщики. Наиболее ценно указание тов. Б. Л. Эйдельмана, который упоминает о нашем Д. Н., как о суровом и молчаливом хозяине конспиративной квартиры, сыгравшей очень важную роль в истории киевского рабочего движения. В домике матери его на окраине города, на Соломенке, в Кучменском Яру еженедельно происходили исторические заседания руководившего первыми в Киеве пролетарскими выступлениями Рабочего Комитете (с Ю. Д. Мельниковым во главе) в течение всей зимы 1895—96 г.[1]. Между прочим — интересная деталь, которую мне напомнил наш общий с «Митреем» соузник

---

[1] «Первый с'езд РС-ДРП»., изд. «Моск. Рабочий», 1927 г., стр. 92 и 109.

по «Лукьяновке» А. И. Петренко. Первые впечатления детства Мити Неточаева были связаны с легендой о героической эпопее «Народной Воли». Родители его до переселения на Соломенку, когда он был еще ребенком, жили в известном доме на Жилянской ул., где в начале 80-х г.г. было оказано работникам народовольческой типографии вооруженное сопротивление при аресте. Независимо от этого эпизода, глубоко врезавшегося в память ребенка, вся обстановка воспитала в нем сызмала демократические чувства. Дело в том, что Неточаев по своему происхождению и первым впечатлениям детства был подлинным пролетарием и по внешнему облику, и по своей психологии. Он вырос в рабочем предместье Киева — на Соломенке, в семье бедных родителей. Друзьями его детства, с которыми он играл на улице в «бабки», были дети рабочих железнодорожных мастерских. Восстановить старые связи среди сверстников, ставших рабочими, для нашего «Митрея», когда он стал социал-демократом, было делом весьма простым и естественным. Поэтому-то Д. Н. Неточаев первый из нашего кружка пошел в рабочую среду и оказался лучшим у нас практиком-пропагандистом. Он знал и любил рабочую среду и пользовался в ней большим уважением.

Таким образом, в Анатолии Луначарском наш кружок приобретал выдающегося теоретика и блестящего спорщика, столь ценного для наших научных занятий, и в то же время незаурядного организатора, а в его школьном товарище Д. Н. Неточаеве— прекрасного практика и родного рабочей среде человека, который весьма пригодился кружку в дальнейшей его деятельности.

В той же группе было еще два даровитых товарища: братья Вакары — Владимир и Анатолий. Сыновья либерального мирового судьи, они оказывали потом, благодаря своим связям в киевском «обществе», огромные услуги организации. Их квартира на Университетском спуске была неоценимой для конспиративных целей. Особенно выделялся младший, высокий, стройный, черный, как цыган, получивший тщательное воспитание и начитанный больше многих своих сверстников Владимир Вакар, в годы наших юношеских конспираций не игравший особенно заметной роли. Он развернулся несколько позднее в так-называемых «рефератных кружках» 1897 г., а затем приобрел крупное имя в составе образовавшегося после Минского С'езда первого Киевского комитета Р. С.-Д. Р. П. и всех дальнейших его формаций. Особенную роль сыграл он в знаменитой июльской стачке [1] 1903 года, которую он руководил вместе с т. Иосифом Ишуфом [2]. Владимир Вакар (Правдин) не так давно умер в боль-

---

[1] В. Вакар (Правдин) — Киев перед 1905 годом. — К. 1925, или «Летопись Револ.»., 1924 г., № 4.

[2] Об И. Ишуфе читай у Левицкого (В. Цедербаума). «За четверть века», т. I, ч. 2, стр. 43.

шой нужде в полном расцвете сил в том же Киеве, искренно оплакиваемый многочисленными сотоварищами по революционному прошлому. Для нас, близко знавших и любивших его друзей, это — невознаградимая и тяжелая потеря.

Еще был в этой изумительно подобравшейся школьной компании Василий («Васька») Михайлов. Его тоже нет в живых. Года его смерти не помню. Товарищи иначе не звали его, как ласковым уменьшительным именем «Васька». Прекрасный товарищ и исполнительный работник нашего с.-д. подполья, он был всегда на своем посту. В гимназических кружках он, как и Николай Ярошевский, был тем элементом спайки и товарищеской солидарности, без которого немыслима никакая кружковая организация.

Тут же надлежит упомянуть в числе киевского юношеского актива из 1-ой гимназии братьев Иоффе, из которых младший Макс, ближайший сподвижник и друг С. З. Дижура, также достаточно известен в киевских с.-д. организациях, и Л. Войтоловского, (видного впоследствии марксиста и писателя).

Наконец, несколько слов о последнем и особенно интересном из этой дружной компании товарище Толи Луначарского, о «Дюде» (Давиде) Логвинском. Болезненного вида, непомерно высокий, худосочный юноша с тонким, интеллигентным лицом и прекрасным высоким лбом, свидетельствовавшем о крупных способностях, Дюдя очаровывал нас своим приветливым, полным любви к брату-человеку характером. Это был тип подвижника или, как говорится, человека долга [1].

Он так же, как Луначарский (и в дальнейшей работе кружка Н. Бердяев), отличался универсальной начитанностью, особенно по философским вопросам, и поэтому был одним из ценнейших работников, как теоретик и особенно как участник позднейших рефератных сходок. Активное участие в практической подпольной работе Дюдя принял лишь после большого мартовского провала 1898 г. в составе первого Киевского комитета. Арестованный в октябре 1899 г. с типографией, он был сослан в Сибирь и там погиб в 1904 г. от туберкулеза. Были в этой группе Луначарского еще хорошие парни, но всех их не перечтешь. Трое — Луначарский, Логвинский и Неточаев — вошли в наш центр, а остальные их товарищи по гимназии составили новый филиальный кружок

То же мы проделали с намеченными Львом Шидловским сверстниками его из 3-й гимназии (на Подоле). Публика была в высшей

---

[1] В некоторых строфах любимых в то время наших поэтов (включая, конечно, Некрасова) — С. Я. Надсона и П. Я[кубовича]-Мельшина — можно было найти такие мотивы. Мне иногда казалось, глядя на облик С. Я. Надсона, на его глаза, полные муки и любви к «страдающему брату», что в них есть нечто, напоминавшее нашего «Дюдю».

степени интересная и симпатичная. Мы удивлялись, откуда набралось столько хороших и даровитых юношей и как они были незаметны, пока их не всколыхнула волна общественного под'ема, особенно сказавшаяся — даже в мертвом Киеве — в «голодный год» (зима 1891—92 года). Из филиальных кружков, образовавшихся по нашей инициативе на Подоле, от 3-й гимназии в наш центр вошли, насколько помнится, 2—3 человека.

Ювеналий Дмитриевич Мельников (1889 г.)

Виктор Евсеич Вайнштейн (1895 г.)

Первый из них, типичный, длинный, как жердь, хохол с акцентом малороссийской просвирни и с великолепным протодиаконским басом — Михаїло Плющ. Так же, как и Неточаев, он был сыном бедных родителей, ютившихся в какой-то подольской лачужке, под обрывом на окраине, называвшейся Глубочицей, где ночью жутко было пробираться, ибо там рассеяны были притоны всякого сброда (там был убит и зарыт в пещере Глубочицкой горы мальчик Ющинский, известный по ритуальному делу Бейлиса). Плющ был чистокровным демократом и по происхождению, и по убеждениям. Еще до вступления в наш кружок он много читал и был вполне подготовлен к совместному с нами чтению «Капитала». Только в последние годы он отошел от партии.

Второй его собрат по гимназии, сын популярнейшего в Могилеве-Подольском врача-общественника, Виктор Вайнштейн. Он

выделялся среди товарищей большими способностями и сильным логическим мышлением.

Виктор казался почему-то старше своих лет, и мы поспешили дать ему укрепившуюся за ним кличку «Фатер». Одаренный незаурядными диалектическими способностями, «Фатер» не уступал Анатолию Луначарскому; оба они были лучшими среди нас спорщиками и давали всегда богатый материал для уяснения интересовавших нас вопросов и возникавших недоумений.

На Подоле, в районе 3-й гимназии, проживали еще два активных члена нашего центра, раньше других примкнувшие к нам. Это были братья Леонид и Димитрий Федорченко, переведшиеся в Киев из Прилуцкой гимназии, свято хранившей традиции «Народной Воли». Оба брата и своим внешним радикальским видом, и своим настроением вполне соответствовали революционным традициям Прилуцкой гимназии. Прилуки, как и длинный ряд других провинциальных городков Левобережной и Правобережной Украины и Новороссии (Чернигов, Херсон, Глухов, Новгород-Северск, Лубны, Мелитополь, Бердянск, Житомир, Белая Церковь, Умань и т. д. и т. д.), давали нам в позднейшем университетском фазисе нашего кружка самые лучшие землячества, сплошь состоявшие из убежденных, вполне образованных марксистов. Из этих провинциальных городков вышла добрая половина будущего актива киевской с.-д. организации.

Такими вполне определившимися в революционном направлении провинциалами и были бр. Федорченко. Старший из них Леонид, прозванный нами за свою преждевременно появившуюся козлиную бородку «Козлом», производил на нас, не видавших еще настоящего, бывалого народовольца, большое впечатление. Таинственный вид, с которым наш «Козел» проделывал самые обыкновенные вещи, синие очки, конспиративно скрывавшие его близорукие глаза, великовозрастная внешность и вечно торчащие из карманов брошюры и журналы, — все это напоминало нам известный по романам Тургенева тип революционера-семидесятника. Леонид Федорченко был живым воплощением великого прошлого и талантливым, интереснейшим собеседником-повествователем подвигов и страданий старого поколения революционеров. Его рассказы о сообщниках А. И. Ульянова, прилучанах Канчере и Горкуне, о красе Новгород-Северской гимназии — медалисте Кибальчиче, о больших процессах семидесятников и первомартовцев захватывали нас и вместе с подвигами «Андрея Кожухова» и т. п. героев террористического подполья воспитывали из нас, юных энтузиастов, настоящих романтиков революции, но отнюдь не трезвых реалистов писаревского (базаровского) типа. В дальнейшем, как и следовало ожидать, Леонид первый из нас ринулся в опасную практическую работу

подполья. Еще в конце 1894 года, после вступления на престол Николая II, он во главе одного из наших студенческих кружков («крымчаки»-тов. Звенигородский и др.) печатает и рассылает по всем земствам составленную им прокламацию по поводу пресловутых «бессмысленных мечтаний». За эту первую попытку «земской кампании» Л. С. Федорченко попадает (весною 1895 г.) на долгие годы в тюрьму и ссылку. Л. С. Федорченко, как мне помнится (впрочем он это подтвердил недавно лично мне), впервые воспринял революционные идеи от своего учителя, старшего товарища по Прилуцкой гимназии А. Е. Шлихтера — ныне члена Советского Правительства Украины. Гимназия эта, воспитавшая не мало революционеров, также зачислена была нами в один из рассадников революционной заразы. В первый год деятельности нашего кружка Л. Федорченко, как и все мы, был еще в плену у народнической и народовольческой идеологии.

Пора, однако, познакомить читателя с личностью одного из самых выдающихся и даровитых киевлян-девятидесятников, А. Д. Рабчевского, которого А. В. Луначарский называет в числе двух поляков, стоявших во главе школьного марксистского движения.

Оба мы принадлежали к инициативному кружку, сформировавшемуся во 2-й гимназии, и сидели рядом в одном классе, были неразлучными друзьями на протяжении ряда лет и потому, отчасти по личным воспоминаниям, отчасти на основании сообщений его родных и друзей, я беру на себя смелость изобразить в кратких чертах облик этого безвременно погибшего и любимейшего нашего сподвижника.

Несколько биографических сведений:

Адам Дионисьевич Рабчевский, сын служащего в имении графов Потоцких (Подолия, Гайсинский у., с. Соболевка), родился 12 декабря 1876 года. Отличался с раннего детства исключительными способностями. После увольнения отца со службы у графини Потоцкой родители его сильно бедствовали и вынуждены были переселиться в Киев, где отец в 1881 г. поступил на службу секретарем в окружный суд. Детство Адама протекает в обстановке суровой нужды. Но семейные традиции полны были живыми воспоминаниями о героическом прошлом деятелей 1863 года и рано будили в отроке чувства протеста и ненависти к деспотичному режиму.

«Неугасшие традиции беззаветной борьбы с царизмом, борьбы не за классовые материальные блага и привилегии, но борьбы за право личности и свободу, — пишет мне наш общий друг и школьный товарищ В. Л. Енич, — свято хранились в семье Рабчевских и имели огромное влияние на развитие юного Адася. Ближайшие родственники его — Охримовичи, Ямпольские —

принимали непосредственное участие в польской инсуррекции на Украине на протяжении всего XIX столетия... Среди ровесников и школьных товарищей Адась выделялся исключительными способностями (так, например, еще малышом во 2-ом классе гимназии он способен был, раз прочитавши самую длинную вещь, например, сказку Конек Горбунок, повторить ее всю наизусть), быстротою ума и рано развившимся критицизмом. В то же время он отличался чрезвычайной деликатностью и субтильностью, быть может, не вяжущимися с призванием профессионального революционера... Всегда вспоминаю с большим волнением, как впервые приступил Адась к посвящению меня в тайну нового для меня учения. Адам дал мне прочесть лично им сделанный перевод с популярнейшего в те годы стихотворения С. Надсона. (А. Д. с раннего детства увлекался поэзией и сам с большим талантом сочинял стихотворения и даже театральные пьесы) [1].

«Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто бы ты ни был, не падай душой...
Пусть неправда и зло полновластно царят над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал и струится невинная кровь!
Верь, настанет пора и погибнет Ваал, и вернется на землю любовь!
Не в терновом венце, не под гнетом цепей, не с крестом на согбенных плечах,
В мир придет она в силе и славе своей
С ярким светочем правды в руках».

Еще учеником младших классов, Адась постоянно читал сам и организовывал на свой риск и страх библиотечки в 4-м классе из запрещенных книжек, которыми снабжал своих одноклассников. Это было первое нелегальное предприятие юного революционера, за которое он по какому-то доносу чуть не поплатился «волчьим билетом». Адася вызывали на допрос жандармы, гимназическое начальство, однако, ограничилось только отобранием так наз. «награды» при переводе юноши в 5-й класс и тройкой по поведению. Но за «неблагодежным» школьником укрепилась репутация «опасного» и «красного» до самого окончания гимназии. Вместе с Игорем Кистяковским Адась был кандидатом на получение медали, но за произнесение революционной речи на похоронах реалиста Кнорринга, о которых речь впереди, он был не только лишен медали, но вдобавок получил четверку по поведению и с трудом был принят в университет (в 1894 г.). «В студенческие годы, пишет мне младший брат А. Д. Рабчевского Владимир, он развил кипучую революционно-социалистическую деятельность в среде учащейся молодежи, но главным образом среди фабричных и заводских рабочих — под псевдонимом «Гончаров». Нам, братьям Адама, нередко прихо-

[1] Автор этого сообщения был членом польского марксистского кружка, о котором речь идет ниже.

дилось видеть его возвращающимся на рассвете с тайных сходок в рабочей кепке. Адам отличался исключительно благородным и альтруистическим характером — он всегда оказывался на стороне эсплоатируемых и готов был на жертвы, иногда превосходившие его силы. Был такой характерный случай. Однажды на тайной сходке в рабочей харчевне Адама обокрали, — в швейцарской стащили его пальто. Была суровая зима, стоял мороз до 15 град. Портье, ответственный за сохранность вещей посетителей, предложил Адаму свое пальто. Однако, Адам отказался принять пальто у бедняка и отправился домой в одной рабочей куртке. Пришлось пройти по морозу быстрым шагом около 40 минут (с Васильковской ул. на Кадетский пер.). В результате А. Д. заболел воспалением легких, закончившимся роковым процессом в легких».

Впервые Адам был арестован (весною 1896 г.) по делу о Ветровской демонстрации в числе многих молодых с.-д. (польских и русских), не подчинившихся постановлению организации. Вторично по большому делу «Союза борьбы» — в 1898 году. Шпионы Новицкого выследили Адама, когда он вел агитацию на Южно-Русском заводе (на Степановской ул.). И в ссылке (в Вологодской губ.) Адам оставался верен себе — непримиримый и несгибаемый, за протесты против действий местной администрации, он был лишен многих прерогатив, которыми пользовались другие изнанники (уроки, адвокатура), и был высылаем в наиболее отдаленные уезды (Сольвычегодский, Кадниковский). По отбытии ссылки и получении университетского диплома А. Д. записывается в киевскую молодую адвокатуру и отбывает стаж у виднейших киевских адвокатов — у криминалиста И. Н. Пересвет-Солтана и цивилиста Иосифа Дыновского. Часто выступая в судах в качестве защитника по назначению, А. Д. сразу выдвинулся как блестящий оратор и сильный юрист. Товарищи каламбурили: «Зачем нам Карабчевский, когда у нас есть свой Рабчевский». Еще один дружеский каламбур в среде горячо любивших его младших товарищей по партии, когда он вернулся из ссылки, умудренный уже революционным опытом и продолжительным стажем: «Адам — первый человек», ибо А. Д. был действительно первым, наиболее талантливым из работников киевского подполья в первые годы нового столетия. То же говорит о нем в своем некрологе наш общий друг К. П. Василенко (см. дальше) на второй день после смерти А. Д.

В январе 1907 г. он сошел в могилу мало известным в широких партийных кругах, не проявив во всем блеске таившиеся в этом скромном, застенчивом почти юноше, несмотря на свои 30 лет, таланты. При малейшем желании Адам Дионисьевич мог бы сделать блестящую карьеру литератора, адвоката или ученого. Но судьба и призвание толкнули его в противоположную сторону

и рано пресекли его многообещавшую, полную тяжелых испытаний, молодую жизнь. Суровый к себе и всегда снисходительный к другим, он был образцом стоицизма и моральной выдержки. К нему, например, в годы ссылки многие в минуты горести и тяжелых переживаний шли как к лучшему советчику и знатоку человеческой души (т. Адам был прекрасным психологом и товарищем) и всегда находили у него утешение и нравственную поддержку. Под холодной маской гордого поляка-аристократа скрывалось чуткое, любящее сердце, всегда готовое отозваться на чужое горе. За такие незаурядные моральные качества этого необщительного на первый взгляд и, как казалось некоторым, надменного гордеца товарищи по ссылке высоко ценили т. Адама и сохранили о нем самую светлую и благодарную память. Прекрасная внешность его вполне соответствовала душевным качествам. Породистые черты, высокий умный лоб, широкий подбородок (показатель доброты) и серые глаза, несмотря на его наружную холодность, быстро располагали к нему товарищей и резко выделяли крупную индивидуальность т. Адама из человеческой массы. Он был совершенно своеобразен. Любил и понимал искусство и художественную литературу, и, весьма возможно, сам стал бы незаурядным писателем. Когда мы вдвоем с т. Адамом в 1894—95 г.г. вошли в подпольную партийную организацию, он очень скоро выделился из нашей среды как лучший и способнейший пропагандист и литератор. Его полюбили и рабочие посещавшихся им кружков, и товарищи по подполью. Любили и уважали, так как, будучи еще студентом 1-го курса, т. Адам обладал уже весьма серьезной научной подготовкой, массу читал и быстро усваивал. Он был весьма образованным марксистом и прекрасно владел пером. На ряду с т.т. Тучапским и Вигдорчиком, а потом с К. П. Василенко, Адам Дионисьевич был лучшей в Киеве литературной силой нашей партии. Как профессиональный литератор А. Д. сотрудничал в следующих легальных изданиях: «Киевские Отголоски», «Жизнь и Искусство», «Киевская Мысль», кроме того научные статьи по философским и экономическим вопросам помещались в польском еженедельнике «Правда». Из нелегальных его работ, не считая прокламаций, мне известна только статья в № 1 «Раб. Газ.» — «Русский капитализм и рабочее движение».

Это был блестящий, всесторонне образованный и подававший поэтому большие надежды товарищ; но жизнь его рано прервалась при весьма трагических обстоятельствах.

Политическая карьера его по вступлении в польскую социалистическую группу была непродолжительна. В течение 4 лет т. Адам — деятельный участник киевского подполья, член «Союза борьбы»; он разделяет в марте 1898 г. судьбу всех сотоварищей, а затем ссылается на 4 года в Вологодскую губ., где его судьба

сталкивает с рядом др. крупных революционеров (Савинковым и др.). В 1903 г. он опять в Киеве, опять работает в старом подполье; прошло еще 4 года, и эта исключительно даровитая личность на глазах у любящих и нежно привязанных к нему друзей и сподвижников под гнетом нечеловеческих страданий угасает на 31-м году жизни (1907 г.).

Памяти незабвенного нашего Адама Дионисьевича посвящены были следующие строки, принадлежавшие перу одного из ближайших его друзей и сподвижников по киевскому подполью, также даровитейшему из киевлян и подпольщиков, подвизавшемуся в рядах киевских с.-д. на протяжении двух слишком десятилетий — К. П. Василенко [1].

«Умер Адам Дионисьевич Рабчевский — «первый человек», как звали мы его в своем тесном, товарищеском кругу. Погибла богата одаренная натура, отлетела чистая душа, поражавшая своей тонкой, артистической структурой, своим неудержимым стремлением к двуединой правде, правде-истине и правде-справедливости, чутко отзывавшейся на каждое трепетание жизни...

Высокий и статный, с своебразно красивым лицом, с осанкой, в которой сквозило скрытое, но рвущееся наружу благородство, всегда несколько сдержанный, но и всегда деликатно-осторожный и в отношении к окружающим; строгий к себе и снисходительный к другим; аристократ по внешности и демократ до мозга костей с пытливым умом и чуткой совестью интеллигента в лучшем смысле этого слова, он производил на нас — товарищей неизгладимое, глубокое, обаятельное впечатление. Те времена прошли давно, но как живой встает предо мною его образ, звучат его речи на наших собраниях, где мы, юные головы и горячие сердца со всем пылом молодости и огнем неувядшей страсти, ковали грядущее счастье народа... Он вышел на ниву общественной работы рано — еще в предрассветные сумерки 90-х годов. Девятнадцатилетним юношей, полным жизни и отваги, блестящих надежд и горячей веры в торжество великой идеи, он взвалил на себя тяжелое бремя и стал под знамя тогда еще только что поднятое, а теперь гордо красующееся в мозолистых руках... Он нес это знамя честно, и суровая жизнь увенчала его. Своей беспощадной рукой она вписала в его послужной список борца за высшие идеалы человечества одну награду за другой — те награды, которые так щедро расточает лучшим сынам народа безжалостная русская действительность (писано в разгар реакции после подавления революции 1905 года. *М*)... Далекая северная окраина, суровые лишения... они не ослабили его душевной мощи, но они оставили свой неизгладимый след, в конец подо-

---

[1] «Киевский Голос», 1907 г. 11 января, № 10.

рвали и без того слабое здоровье... А затем тяжелая личная драма, неизлечимая болезнь, приведшая к безвременной могиле».

Пора, однако, перейти к описанию внутренней жизни и работ наших школьных кружков, усиленно действовавших, начиная с 1891 по 1894 год. Мы не сразу стали марксистами и прошли через почти 1½-летний искус изучения народнической и народовольческой литературы.

В первый год своей работы мы поглощены были, под чьим-то неясным для нас самих тогда влиянием, изучением истории русской общественности, — по произведениям художественной литературы и критики, а также штудированием сочинений Н. К. Михайловского и Лаврова («Исторические письма»). Программа систематического чтения, принятая в 1892 г. за основу наших занятий, была нам передана, если мне не изменяет память, через одного из моих товарищей по классу, Казимира Токарского (погиб во время гражданской войны в 1918 г. в Саратове), который был весьма близок к описанной мною выше организации д-ра Фокина (его брат — Евгений — был одним из ближайших сподвижников д-ра М. Д. Фокина).

Таким образом, мы невольно, не зная истинного источника принятой нами программы занятий, попали в орбиту подпольной работы киевских якобинцев-фокинцев. Политическая программа и тактика их оставались нам совершенно чуждыми, но идеология русского народничества и культ героической личности, которые находили себе яркое выражение в предлагаемой нам фокинцами программе [1], глубоко захватили нас, по крайней мере, сначала. Мы усиленно и долго изучали целую зиму «Исторические письма», «Герои и толпа» и др. социологические произведения лавристского и народнического лагеря («Суб'ективный метод в социологии» Н. К. Михайловского на эзоповском языке того времени), которые должны были нас укрепить в вере в великое призвание интеллигенции и в почетную роль «критически мыслящей личности». Все эти, подчас достаточно сухие, философские произведения Лаврова и Михайловского мы изучали самым добросовестным образом. Мы перечитывали совместно в кружке каждое отдельное «письмо» Миртова, каждую статью Михайловского и очередные №№ «Русского Богатства». Параллельно с этим мы тщательнейшим образом проработали и прореферировали крупнейших русских писателей, изучая эволюцию русской «общественной мысли» (как тогда говорилось) по произведениям

---

[1] Вероятно, помимо их воли и сознания, ибо, как видно из предыдущего очерка, «заговорщики» уже сами изжили иллюзию народничества и культа личности, проповедуемые Миртовым и Михайловским. Мы, однако, в значительной мере прорабатывали ту же программу, по которой занимались описанные мною в очерке 1-м периферийные кружки «заговорщиков».

русской литературы. Все лучшие статьи запретных тогда радикальных критиков и публицистов — Белинского, Писарева, Добролюбова, Зайцева и Чернышевского — мы также перечитывали в подлинниках полностью и сообща, как и журналы «Современник», «Русское Слово», «Дело» и роман Чернышевского «Что делать?». Этот редчайший уникум последнего автора, добытый с большим трудом Леонидом Федорченко у подольских бакунистов, мы прорабатывали особенно тщательно, равно как впоследствии

Иосиф Николаевич Мошинский (1894 г.)

Николай Алексеевич Аносов (1896 г.)

и его «примечания к Миллю». Собирались мы читать перечисленных авторов в подлиннике или заслушивали и обсуждали писавшиеся нами поочередно рефераты чуть ли не по два раза в неделю.

Эти незабываемые и всегда шумные сборища наши проходили в разгоряченной атмосфере какой-то жертвенной восторженности и революционного пафоса. Каждая сходка была радостным праздником для ума и сердца. Участие в них было актом большого морального и интеллектуального под'ема. Всех нас спаяла воедино нежная юношеская дружба, жажда революционного подвига и научная работа.

Особенно любила публика собираться у меня, так как наш мезонин на Кадетском пер. был необычайно уютен и исключительно приспособлен в конспиративном отношении. Всем моим старым друзьям должны быть хорошо памятны наши яростные

словесные схватки — до самой зари — в душном, переполненном табачным дымом мезонине, из которого, однако, никому не хотелось уходить до последней возможности. Расходились зачастую при ярком солнце...

Заканчивая цикл своих занятий Спенсером, Миллем и Джемсом (социология, этика и психология), мы прорабатывали эту народническую программу почти весь 1891—92—93 г.г., до весны 1893 года.

К осени 1893 г. состав нашего кружка вновь пополнился очень ценными силами. Были привлечены новые даровитые товарищи, переведенные из других гимназий, — Николай Бердяев, кажется, из Петербурга и Николай Аносов (из Воронежа). Не могу обойти молчанием второго из них, благороднейшего представителя отошедших в далекое прошлое российских «дон-кихотов» в самом лучшем смысле этого слова. Типичный интеллигент-идеалист, всегда увлеченный и поглощенный общественной деятельностью, наш всеобщий друг и любимец Коля Анасов, которого мы выделили из круга сверстников кличкой «борода» за его несколько пожилой вид (он отпустил вопреки гимназическим правилам небольшую бородку), занял в кружке одно из центральных мест. Он был уже сложившимся марксистом, и когда мы приступили к изучению истории человеческого общества и к политической экономии, Николай был всегда весьма интересным и талантливым докладчиком.

Он уехал за границу вместе с Вайнштейном после ссылки, и там они оба работали в заграничном союзе с.-д. Николай был верным учеником П. Б. Аксельрода до самой смерти. Он неоднократно совершал об'езды по России в качестве нелегального эмиссара нашей с.-д. эмиграции и был ее активным работником. Н. А. Аносов последние годы перед революцией 1905 г. был лучшим из работников петербургской организации с.-д. рабочедельцев и наезжал иногда к нам в Донбасс. Гражданская война застала его в Сибири на общественной работе, где он погиб (в гор. Новониколаевске) от тифа в 1918 году.

Затем сформировалось несколько серьезных кружков в 5-й гимназии (на Печерске) и в 4-й. Эта последняя оставалась вне нашего влияния в виду царившего в ней засилья украинцев, возглавлявшихся сыном упомянутого выше патриарха украинофилов, В. Б. Антоновича. Они (с т. Руденко во главе и молодым Антоновичем) конспирировали с нами и, упорствуя в своем национализме, продолжали уклоняться от вхождения в созданную нами под лозунгами марксизма общегимназическую организацию. Из состава филиальных кружков 5-й гимназии мне запомнились С. З. Дижур, бр. Плетневы, К. А. Томашевский. Первый из них введен был в наш центр и был для нас и для дальнейшей работы киевского революционного подполья особенно ценным приобре-

тением. Сергей Захарович Дижур (как и Владимир Вакар) оказывал на протяжении почти четверти столетия (главным образом, в Киеве) неоценимые услуги нашей партии и оставался вплоть до своей преждевременной смерти (С. З. Дижур погиб от тифа в Киеве в 1921 г.) суровым хранителем идеалов нашего юношеского революционного кружка. С. З. был выходцем из крупной местной буржуазии. Сын местного богатого коммерсанта, С. З. располагал крупными связями и легко добывал в случае необходимости средства на партийные нужды. Прекрасный человек, великолепный практик-делец, одаренный крупным ясным умом, он пользовался заслуженным авторитетом и в то же время за свой отзывчивый, мягкий характер был всеобщим любимцем. Потеряв в тюрьме слух, С. З. был несколько чудаковат и казался новым людям жестким, сухим человеком. Но под его черствой внешностью скрывались золотое сердце и редкая отзывчивость к чужой беде. Он не боялся в случаях, когда речь шла о спасении жизни товарища, рисковать своей собственной и всегда был на революционном посту. Несгибаемая личность С. З. Дижура получала достаточную проверку в годы гражданской войны на Украине. Полтора десятка смен власти в Киеве не поколебали принципов С. З., которые он сумел пронести неизменными через все ужасы, творившиеся в Киеве в 1918—20 г. г. Тем же несгибаемым, самоотверженным и чистым душою помню я С. З. как в первые месяцы нашего сближения в ранней юности, так и незадолго до его смерти (в 1921 г.).

Сергей Захарович Дижур
(1894 г.)

Начиная с весны 1893 г., мы постепенно и все быстрее эволюционировали в сторону марксизма.

Голодный год (1892), встряхнувший русскую общественность, в том числе и мало тогда еще известных в Киеве первых марксистов, отразился на общественных настроениях мыслящих киевлян весьма плодотворно.

Письма Череванина, Федосеева и др. рядовых, оставшихся неизвестными марксистов к Н. К. Михайловскому (не опубликованные, впрочем, им) вызвали, как известно, с его стороны гру-

бую полемику, которая возмутила многих колеблющихся и вызвала огромный интерес именно к вышучиваемым Михайловским «русским ученикам» (Маркса). Для нашего кружка эта полемика сыграла решающую роль [1].

Дело в том, что, получая из польского, хранившегося у брата, архива не только польскую, но и русскую литературу, я имел возможность снабжать свой русский кружок (о другом — польском — речь ниже) всеми новинками. В 1893 г. в наши руки попали, наконец, все лучшие произведения Г. В. Плеханова — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и «Русский Рабочий», а также четыре книги сборников «Социал-Демократ». Все наши народнические иллюзии, все навеянные Михайловским и Лавровым утопические взгляды разлетелись очень быстро, и вот, когда чаша нашего терпения переполнилась (благодаря недостойным приемам полемики Михайловского с бесправными марксистами), мы быстро двинулись по направлению к чистому марксизму.

В это именно время я получил от брата новую программу для наших занятий явно марксистского происхождения, — на польском (из Варшавы) и на русском (местную) языках. Насколько мне известно (этот факт подтверждает здравствующий поныне член первой русской с.-д. группы в Киеве В. М. Сапежко), русская программа эта была составлена неоднократно мной упоминавшимся Б. А. Кистяковским, который в 1891—92 г.г. был лучшим в Киеве теоретиком марксизма и идейным руководителем русской с.-д. группы. В основу ее было положено материалистическое понимание истории: развитие общественных форм, развитие капитализма, революции на Западе, современная борьба классов. В завершение курс политической экономии и изучение «Капитала»; вот схема занятий на протяжении последних полутора лет нашей кружковой работы. Морган (по-польски), Зибер, Летурно, Липперт, Бокль, Дрэпер, исторические учебники Виноградова, Сеньобоса (XIX век) и, наконец, исторические работы Энгельса и Маркса, политическая экономия — по Чупрову и Иванюкову и в завершение «Эрфуртская Программа» Каутского и «Капитал» I том — вот громадная работа, проведенная нами за последние полтора года наших кружковых занятий. Мы становились теперь вполне сознательными социал-демократами и приступили даже — в небольшом, правда, масштабе — к практической работе: к пропаганде марксизма среди учащихся и молодых рабочих — наших сверстников.

---

[1] Два письма Н. К. Михайловскому, впервые опубликованные в «Былом». 1924 г., № 23; см. также письмо Череванина в ред. «Былого» (1924 г., № 25) по поводу опубликования этих писем.

При прохождении указанного цикла наших занятий особенную роль сыграл наиболее из всех нас начитанный и выработавший благодаря постоянным дискуссиям прекрасно отточенное оружие диалектики Анатолий Васильевич Луначарский. Он ни разу не ударил лицом в грязь при систематических дискуссиях с народниками, которые происходили на устраивавшихся мною в зимние месяцы 1893—94 г.г. рефератах на тему о развитии капитализма в России. Анатолий Васильевич и тогда уже приобрел репутацию опасного противника народнической братии и философски образованного марксиста. В этих рефератах, которые у нас вошли в моду, особенно после выхода в свет нашумевших книг Струве, Бельтова и др., защитником наших позиций выступали как наш сверстник А. В. Луначарский (до своего от'езда за границу), так и другой. все время неизменный представитель с.-д. на этих рефератах Н. Н. Новиков, блестящий полемист, о котором будет речь ниже.

Я упустил упомянуть о параллельно действовавших и сыгравших немалую роль в нашем подполье трех других марксистских кружках — польском, реалистов и женском. Польский кружок мы возглавляли вдвоем с А. Д. Рабчевским.

В польском кружке мы занимались параллельно с русским и проходили ту же марксистскую программу систематического чтения, с той лишь разницей, что здесь нам доступны были лучшие марксистские источники, не имевшиеся еще в русском переводе (я говорю об изданных Мендельсоном работах Маркса: «Гражданская воііпа», «18 Брюмера» и т. д. и ценных статьях в журналах партии «Пролетариат», «Валька Клясс» (Борьба классов), «Пржедсвит»). По истории социалистических учений мы имели в своем распоряжении огромный оригинальный труд Бол. Лимановского. Были также в нашей библиотеке все сочинения Энгельса, Лассаля, Кржывицкого и т. д. Наша польская школьная организация также сильно разрослась в целую сеть кружков под наименованием ученической «корпорации» со своей библиотекой, своими финансами и разным нелегальными предприятиями, вечеринками и т. д. Занятия здесь были обставлены очень солидно и велись, можно сказать, образцово. Почти все члены ее потом примкнули в той или иной форме к революционному движению В этом кружке наиболее активными были: братья Берг, Миклашевский, Костро, Д. Дуглас, Герц, Н. Гр. Пиотровский и др (реалисты). К этому же кружку с осени 1904 года примкнули, когда мы стали студентами, прибывшие из провинции молодые студенты Леопольд Заливский (из Минска, родственник лидера с.-д. Литвы Станислава Трусевича-Залевского), Марьян Гурский, Клеменс Стржалковский и Казимир Шуляковский (все трое из Белой Церкви), Ромуальд Войнарович, Вацлав Климович и Игнатий Загурский, С. Зелинский, И. Новицкий и др.

Все члены этого кружка очень скоро были вовлечены в практическую подпольную работу, — большинство из них в составе польской с.-д. группы.

Кстати, еще два слова о русских подготовительных с.-д. кружках. Когда осенью 1894 г., по окончании нами курса гимназии, наш основной ученический кружок должен был преобразоваться в кружок, работавший на периферии политических с.-д. организаций, созданы были по моей инициативе так называемые рефератные кружки в составе целого ряда провинциальных землячеств — Крымского, Новгород-Северского, Черниговского и др. Из участников последних кружков надлежит указать наиболее заслуженных впоследствии деятелей с.-д. подполья Константина Прокофьевича Василенко (из Глухова Черниг. губ.) и Михаила Соломоновича Балабанова (из Чернигова). О них говорится ниже.

В составе общеученической организации, охватившей благодаря деятельности нашего центра все учебные заведения Киева, были также представительницы женских школ и реалисты.

Особенно выделялись последние — наподбор солидная, великовозрастная публика, целый взвод усачей и бородачей. Когда мы «открыли» организацию реалистов, существовавшую параллельно нашей, но строго законспирированную, в ней мы нашли совершенно взрослых товарищей и вполне сложившихся марксистов. Из этого кружка, в составе которого был известный потом по делу Петербургского «Союза борьбы» Петр Кузьмич Запорожец (арестован в декабре 1895 г. вместе с В. И. Ульяновым-Лениным и др.), в наш центр был введен Всеволод Алексеевич Всеволожский. Вскоре, в 1897 г., он был арестован в Риге по делу местной с.-д. организации, и мы встретились с ним уже в вятской ссылке (1898—1901 г.г.).

Из участниц нашего же центра, главным образом, учениц киевских гимназий, наиболее активными организаторами женских кружков были: Екатерина Александровна Линдфорс, Наталья Францевна Вержбицкая, Наталья Алексеевна Аносова, Софья Николаевна Куртева (болгарка), Александра Купровская (фельдшерица) и Ольга Илларионовна Кравцова.

К началу 1894 года число филиальных ученических кружков при нашем с.-д. центре достигло 25-ти с числом членов, превышавшим две сотни. Всем его участникам, надо полагать, хорошо памятно многолюдное нелегальное общее собрание всей этой организации за Днепром весною 1894 года. Целая флотилия лодок, нанятых для конспирации разновременно у «Прокопа», «Добровольского» и у других лодочников, отправилась вверх по Днепру, до устья Десны, и здесь, у так наз. «Чертороя», состоялась продолжавшаяся целый день сходка, насчитывавшая свыше 200 участников. Говорили речи Луначарский, Аносов, Вайнштейн, автор этих строк (доклад-отчет) и др. Исполнялись революцион-

ные песни. Революционное настроение собравшихся нашло себе впоследствии выражение в виде первой в Киеве ученической демонстрации-протеста, которую устроили воспитанники всех учебных заведений по поводу самоубийства реалиста Кноринга. В виду того, что это публичное выражение протеста против школьного режима и вообще против общей политики правительства в отношении учащейся молодежи произвело в городе большое впечатление и, вызвав всеобщее сочувствие, имело несомненно немалое политическое значение — остановлюсь на этом эпизоде несколько подробнее.

В реальном училище царил полнейший произвол. Директор Гольдереккер перед выпускными экзаменами учинил подлинное «избиение младенцев» — из 28 учеников последнего класса 10 человек были оставлены на второй год, в их числе впечатлительный 18-летний юноша Кнорринг. В отчаянии он бросился под поезд. Действия Гольдереккера вызвали во всех киевских учебных заведениях возмущение. Моментально была приведена в действие наша, охватывающая все школы, организация. Приглашены были все учащиеся и их родители. Похороны были назначены на вторник 17-го (29) мая. Несмотря на то, что во всех школах шли занятия (экзамены), явились все учащиеся старших классов. Огромная толпа сопровождала гроб самоубийцы. На венках были надписи такого приблизительно содержания: «жертве школьного режима» и т. д. Гроб был осыпан красными цветами. Во время панихиды, на которую имел наглость явиться директор училища, что еще более усилило возмущение собравшихся, от имени всех к Гольдереккеру подошел ставший в этом году уже студентом участник нашего школьного центра Н. А. Аносов и предложил директору покинуть панихиду:

«Ваше присутствие здесь, милостивый государь, слишком неуместно. Я уполномочен товарищами-учениками просить вас не оскорблять память погибшего своим присутствием. Вы, конечно, должны понять, что появление палача у гроба его жертвы, по меньшей мере, нетерпимо»...

Сконфуженный директор поспешил ретироваться. У раскрытой могилы произнесены были речи. Говорили организаторы — те же участники нашего центра В. Е. Вайнштейн, А. В. Луначарский, А. Д. Рабчевский. Окончание речи последнего из ораторов восстанавливаю по сохранившейся в польском «Пржедсвите» (за 1894 год № 7) нашей корреспонденции.

«Мы спрашиваем, кто виновники того, что ты так трагически погиб, дорогой товарищ. Ответ ясен: школьная система, весь режим, который направлен исключительно на то, чтобы умерщблять всякую свободную мысль, чтобы подавлять все благородные порывы честной молодежи... Спи спокойно, товарищ, нам —

живым—ты своей кровью завещаешь, чтобы мы и впредь боролись с порядком, допускающим подобные явления»...

Наружная полиция, сопровождавшая похоронное шествие, осталась у ограды, но тайные агенты, очевидно, выследили всех распорядителей и ораторов. Было наряжено следствие. У Аносова, Н. А. и его старшего брата М. А. (их отец был управляющим киевской к-ры государственного банка и отличался большой независимостью и свободным образом мыслей, что бесило генерала В. Д. Новицкого) был произведен обыск, закончившийся плачевно также и для всей семьи: отцу было предложено подать в отставку, братьев Аносовых сослали. Та же судьба постигла В. Е. Вайнштейна. Из кончавших гимназию были указаны ген. Новицким в качестве организаторов этой манифестации трое: А. В. Луначарский, А. Ф. Вержбицкий и А. Д. Рабчевский. Начальство ограничилось тем, что поставило всем по 4 по поведению, что равносильно было «волчьему билету», т.-е. лишало возможности поступить в высшее учебное заведение. А. В. Луначарский, А. Вержбицкий, Н. Аносов и В. Вайнштейн отправились за границу, в Швейцарию, и там поспешили войти в тесный контакт с руководителями с.-д. эмиграции — Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом. А. Д. Рабчевский каким-то чудом был все-таки принят в университет на юридический факультет. На тот же курс попал и я с М. С. Урицким, М. Б. Ратнером и др., вскоре выдвинувшимися деятелями киевского подполья. Демонстрация на похоронах несчастного Кнорринга была смотром наших сил. Мы убедились, что не напрасно затрачено было столько сил и времени на организацию школьной молодежи. Мы дали киевскому революционному подполью научно подготовленный и довольно многочисленный кадр, которого хватило на целое десятилетие вплоть до революции 1905 года включительно.

Еще один момент, важный для характеристики с.-д. сущности нашего кружка. Зимою 1893—94 г. перед нами становится новая задача: вовлечение в нашу среду пролетарской молодежи. Этому помогло одно совершенно неожиданное знакомство с представителями этой новой для нас среды.

Один из членов польского кружка Владислав Сковронский, слушатель рисовальной школы Мурашко, сблизился и познакомил меня с заинтересовавшим его талантливым ремесленником, прекрасным рисовальщиком Марьяном Конопко. Случайное знакомство наше вскоре превратилось в тесную дружбу, и я стал приобретать через него связи в ремесленной среде, пригодившейся вскоре нашему юному кружку для практической политико-просветительной работы. Второе знакомство с Антоном Карвацким имело место через посредство институтского товарища моего поднадзорного кузена, некоего Бялобржесского. При помощи этих двух наших сверстников из рабочей среды мы скоро сколотили

дружный кружок пролетарской молодежи, который описывают в своих воспоминаниях А. В. Луначарский, сам А. Карвацкий и Л. С. Федорченко. Это не был официальный партийный кружок пропаганды. Он составлял лишь пролетарскую часть нашего об'единенного кружка: Конопко с братом Марцелом и сестрою Антониной, Карвацкий, Скрипниченко и др., фамилии которых мною, к сожалению, забыты: все они были вполне равноправной частью нашей юношеской марксистской организации. Все они вместе с нами принимали участие в наших чтениях и спорах, в наших экскурсиях по Днепру, в маевках и т. д. Марьян Конопко и Антон Карвацкий работали над своим саморазвитием совершенно самостоятельно и много читали. Оба они, когда после мартовских арестов 1898 г. потребовалась смена «старикам» А. Д. Поляку, Э. Ф. Плетату и др. членам «рабочего комитета», блестяще выполнили возложенную на них товарищами К. П. Василенко и М. С. Урицким обязанность и с честью заменили вышедших в тираж работников. Когда, наконец, по окончании средней школы. мы вступили в ряды окрепших к тому времени в Киеве социалистических организаций — это было осенью 1894 года, — все без исключения члены нашего кружка были уже вполне сложившимися социал-демократами-пропагандистами и сразу были допущены к практической работе.

Предоставим слово самому А. Я. Карвацкому [1], сообщающему весьма ценные сведения о своем покойном друге, заслуженном киевском подпольщике-пролетарии — Марьяне Андресвиче Конопко.

«В 1893 г., ранней весной, я познакомился с Иосифом Николаевичем Мошинским. Он был еще гимназистом 7-го класса Киевской 2-й гимназии, а я — учеником 4-го и последнего класса Киевского Александровского ремесленного училища. Через него я познакомился с резчиком по дереву Марьяном Андреевичем Конопко (теперь умершим). С ним у меня и началась тесная дружба на почве самообразования. М. Конопко окончил Киевское 2-классное училище первым учеником, после чего поступил к хозяину учиться резчиком по дереву. В то же время по воскресениям он учился в художественной школе Мурашко рисованию, которое ему необходимо было знать, как большое подспорье в ремесле резчика, а он хотел быть художником-резчиком и, будучи даровитым и очень способным, пробыв около года у хозяина, бросил его и стал работать самостоятельно, у себя дома, получая заказы от мелких столярных мастерских. Работая сам у себя, Конопко много времени посвящал чтению книг и меня привле-

---

[1] К 25-летию I-го С'езда партии (1898—1923), изд. Истпарта 1923 г. «Мои воспоминания», стр. 79.

кал к этому. Мошинский продолжал изредка видеться со мной и Конопко и спрашивал, что мы поделываем. Я приблизительно рассказал ему о наших планах самообразования, и в этом разговоре он предложил мне одну книжечку, об'яснив, что она бесцензурна, т.-е. запрещена, и взял с меня слово, что я буду осторожен, читая ее так, чтобы никто не видел, и по прочтении поделился с ним своим впечатлением. Название этой книжечки: «Кто чем живет» — Дикштейна. Прочитав эту книжку и узнав о прибавочной стоимости и эксплоатации рабочего хозяином и что все окружающее создано руками рабочего и по праву принадлежит только рабочему классу, я ринулся во всю агитировать рабочих, сверстников по моим летам. Конопко со своей стороны агитировал своих знакомых по школе рисования. Еще у него был знакомый конторщик, служивший в конторе нотариуса, и брат конторщика—сапожник (бр. Скрипниченко. *М*). Ко всему этому прибавилось новое знакомство с Дмитрием Неточаевым (через того же Конопко), и мы всей этой группой время от времени собираемся и устраиваем совместные чтения, например. «Дети подземелья» Короленко, «Борьба за право» Француза и т. п. книжки. Устраиваем кассу на приобретение нелегальной литературы, потом составляем тесную группу из меня, Конопко, Неточаева и его товарища по гимназии Веселовского. В то же время Неточаев... устраивает летние загородные смешанные прогулки, там же были молодые рабочие и также молодые интеллигенты — Анатолий Луначарский и Петр Геронимович Полонский. Одна майская прогулка, состоявшая из девиц и молодых людей в возрасте лет от 18 до 21, количеством около 20-ти человек, происходила в Голосеевском лесу (за Демиевкой) в 1894 или 1895 году.

Виктор Николаевич Крохмаль
(1895 г.)

Помню другое большое собрание, устроенное Неточаевым у себя на квартире, по Кучменскому Яру (предместье Соломенка), в зимнее время (кажется, под новый год 1894 года. *Автор*), но ветхий дом, стоящий почти на открытом месте, не представлял из себя удобной конспиративной квартиры для больших собра-

ний, тем более в рабочем районе [1]. Это собрание было тоже смешанное из рабочих и громадного большинства молодой интеллигенции (это были члены нашей марксистской школьной организации. *М*). После вечеринки, на которой велись дебаты и разговоры политического характера, происходили раз'яснения ученых слов. Разговор был поднят о том, что бы кто сделал с царем, если бы возникла революция. Некоторые высказывались за гильотинирование его, другие заточали в тюрьму или ссылали в ссылку, третьи сдерживались высказывать свое мнение, — словом велся оживленный спор. Я припоминаю остроумную шутку Анатолия Луначарского: он обратился к собравшимся и предложил предоставить ему право оружия для состязания в спорах и указал на свой язык.

Еще одно большое собрание происходило на Константиновской ул. (в кв. С. В. Померанц. *М*), на Подоле, где делал доклад о своей заграничной поездке (закончившейся обратной высылкой из Австрии. *М*.) Василий Васильевич Водовозов. На этом собрании были преимущественно интеллигенты. Меня и Конопко пригласил Неточаев. Был условлен пароль. Контролером для пропуска был назначен молодой студент Василенко».

Прежде, чем мне удалось дописать эту главу, автора этого бесхитростного рассказа о днях его золотой юности, тесно сплетавшейся с нашими, не стало. Ушел еще один из немногих представителей поколения, воздвигнувшего фундамент нашей партии. Человек кристальной честности и неугасимой веры в дело, которому он отдал свою жизнь, Антон Яковлевич Карвацкий — активнейший из членов Рабочего Комитета, сменившего товарищей после арестов 11-22 марта 1898 года—заслуживает одного из первых мест в мартирологе пионеров киевского рабочего движения. Умер наш дорогой тов. Карвацкий 9 февраля 1928 года, а похороны его были полным контрастом похоронам второго участника того же кружка А. Д. Рабчевского, имевшим место ровно 21 год тому назад. Тогда, в разгар кровавой оргии Столыпинских приспешников, за гробом нашего друга шла поредевшая после разгрома революции кучка друзей. Теперь на похороны тов. Карвацкого явилась почтить пионера и участника партийного строительства, глубоко чтимого киевским пролетариатом ветерана революции, киевская рабочая масса.

Можно подвести итоги: результаты нашей 3-летней работы были налицо... Все мы, абитуриенты средней школы и сроднив-

---

[1] Тов. Карвацкий ошибается. Здесь нередко (1893—94 г.г.) собирались, напр., наши ученические сходки, а потом зимою 1895—96 г.г. здесь еженедельно происходили заседания Киевского Рабочего К-та I-го состава. Здесь-же мои товарищи по подполью устроили многолюдные проводы пред моей отправкой в ссылку — в конце 1897 года.

шиеся с нами молодые пролетарии типа А. Я. Карвацкого, начиная с осени 1894 года, приняли активное участие в практической работе киевского с.-д. подполья в качестве пропагандистов и организаторов.

На смену нашему ученическому кружку молодых марксистов с начала 1897 года (после выхода моего из Лукьяновской тюрьмы) была образована целая серия подготовительных с.-д. кружков (ученических и студенческих, о которых под названием «рефератных вспоминает К. П. Василенко [1]). Из нового актива учащихся средней школы надлежит упомянуть: из учеников 5-й гимназии Георгия Носаря (в будущем — «Хрусталева») [2] с сестрами, Алексея Окулова, Леонида и Василия Саца, из учеников 1-й гимн. младшего Луначарского, Бориса Пронина; из учениц: Л. Голянковскую, Е. Васюхнову, Н. Савич, Е. Маньковскую, сестер Федорченко; из учеников 3-й гимн. — Квятковского (связавшегося с гр. «Рабочего Знамени» — с Лурье и др. — и попавшего надолго в Сибирь), Н. Балашева (с сестрою), Георгия Маньковского. Последний был в центре кружка 3-й гимназии, а потом сыграл крупную роль в студенческом движении 1899—1902 г. г. Его сестра Елена Маньковская играла руководящую роль в женских кружках (в дальнейшем много работала в подпольных типографиях и др. технических предприятиях с.-д. на юге).

II. Студенческие организации.

Фокинцы и драгомановцы, народники и социал-демократы, — все эти подпольные кружки черпали, конечно, свои резервы из многолюдной в Киеве того времени массы учащихся средней и высшей школы и особенно из среды киевского студенчества, об'единенного в нелегальный «союз 22-х землячеств и 2-х национальных организаций» (польскую и украинскую). Насчитывали они свыше 1.000 членов и располагали крупными денежными средствами, тремя богатыми библиотеками и т. п. Технический аппарат, денежные средства и обширные связи в разных кругах общества, имевшиеся в распоряжении студенческих организаций, были всегда к услугам наших революционных групп. Поэтому они служили как бы естественным придатком последних. Особенно

---

[1] «Былое», 1924 г., № 27/28.

[2] Первыми руководителями Г. Носаря-Хрусталева были члены нашего кружка — Л. Федорченко, А. Пономаренко и А. Вержбицкий. Они были близки с отцом его, старым народником, побывавшим в сибирской ссылке. По инициативе старика наш кружок последнее лето своего существования провел целой «коммуной» в деревне, по соседству с могилой Шевченко и с хутором Носаря, в с. Бубнове Переяславского у. (пр. Прохоровка на Днепре — почти против Канева). Генерал Новицкий усматривал в этой нашей «коммуне» опасную революционную затею и даже привлекал Н. А. Аносова.

усилилась роль этого союза по мере роста студенческого забастовочного движения к концу 90-х годов и к началу первого десятилетия XX века.

Однако, было бы исторически неверно отвести студенческим организациям исключительно служебную роль пособника тайных революционных партий.

Само по себе студенческое движение задолго до слияния его с главным революционным фарватером, по которому бурлило движение рабочего класса (в начале нового века), представляло крупный революционный фактор, несмотря на кажущуюся узость его академических требований. Десятилетием раньше в Киевском университете вспыхнули, как об этом вскользь упомянуто в начале первой главы, крупные беспорядки осенью 1884 г. в связи с официальным празднованием 50-летия его. Царское правительство в борьбе с полонизацией Литвы и Белоруссии закрыло университет в Вильне, справедливо считая его рассадником идей польской инсуррекции, и перенесло его в Киев, надеясь здесь в сердце Украины разжечь поляконена-вистнические тенденции. Однако оно ошиблось. На место полонофильства здесь выросло и укрепилось украинофильство, а с нарастанием общерусского движения Киев с его «красным» университетом (при Николае I громадное здание университета, расположенное на площади, господствующей над городом, было и оставалось до нашего (90-х годов) времени покрашенным в красный цвет) стал крупнейшим на юге очагом революционного движения.

Студенчество волновалось, требуя восстановления уничтоженной при министре Д. Толстом автономии университетов и, в знак протеста против официального юбилея, устроило пред окнами дома ректора Рененкампфа внушительную манифестацию (кошачий концерт) с битьем стекол, тухлыми яйцами и пр. акцессуарами. Университет был закрыт на полгода, здание его было оцеплено войсками, и только после основательной чистки часть студентов была принята обратно. Однако эта фильтрация, как видим из предыдущего очерка, нисколько не помешала действовавшим в то же время подпольным организациям продолжать свою деятельность и находить достаточное количество последователей в среде учащейся молодежи.

Многие были уволены и даже высланы, остатки академических «свобод» упразднены, студенческая библиотека с богатым выбором «из'ятых» изданий была упакована в ящики и тщательно запрятана у кого-то из сочувствующих профессоров на... чердаке. Десять лет университет безмолвствовал. Наконец, царь-удушитель народного просвещения, боровшийся с засилием «кухаркиных детей» «в бозе почил», и все вздохнули свободнее в чаянии перемен. Это был год, когда значительное большинство нашей школь-

ной организации поступило в умолкнувший с 1884 г. университет. Университет заполнили сынки разжиревшей на украинских хлебах буржуазии и зазнавшейся своры чиновников-обрусителей, которым мы дали насмешливое прозвище «белоподкладочников». Они вызывали у нас своим самодовольным видом раздражение и спровоцировали, наконец, беспорядки. Происхождение этой клички общеизвестно: по приказу Делянова (министр просвещения) студенчество для облегчения полицейского за ним наблюдения было облечено в особую форму. Демократическая часть молодежи из принципа, а также из нужды, до последней возможности уклонялась от навязываемых силою дорогих форменных мундиров военного образца с синими воротниками. Аристократы и выскочки из купечества и из среды сановных обрусителей, наоборот, подчеркивали свой сервилизм и рядились в темно-синие мундиры с высокими голубыми воротниками, с золотым шитьем и белой покладкой, как у царских чиновников. В фуражках прусского образца, со шпаженками на боку, эти упитанные «маменькины» сынки вызывали у демократического большинства насмешки и возмущение. При первой оказии этот, давно назревший, естественный антагонизм завершился грандиозным скандалом; «белоподкладочники» организовались по случаю «безвременной кончины императора» и, услужая начальству, решили послать делегацию с венками на похороны Александра III — якобы от имени киевского студенчества. Студент-юрист Амосов и несколько приспешников его пустили на лекции шапку, чтобы собрать для этой цели деньги. Студенты запротестовали. Однако Амосов и К°, добыв деньги у своих отцов, отправились в Петербург и самовольно возложили венок от киевлян на гробницу царя. Это событие послужило поводом для открытого столкновения нашего с «белоподкладочниками» и для публичного осуждения «потрафляющих» начальству карьеристов. На массовых сходках для протеста по этому поводу впервые выдвинулись известные потом деятели с.-д. и с.-р. подполья — Виктор Николаевич Крохмаль, Иван Адамович Саммер, Марк Борисович Ратнер. Помнятся также имена приятелей моего брата бр. Алексея и Николая Рубесовых, Колянковского, Спилиотти, покойного Мебеля М. А. и Ротмистрова.

С этого момента положено было основание об'единению всех студенческих кружков и их более крупных группировок. В Киев устремлялась молодежь (тогда она не была еще прикреплена к определенным учебным округам) из самой глухой и далекой провинции — из литовских лесов (Шавли), из Белорусского Полесья (Борисов), из крымских степей (Мелитополь) и Заднепровской Украины и, естественно, в чужом большом городе об'единялась по принципу землячества. Касса взаимопомощи, совместные занятия и саморазвитие — все это естественно об'единяло земля-

ков, большей частью детей малосостоятельного класса. Сынки богатых не нуждались в товарищескої поддержке и держались с опаской — подальше от студенческих организацій.

Первым практическим шагом к об'единению этих разрозненных кружков было создание общестуденческої столової. Организовал ее на свой риск и на имя своей родственницы школьный и университетский товарищ моего брата студент-юрист Виктор Рутенберг. У родных его был домик на Нижне-Владимирскої улице, по соседству с университетом, и там, в нижнем этаже, создана была под видом частного предприятия такая крамольная организация, как общестуденческая столовая. Помню, что там можно было, напр., за 9 коп. получить одно блюдо с неограниченным количеством хлеба. И немало бедняков-провинциалов, на медные гроши какой-нибудь просвирни попавших в Киев, имели благодаря товарищескої поддержке возможность получить высшее образование. Столовки эти, как и позже организованные в более крупном масштабе преемницы ее (на Бибиковском бульваре, а потом на Гимназическої улице), были лучшим местом для встреч и деловых свиданий разбросанных по всему городу членов разных землячеств и подпольных революционных организаций. Здесь намечались сходки и др. выступления, передавались книги и нелегальная литература, подбирались нужные люди. Здесь иногда выступали члены партій с заявлениями и речами. Товарищ Петренко А. И., напр., вспоминает забытый мною эпизод, имевший место в 1895 г., когда в момент получения известия о смерти Фр. Энгельса кто-то из наших подпольных работников прочел в столовой краткий доклад о значении Энгельса, при чем собравшиеся почтили память нашего учителя вставанием.

Еще в доме Рутенбергов председателем столової комиссии и заведующим столової был избран и многие годы продолжал работать в этої области один из энергичнейших членов нашей с.-д. организации медик Иосиф Цвирко-Годыцкий. Доход от этого предприятия шел преимущественно на революционные нужды и обращался или в политический «Красный Крест», или в кассу др. подпольных кружков.

Другое учреждение, возродившееся в 1894 году — это общестуденческая русская библиотека, вывезенная, как вспоминает т. А. И. Петренко, в ящиках от либерального профессора, приобревшим впоследствии печальную известность Ник. Татаровым; она была помещена в квартире первого библиотекаря (в районе Фундуклеевской и Нестеровской) студента-медика Спилиотти. Радикального вида, с взлохмаченной всегда копной черных волос и с нестриженной бородой, с шинелью на плечах враспашку, Спилиотти производил большое впечатление на провинциалов и казался им олицетворением революционности. На деле однако он при первом аресте сдрейфил (декабрь 1895 г.) и скоро совсем ото-

шел от всех общественных, даже от студенческих дел. От Спилиотти библиотека была переведена к студенту-филологу Петренко Алексею Ивановичу и долго и благополучно помещалась на б. Мариинско-Благовещенской (Жандармской) улице против церкви того же наименования.

Киевляне, по примеру москвичей и, руководствуясь постановлениями 1-го Московского Общестуденческого С'езда, для проведения директив последнего об'единили все действовавшие в Киеве студенческие группы в один так наз. «Союз Об'единенных Землячеств и Организаций» с центром, именовавшимся «Союзным Советом» (конспиративно «Семен Семеныч»). Первым председателем и организатором его был избран, приобревший потом большое имя в истории партии, Виктор Николаевич Крохмаль (по второму С'езду Р.С.-Д.Р.П. «Загорский»). Он обладал всеми данными, чтобы стоять во главе движения: с большой силой воли, авторитетный и властный, располагая кроме того обаятельной, импонирующей внешностью, Виктор Николаевич и в студенческие годы и на протяжении ряда лет впоследствии был крупным организатором и идеальным председателем всяких с'ездов и организаций. Как конспиратор и опытный подпольщик, он обладал невозмутимым спокойствием и самообладанием и, как известно, блестяще сорганизовал совместно с другим нашим сотоварищем, крупным киевским профессионалом революции Марьяном Гурским, побег 11-ти «искровцев» из Киевской Лукьяновской тюрьмы летом 1902 года.

В декабре 1895 года студенческая карьера В. Н. Крохмаля закончилась: он был арестован по делу «Союзного Совета» и летом 1896 года отправлен в ссылку, где сблизился с с.-д. и примкнул по отбытии ее к русской организации «Искры», по делу которой был затем вторично заключен в ту же Лукьяновскую тюрьму и бежал из нее так удачно.

Главной литературной силой Союзного Совета был ставший впоследствии видным деятелем с.-д. движения и крупным литератором и историком рабочего и революционного движения Михаил Соломонович Балабанов, автор большинства прокламаций С. С. [1].

В 1896—97 уч. г. председателем С. С. на место арестованного и сосланного В. Н. Крохмаля был избран с.-р. Петров В. В., и так как новый состав С. С., более революционно настроенный, стал работать в момент нового, наступившего после знаменитых забастовок петербургских текстилей, оживления общественной жизни, то и общая политика С. С. стала значительно радикальнее и вы-

---

[1] Об этом сообщает в своей, подготовляемой для печати, истории киевского студенческого движения видный руководитель его К. П. Василенко.

шла из русла чисто академической борьбы... Весной 1897 года киевское студенчество откликнулось весьма горячо на призыв своих столичных товарищей, бурно протестовавших по поводу самосожжения курсистки Ветровой (в Петропавловской крепости). Так как в это именно время в нашей с.-д. организации произошел по этому поводу раскол и партийная организация выпустила прокламацию, призывавшую временно воздержаться от уличного выступления, среди студентов также не было единодушия, и 18 марта 1897 года на демонстрацию вышло лишь несколько сот студентов. Рабочие не явились, подчинившись партийной директиве, но когда все демонстранты двинулись в сопутствии оцепивших их отрядов казаков по Бибиковскому бульвару и были заключены в помещение «арестантских рот», такое всенародное «оказательство» бунта произвело на всех, даже на обывателей, потрясающее впечатление и подняло наше настроение. На второй день — 19 марта демонстрация повторилась с гораздо большим под'емом и была более многочисленней. На улицу пошли, нарушив партийную дисциплину, повинуясь товарищескому чувству. почти все наши молодые товарищи, возглавляемые самим К. Д. Петрусевичем. Здесь были Цвирко-Годыцкий, Бражас, Гурский, Балабанов, Рабчевский, Войталовский, Василенко и Сапежко.

Тактика уклонения киевского «Союза борьбы» от демонстрации 18-19 марта находила себе некоторое оправдание в случайно сопутствовавших обстоятельствах (киевские с.-д. подготовляли первый С'езд партии и не хотели рисковать потерей ценных работников). Эта тактическая и невольная ошибка киевлян вызвала резкую и заслуженную отповедь Г. В. Плеханова в листке «Работника».

В виду выявившегося с весны 1897 г. поворота в общественных настроениях, С. С. решил созвать 2-й общестуденческий С'езд для пересмотра умеренной программы 1-го Московского С'езда (имевшего место в 1894 г.). Киевляне и здесь, как и по линии партийного строительства, взяли на себя инициативу. Организаторами его были также наши школьные товарищи, упоминавшиеся мною выше члены наших кружков: Василий Михайлов и Константин Василенко — с.-д. Кроме них в Орг. Ком. были с.-ры: предс. С. С. — В. В. Петров и Фиш и украинец А. М. Мортун [1]. В разработке новой платформы участвовал также видный впоследствии историк Е. В. Тарле.

На С'езде были представлены все города кроме Петербурга. Заседания его происходили за Днепром — в густом лозняке. что было возможно только потому, что С'езд был созван летом 1897 года. С'езд высказался за массовые выступления студен-

---

[1] «Былое», 1924 г., № 27/28. «Четверть века назад».

чества в защиту политических требований, выставляемых революционными партиями. Новая платформа Киевского С. С. вызывала появление черносотенных студенческих организаций, выступавших в Киеве под флагом «националистов» (на Украине это было равнозначно украино, полоно и юдофобству). Возглавлялось это новое издание «белоподкладочников» первой половины 90 годов известными питомцами редактора «Киевлянина» Д. И. Пихно, А. И. Савенком и А. Д. Билимовичем. Во главе студенческого движения становятся в этот период (1897-98 г.г.) братья Александр и Владимир Вакары — также участники нашей школьной организации и в будущем активные социал-демократы (особенно Владимир—«Правдин»).

После исторического избиения студентов в Питере на Казанской площади в памятный для петербуржцев день 8 февраля 1899 года студенческое движение охватило все университеты. Новые методы борьбы—студенческие забастовки и химическая обструкция — нашли широкое применение. В Киеве борьба осложнилась столкновениями с «националистами», с организуемыми ими монархическими, патриотическими манифестациями. Именно в Киеве студенческие беспорядки приняли весьма острый характер, вызвавший в 1899—1900 уч. году новый под'ем революционного возмущения по всей стране. Университет в феврале 1899 г. был вновь закрыт — по примеру 1884 года. Сходки все-таки продолжаются. Во главе движения опять социал-демократы, члены партийных организаций, представители их в С.С.— Людомир Скаржинский и В. Шах идут во главе этого движения. Весь 1899 и 1900 г. с небольшими перерывами продолжаются волнения, закончившиеся сдачей 183 студентов (в том числе Степана Балашева) в солдаты. Командующий войсками Киевского Округа генерал Драгомиров, которому было предписано окружить бунтующий университет войсками, рапортовал, как гласит устное предание, в шику генералу жандармов Новицкому по телеграфу самому царю: «Войска заняли позиции—неприятеля не видно». Беспорядки продолжались, завершившись выстрелом Карповича.

Заканчивая на этом моменте летопись студенческих волнений в Киеве на протяжении интересующего нас десятилетия, я еще раз обращаю внимание читателей на то обстоятельство, что вопреки укоренившемуся взгляду, будто с.-д. относились к студенческим движениям отрицательно или игнорировали их, киевские с.-д., в лице перечисленных весьма активных членов партийных организаций, занимали в этом движении весьма видное место и нередко играли руководящую роль как организаторы, как ораторы или как литературные работники.

Крупнейшей из организаций, представленной в С. С., было «Польское коло» или «польская корпорация», насчитывавшее

около двадцати пяти кружков с несколькими сотнями членов, располагавшее прекрасной, хорошо оборудованной библиотекой и крупными денежными доходами, львиная доля каковых шла в кассу партийных революционных организаций. Возглавлялось это «коло» выборным органом, так наз. «радой», в которой в мое время большинство голосов принадлежало нам — «червоным». Традиции этой студенческой «корпорации» восходили очень далеко — к 1863 году, когда многие из наших предшественников, членов так называемой «Громады», приняли активное участие в вооруженном восстании и положили свои головы под с. Соловьевка на Киевщине. Второй, позднейшей, организацией — предшественницей наших «червоных» кружков — была киевская студенческая группа «гмина (община) социалистов польских», случайно обнаруженная жандармами в начале 1881 г. Благодаря предательству одного из членов этой организации, охватывавшей тогда все крупные центры, некоего Александра Родзевича, вся группа была раскрыта, при чем в числе важных ее руководителей оказалась видная деятельница и сподвижница эмигранта Станислава Мендельсона (изв. потом издателя «Пржедсвита» и «Валька Клясс») Мария Янковская — жена каневского помещика Киевской губ. Эта партийная организация, действовавшая в Киеве еще до возникновения местного филиала «Пролетариата» и, повидимому, не связанная ни с Л. Варынским, ни с наезжавшим сюда впоследствии Тадеушем Рехневским, была некоторым образом сродни нашей «корпорации», ибо тот же Янковский Владислав (муж эмигрантки Марии) был долгие годы одним из бескорыстнейших покровителей ее и всех ее культурных начинаний («тайные польские школы»). Наконец, упомянутые в первом очерке лица, примыкавшие к «Пролетариату» или, несколько позже, образовавшие «Звионзек млодзержы социалистычней», были активнейшими в то же время руководителями этой «корпорации», на которую мы смотрели как на школу, в которой подготовлялись будущие работники польских подпольных партий. Лучшими и красноречивыми ораторами и энергичнейшими деятелями польского «коло» в начале 90-х годов были упомянутые Иордан Пересвет-Солтан и Юзеф Ходорский. В мое время во главе его стояли из примыкавших к П. П. С. — Станислав Калиновский и мой брат Викентий Мошинский, из с.-д.—Викентий Богуцкий и Петр Полонский. Последний несколько лет был ответственным библиотекарем [1]. Библиотека наша, насчитывавшая несколько тысяч томов прекрасно подобранной, преимущественно по вопросам общественным и

---

[1] В личной беседе с Петром Геронимовичем мне удалось восстановить некоторые забытые детали. Подробнее см. в его воспоминаниях. «Кат. и Сс.», 1928 г., № 3.

по истории литературы — в позднейшие годы не только польской, но и русской, была легализована под видом частного книгохранилища, не доступного посторонним читателям. Каждый раз при смене библиотекаря она передавалась по нотариальным документам новому фиктивному владельцу квартиры. Библиотека помещалась по М.-Житомирской ул., близ здания быв. присутственных мест (Софиевская пл.), в помещении из нескольких прекрасно меблированных комнат. Библиотека хранилась в шкафах, находившихся в глубине квартиры; при входе в нее в первой комнате не было ничего, изобличавшего нахождение в этой конспиративной квартире крупного книгохранилища. На случай обыска все документы и списки подписчиков аккуратно выносились ежевечерно в надежное место. Предшественниками П. Г. Поолнского были бр. Эйнор (тоже литовцы), после него, помнится мне, заведывал библиотекой студент Бартошевич. За все время существования библиотеки — в течение ряда десятилетий — жандармерия ни разу не поинтересовалась ею и, повидимому, не подозревала, что в 5 минутах ходьбы от штаб-квартиры генерала Новицкого (в «Старо-Киевском участке» — в том же квартале присутственных мест) расположен такой опасный очаг революционной пропаганды. А польская библиотека, в которой были все произведения Маркса, Энгельса, Каутского и вообще все, что было ценного по обществоведению, философии и истории, была для наших занятий в «червоных» кружках богатейшим источником знаний. При студенческой «корпорации» состояла также ученическая «корпорация», о которой я вспоминал в предыдущей главе, но забыл упомянуть, что и у гимназистов была небольшая, но хорошо подобранная библиотека, которая помещалась в моей квартире на Кадетском переулке. Кроме перечисленных библиотек в распоряжении нашем были еще две библиотеки — украинской «Громады» и политического «Красного Креста», хранившаяся в квартире Линдфорсов (Никольско-Ботаническая ул.), младшая из которых Екатерина Александровна была членом нашего кружка, а старшая Зинаида — была членом организации «Красного Креста». Эта библиотека была в полном распоряжении нашего школьного кружка, а квартира Линдфорсов—любимым местом наших встреч и идейных вечеринок.

Наконец, в квартире моих родных хранилась на чердаке прекрасно подобранная библиотека заграничных изданий — на польском и русском языке — вплоть до изданий старой «Народной Воли», группы «Освобождения Труда» и «Союза заграничн. соц.-дем.».

Во главе «корпорации» стояла «рада» — из представителей кружков — в числе около 25 «радных». В описываемое время от 15 до 18 радных было делегировано социалистическими круж-

ками, остальные 7—10 были «бялые». По иронии судьбы в мое время лидером их был двоюродный брат Людвига Варынского— студент-медик Киевского университета. Кроме постоянных субсидий от старых разбогатевших членов «кола» крупнейшим источником дохода был устраиваемый нами ежегодно, во время «контрактовой» ярмарки, традиционный польский бал. Курьезнее всего то, что его открывали обычно представители высшей администрации края, не подозревавшие, что вырученные от бала средства поступают в кассу революционных партий.

III. Жандармский генерал В. Д. Новицкий.

Все революционные организации — и больше всего польские социалисты, польские и русские социал-демократы — имели в описанных организациях огромный резерв, из которого черпали на протяжении многих лет свои лучшие силы. Каждый провал моментально ликвидировался и замещался новым отрядом ждавших в резерве молодых работников. На следующий день после арестов появлялись прокламации, формировались новые кружки пропаганды, вспыхивали новые конфликты классовой борьбы... Любопытно в связи с этим проследить деятельность киевской жандармерии, поскольку она переплетается с историей киевского подполья. В этом отношении, надо сознаться, киевским подпольщикам очень везло. Начальник губ. жандармского управления Василий Дементьевич Новицкий, которого мы все в своем кругу, не без ехидства, называли фамильярно по имени и отчеству, был во истину анекдотическим генералом. Да и все почти его сотрудники — и ад'ютант Преферанский, и ротмистр Гаргопа, и полковник Евецкий (и, в позднейшее время, ротмистр Беклемишев, — он вел следствие по делу К. «Союза борьбы») — все они не блистали умом и не отличались розыскными способностями. Генерал Новицкий почивал на лаврах после побед, одержанных задолго до массового рабочего движения, и совершенно не понимал окружавшей его революционной ситуации. Он был одним из следователей, производивших «формальное» дознание по делу 193-х, потом работал со Стрельниковым и с начала 80-х г.г. служил уже в Киеве, где обратил на себя внимание случайным захватом кое-кого из прибывших на юг крупных террористов. Былая слава укрепила за г. Новицким репутацию надежного охранника. Процесс австрийских шпионов-поляков (супругов Иваницких и др.) в 1891—2 г.г., изобличенных предавшим их сообщником Домарацким, дал бравому жандарму чин генерала, и он окончательно успокоился. Грузный, тупой и задыхающийся от непомерной своей полноты, генерал наводил ужас на обывателей и на незрелых юнцов своим громовым голосом, топаньем генеральскими ботфортами и выпучен-

ными от бешенства глазами. Дальше его следовательские способности не шли. Настоящие революционеры относились иронически к этим приемам и быстро охлаждали темперамент расходившегося помпадура. Но родители арестованных и случайные жертвы этого самодура сплошь и рядом подвергались тяжелым и возмутительным унижениям. Запугивание это имело целью косвенное воздействие на арестованных. Особенно возмущена была тюремная наша публика весною 1895 г., когда привезли совершенно помешавшегося студента из Женевы, некоего Нуссельбаума — анархиста, прибывшего, по его словам, с какими-то важными поручениями террористического свойства. К Новицкому почему-то систематически направляли арестованных по заграничным агентурным сведениям русских студентов, возвращавшихся на родину. Генерал особенно интересовался связями этих арестованных с др. русскими студентами, с эмигрантами и т. п. И вот, чтобы вынудить у слабонервного Нуссельбаума сознание, генерал стал запугивать его виселицей, — Нуссельбаум в отчаянии выбросился из окна с 3-го этажа во время допроса, но случайно остался жив. Каждую ночь его мучили и, наконец, полупомешанного перевели из больницы в мужской корпус. Здесь он сознался, что выдал всех, с кем когда-либо встречался за границей. Такой успех окрылил генерала, и он продолжал прибегать к этим приемам, а иногда по мелким делам добивался предательских показаний. Но в наших с.-д. делах таких случаев, кажется, не встречалось. «Секретных сотрудников» Новицкий, повидимому, не держал или вернее не умел их привлечь. Список арестованных им в 90-х годах и содержавшихся в Лукьяновской тюрьме политических показывает, что настоящих деятелей киевского подполья, за редкими исключениями (Ю. Д. Мельников весною 1896 г.), Новицкий обнаружить не умел. Впервые киевские организации серьезно пострадали только в марте 1898 года (об этом подробнее дальше), когда розыском южных организаций и типографии, поставленной нашими киевлянами, занялся по распоряжению департамента полиции сам Зубатов. Новицкий, произведя массовую облаву в эти дни по следам, указанным «летучими» филерами Зубатова, был только ретивым исполнителем предписаний всемогущей московской охранки. Вообще же генерал Новицкий был пустой самохвал и политически безграмотный самодур, прозевавший происходившие у него под носом приготовления к 1-му С'езду и не подозревавший, какую крупную роль в строительстве партии играли действующие на его территории киевские социал-демократы. Впрочем, если сам Зубатов умудрился прозевать происходивший под носом у его «летучих» агентов Минский С'езд, то «Держиморде»—Новицкому вполне простительно незнание, что у него под носом, на Подоле, помещается типогра-

фия «Рабочей Газеты» и др. подобные предприятия наших товарищей. Это дало повод нашим товарищам зло подшутить над генералом, когда представился случай. Когда, наконец, новая тайная киевская типография, сменившая станок, захваченный в Екатеринославе в 1898 г. Зубатовым, после четырехлетней работы пришла в негодность, Киевский Ком. Р. С.-Д. Р. П. распорядился запаковать старый сработанный станок и стертый шрифт в корзину и поставить его у присутственных мест — возле памятника Хмельницкому с запиской: «Генералу Новицкому. — Сдается за ненадобностью».

Весьма удачную аттестацию генералу Новицкому дал Киевский Комитет в юмористическом адресе-прокламации, изданной ко дню 25-летнего юбилея маститого генерала [1].

«Ваше превосходительство, высокопочитаемый Василий Дементьевич. До нас дошла весть, что вы, ваше пр-тво, собираетесь покинуть этот пост, на котором вы со славою подвизаетесь четверть века. Она повергла нас в глубокую скорбь... Не думайте, ваше пр-тво, что это шаблонная фраза, столь обычная при проводах высокопоставленных лиц... Четверть века стояли вы на славном посту. Многие тысячи лиц подвергнуты вами аресту, многие сотни людей отправлены в более или менее отдаленные местности... При этом у вас была своя система. Лишь в редких случаях вы искали себе жертвы в рядах тех или других революционных партий и систематически избегали трогать нас — членов комитета Р. С.-Д. Р. П... Наша новая типография существует в Киеве уже 4 года. За эти годы беспрерывной работы шрифт успел уже стереться и хотя за это время вы обшарили не менее тысячи квартир, но при этом вы всегда выбирали именно те, где типографии нет и быть не может... Нам не дали проникнуть в глубокий сокровенный смысл ваших целей, но мы знаем, что сотни людей из интеллигентного общества, бывших либералов, колеблющихся, иногда даже консерваторов, и тысячи рабочих, иногда также не задумавшихся о своем положении... приходили к нам, когда оканчивали курс в школе вашего пр-тва. Вас упрекают за жестокость, многие говорят о вашей бездушности и свирепости, некоторые по поводу вашей деятельности вспоминают того Щедринского генерала Топтыгина, которого послали «учинять кровопролития», а он вместо того «чижика с'ел». Но мы считаем такое сравнение неправильным, так как, во 1-х, вы не раз «учиняли кровопролития» и, во 2-х, с'ели вы «чижей» немало, содействуя пробуждению киевского обывателя от векового сна. Либералы и просто мирные киевские обы-

---

[1] Прокламация принадлежит перу известного публициста В. В. Водовозова, стоявшего, как и Е. Тарле, весьма близко к нашему с.-д. подполью в Киеве.

ватели говорят о вас с ужасом и ненавистью, с ненавистью и злорадством они повторяют слухи о вашем покровительстве притонам тайного разврата... Но мы не имеем оснований ни ненавидеть вас, ни бояться, напротив — именно вы, благодаря всем только что отмеченным чертам, — ваше пр-тво, помогли нам стать на ноги, подвинуть и развить нашу деятельность во всей ее нынешней широте... Глубоко благодарные вам за все ваши услуги, мы не без зависти смотрим на наших московских товарищей, которые, судя по газетным слухам, будут осчастливлены вашей помощью... Мы уверены, что высшее правительство и впредь будет оказывать вам свое благоволение, как оно оказало вам его в текущем году, вверив вам ведение всероссийского дела о революционной организации «Искры»... Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемым по этому делу уйти из киевской тюрьмы, а затем благоразумно направили следствие по ложному пути... Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П.» (перепечатана в старой «Искре» за 1902 г. № 33).

На протяжении почти десяти лет киевская жандармерия, как и ее шеф, была исключительно бестолкова и бездеятельна. Лучшим показателем ее неспособности может служить личный состав тюремных сидельцев-политиков, случайно захватывавшихся и заключавшихся генералом Новицким в Лукьяновскую тюрьму.

Первые крупные аресты, свидетельствовавшие о серьезности киевского революционного движения, перекинувшегося в рабочую среду, имели место только весною 1896 года. Когда я был доставлен в Лукьяновку после ареста на границе осенью 1896 года, я застал здесь около десятка киевских рабочих (с электростанции), возглавлявшихся тов. Ю. Д. Мельниковым: этот арест (13 апреля 1896 г.), вырвавший, повидимому, случайно из нашей среды т. Мельникова, был огромным событием для Лукьяновки, не видавшей со времен арестов по делу доктора Абрамовича (1889 г.) представителей киевского пролетариата. Разновременно производившиеся Новицким аресты до этого времени выхватывали из среды революционно настроенной интеллигенции случайные единицы. Главным же контингентом были доставлявшиеся из других городов социал-демократы (напр., из Тулы: т.т. Хинчук, Шлихтер, Труш, Романов, Басов, Матусевич в 1894 г.) или прибывшие из-за границы студенты, которые арестовывались по указаниям заграничной агентуры. Из киевских групп заслуживают быть отмеченными: 1) арестованная в мае 1894 г. издательская с.-д. группа Татарова (Рауш, Синев, Павлович, Верзилова, Зданский, Гусев, Кокорин, Яснопольский, Крыжановская, Спилиотти), 2) в 1895 году (весною) — группа, издававшая прокламации для распространения в земской среде в связи с речью Николая II о «бессмысленных мечтаниях» (т. Л. С. Федорченко, Бердичевский, Вайнлуд, Звенигородский и др.,

3) из заграничных студентов, арестованных за связи с эмигрантами, вспоминаются фамилии анархистски настроенных студентов: Ханжи, Кракова, Нуссельбаума (предатель); из с.-д. — Васильева, Н. Н. Новикова, Павловича и др. Из одиночек, заключенных до этих арестов в Киевской Лукьяновской тюрьме, надлежит отметить Богдана Кистяковского (1892 г.), Павла Тучапского (в 1894 г. отбывал наказание), В. Н. Крохмаля (1895 г.). Впервые же киевская Лукьяновская тюрьма действительно заполнилась политическими только в марте 1898 года, когда были произведены массовые аресты под руководством самого Зволянского и Зубатова.

До этого момента, как мы видели, киевская жандармерия была безобидна, и потому деятельность не только законспирированных революционных кружков, но и массовых ученических и студенческих организаций протекала совершенно безнаказанно. Достаточно упомянуть массовые сходки учащихся средней и высшей школы и даже всероссийский студенческий с'езд, имевшие обычно место за Днепром.

Другим видом сходок, народнических и марксистских, также остававшихся долгое время неуловимыми вплоть до 1900 года, когда была арестована большая сходка, собравшаяся для слушания лекции т. Луначарского о творчестве Ибсена, были так называемые «рефераты», где наиболее начитанными товарищами из представителей обоих направлений революционного подполья читались доклады; из марксистов надлежит отметить в качестве докладчиков Б. А. Кистяковского, С. К. Мержинского, Н. Н. Новикова и др. Рефераты эти сыграли очень крупную роль в привлечении значительных кадров киевской учащейся молодежи в ряды революционных организаций. О них подробнее речь будет ниже.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

ПОЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ (1893—1897).

I. Польская социалистическая группа.

Основное ядро группы с И. Солтаном, Г. Сарцевичем и Л. Левковичем во главе, удержав, после раскола с с.-д. группой д-ра Бахницкого, в своих руках все связи с рабочими и с ППС, продолжало снабжать Киев нелегальщиной на польском и русском языках. Связь с Варшавой и Вильной обеспечивала группе не только авторитет стоявшей за ее спиной ППС, но и все технические средства этой, в то время единственной в царской России, мощной революционной организации. Через Вильну получалась регулярнейшим образом нелегальная литература, благодаря чему у группы был богатый нелегальный архив, каким не могла располагать ни одна из киевских организаций. Национальный уклон обеспечивал группе содействие, связи и денежные средства, притекавшие из сочувствующих кругов польской буржуазии (напр., содействие известного в Киеве либерального фабриканта Андржейовского, который субсидировал несколько тайных школ, посещавшихся детьми польских рабочих и ремесленников, где преподавали лица, стоявшие близко к группе; устройство польских вечеринок, балов и лотерей, дававших ей крупные средства и т. д.). Необходимо, однако, в интересах истины указать, что программа ППС не была официально принятой программой киевской группы, как таковой, что группа отнюдь не состояла в организационной связи и в каком бы то ни было подчинении Центральному Комитету ППС. Это явствует хотя бы из того, что в составе группы продолжало работать несколько социал-демократов, а когда, например, официальный агент ППС, д-р Сарцевич, внес предложение подчинить группу партийной дисциплине и об'явить ее партийной организацией, произошел формальный разрыв, — д-р Сарцевич вышел из группы и покинул Киев. Он переселился в Белосток и там в течение ряда лет возглавлял местную ППС-скую организацию. Правда, от времени до времени к д-ру Сарцевичу наезжали цекисты (у него

приходилось встречать самого Иосифа Пилсудского — «Зюк» — и Войцеховского — «Длуги» — бывш. польский президент). Приходилось и нам ездить в Вильну и получать у Пилсудского транспорты нелегальщины. Но это были услуги чисто технического характера, нисколько не обязывавшие нас к выполнению директив ППС. Окончательно выяснился непартийный характер этой группы (в смысле ее вхождения в ППС) тогда, когда после нашего расхождения с д-ром Сарцевичем в нее были приняты М. С. Урицкий, В. М. Сапежко и др. не-поляки.

Удержав связи с рабочими в своих руках, польская социалистическая группа в 1893-94 г. становилась на некоторое время, пока Ю. Д. Мельников не взял в свои сильные руки это дело, единственной преемницей д-ра Е. Абрамовича, ибо именно под ее руководством находился уцелевший к тому времени библиотекарь и казначей рабочего с.-д. кружка, сорганизованного д-ром Абрамовичем, Ян Килянский. О руководящей роли Яна Килянского в этом кружке сохранились документальные архивные данные [1], из которых видно, что сам д-р Э. Абрамович в показании, данном им жандармскому ротмистру Кондратьеву в присутствии тов. прокурора Иконникова 15 июня 1889 г., признал, между прочим, что жил он на М. Жандрамской ул., по соседству, и познакомился весною того же года с рабочим Иваном Килянским, что через полтора месяца после этого знакомства с Килянским состоялось собрание рабочих ж.-д. мастерских в Кадетской роще в числе 23 человек, из среды которых был выбран кассиром и библиотекарем организации тот же Иван (Ян) Килянский, что Иван Килянский, действительно, отрекомендовал его, Абрамовича, собравшимся вымышленною фамилией «Белин».

Из числа участников этого собрания, значащихся на подписном листе в жандармских матерьялах, числятся: 1. Михаил Сень, 2. Михаил Станишевский, 3. Савченко (предатель. *М.*), 4. Сергей Адамский, 5. Килянский, 6. Сергей Бреше, 7, Федор Минин, 8. Белин (Абрамович), 9. Сергей Логвинов, 10. Николай Кибиков, 11. Сметаненко, 12. Карпович, 13. Черкасов, 14. Семенов, 15. Овечкин, 16. Балицкий, 17. Тилишевский, 18. Куликов. 19. Еремеев, 20. Сезоненко, 21. Гельперн и 22. Голомб. За исключением самого Абрамовича и его ближайших сподвижников, подвергшихся более или менее серьезным наказаниям, перечисленные двадцать человек рабочих, в том числе Ян Килянский, отделались пустячными взысканиями.

Необходимо сказать несколько слов о заслуженной революционной семье братьев Килянских, которые в сущности и положили основание первой (после ссылки Абрамовича) рабочей

---

1 См. «Красная Летопись», 1923 г., № 7. Документы, сообщ. Н. А. Бухбиндером, показания Э. Абрамовича.

организации в Киеве (кружок Э. Ф. Плетата в главных жел.-д. мастерских).

Старший из них, ближайший сподвижник д-ра Абрамовича Ян Килянский, работал мастером в ж.-д. мастерских. Когда вернувшийся из Питера младший брат его, Карл Килянский, предложил ему восстановить ж.-д. кружок Абрамовича, то именно Яну удалось в 1893 г. вместе с Э. Ф. Плетатом сгруппировать тот первый кружок из полутора десятков рабочих ж.-д. мастерских для занятий под руководством его брата Карла, о котором рассказывает Эдуард Францевич [1]. Следующий по старшинству— Карл Килянский — окончил в Белой Церкви курс реального училища, славившегося своими революционными традициями. Будучи вольноопределяющимся, он в 1891—92 г. устанавливает связи через своего брата в рабочей среде, а затем уезжает в Питер учиться в Технологический институт. Здесь, в Технологическом институте, Карл Килянский попадает в периферию группы с.-д. технологов, возглавлявшихся т. Чернышевым, и ведет в числе других студентов пропаганду на петербургских заводах. Провокация зубного врача Михайлова вскоре повлекла за собою провал кружка технологов, возглавлявшегося Кулевым. Тогда были арестованы Кулев, Баринов, Непокойчицкий (тоже из Белой Церкви), Афанасьев (рабочий) и Карл Килянский. Это было весною 1893 г. Килянский после освобождения из тюрьмы был выслан на родину, в Киев, и приступил при помощи брата к восстановлению там рабочей организации. Зимою 1893—1894 г. я впервые познакомился с этим крупным в то время работником киевского подполья. Маленькая, плотная фигурка Килянского дала повод к сохранившейся за ним надолго кличке «инженерек» или «Каролек». «Каролек» был сколочен из того же материала, как и позднейший глава и руководитель об'единенных киевских социал-демократов Б. Л. Эйдельман. Он был так же сдержанно-суров и выжидательно-осторожен в разговоре с собеседниками, как бы нащупывая каждого из них. Наш «инженерек» был так же, как Борис Львович, и настойчив, и неуступчив; он обладал огромной силой воли и большим характером. Авторитет его в глазах рабочих был непоколебим. Лучшей характеристикой этого первого после Абрамовича пионера киевского рабочего движения, имя которого до сих пор значилось в списках десятков других киевлян совершенно неотмеченным, будет та оценка, которую ему давал сам Ювеналий Мельников, большой личный друг и поклонник Карла Килянского.

Третий, младший из Килянских, Вацлав, слушатель Петербургского Лесного института, был деятельным участником

---

[1] «Путь революции», изд. Киевского Губкома. Киев. 1923 г. (Вечер воспоминаний).

колпинского кружка, издававшего «Рабочую Мысль» (первые 2 номера), и после высылки в родноїй город Киев также продолжал работать подпольно.

Первыїй созданныїй бр. Килянскими кружок из рабочих ж.-д. мастерских собирался на Соломенке или за Кадетскоїй рощей (на Шулявке) и состоял преимущественно из поляков, — вот они: Э. Ф. Плетат, Франц Полякевич, Вержбицкиїй, Голембиовскиїй, Роговскиїй [1], Новицкиїй, Тыльшевскиїй [2]; русские и украинцы были в меньшинстве: Григоренко, Святенко, Злобин, Зевакин и Моисеев. Однако, занятия велись на русском языке [3].

Важно также установить тот малоизвестныїй факт, что и в этот первоначальныїй период (1893—95 г.), когда работа наша не выходила из границ просветительных кружковых занятиїй с «учениками» (так назывались тогда из конспиративных соображений члены кружков пропаганды), именно энергичному и предприимчивому Карлу Килянскому и его ближайшему сподвижнику по практическоїй работе Яну Пржиборовскому удалось создать ряд кружков через посредство рабочих-поляков, членов ж.-д. кружка, на целом ряде других заводов, а именно: у «Гретера и Криванека» (на Шулявке), на Южно-русском заводе (на Стефановскоїй ул.), в трамвайных и пароходных мастерских, на Подоле (на заводах Шиманского, Андржейовского и др.). С. В. Померанц также подтверждает это обстоятельство и признает, что связи русскоїй с.-д. группы сосредоточивались до осени 1895 г. (т.-е. до образования 1-го рабочего комитета) преимущественно в среде ремесленников [4].

Никакоїй особоїй «польскоїй» программы пропагандисты нашей группы при своих занятиях в кружках не проводили, несмотря на то, что большинство членов ее ориентировались на ППС. Таковоїй обязательноїй для всеїй группы программы не существовало По существу работа наша нисколько не отличалась от работы. проводившеїйся нашими русскими товарищами социал-демократами.

Споров о тактике вплоть до зимы 1896—97 г. также не наблюдалось, и в течение двух лет (1894—1896 г.г.), поскольку я был активным участником работы группы, она была поглощена исключительно текущеї пропагандистскоїй и техническоїй работоїй, а равно научными занятиями с подготовительными кружками учащеїйся молодежи.

---

[1] Роговскиїй — мой дальниїй родственник. С некоторыми из них мне приходилось потом заниматься в кружках пропаганды.

[2] Также, кажется, член кружка Э. Абрамовича.

[3] Кроме К. Килянского (после первого от'езда его в Питер) из интеллигентов-поляков, ведших систематические занятия с этим кружком в 1893—95 г.г., надлежит отметить б. мичмана Балтфлота поднадзорного Дыновского, медиков Л. Левковича и Г. Сарцевича.

[4] «Красная Летопись» 1923 г., № 7. Воспоминания.

Состав группы к моменту моего вступления (зима 1894—95 г.) несколько изменился: Солтан и Левкович еще в 1894 г. отошли от практической работы Юз. Дыновский, Юзеф Ходорский и Ядвига Самохоцкая уехали на Дальний Восток, куда потом вызвали (на постройку ж. д.) и Яна Килянского. Во главе группы стояли организаторы — инженер Карл Килянский и д-р Генрих Сарцевич; пропагандистские функции выполняли студенты-медики — Ян Пржиборовский, Вацлав Маковский и Вацлав Мардосевич, студенты-юристы — я, Маврикий Шишко и Адам Рабчевский, теоретическую и литературную работу (статьи в польской печати и рефераты по общественным и программным вопросам) выполняли научные силы группы — студент-естественник Иосиф Гродецкий, математик Станислав Калиновский и филолог Суйковский, а также упоминавшийся неоднократно Адам Рабчевский. После Килянского особого внимания из перечисленных членов группы заслуживает его ближайший друг и сподвижник Я. В. Пржиборовский. Семья Пржиборовских (Несте ровская ул., уг. Фундуклеевской) играла роль центра, куда собиралась вся публика из нашей группы на вечеринки, рефераты и для деловых совещаний. Сам хозяин дома, Ян Витольдович, верный традициям польского гостеприимства, был всегда душою наших сходбищ. Он блестяще исполнял по-французски настоящую парижскую Карманьолу и др. революционные песни и умел отобрать из числа многочисленной посещавшей этот дом польской молодежи элемент, нужный группе. Карл Килянский был здесь ежедневным гостем. Здесь же получались все свежие новинки закордонной литературы, и всегда можно было найти очередной № «Пржедсвита» или «Роботника». Ян, несмотря на свои теоретические симпатии ППС, был совершенно чужд национальной исключительности. Он был сыном обрусевшего ссыльнопоселенца повстанца и был воспитан на русской литературе и искусстве. У него была прекрасная русская библиотека, и здесь часто на польских вечеринках можно было слышать талантливую читку Надсона, Некрасова или любимых Яном «сказок» Салтыкова-Щедрина. Этот штрих также достаточно показателен для настроения актива польской социалистической группы. За исключением двух-трех заядлых националистов, вся наша публика была чужда пэпээсовской исключительности. К сожалению, мы очень рано лишились этого прекрасного и подававшего большие надежды товарища. Студентом 4-го курса (мед. фак.) Ян Пржиборовский тяжело занемог и вскоре скончался (1897 г.). Семья его продолжала оставаться центром общественной работы и после его смерти и, вероятно, в архиве департамента полиции значится в числе одного из революционных очагов старого Киева.

Нелегальную литературу (также и русскую), как я уже сказал, мы получали преимущественно через Пилсудского и его сподвижников из Вильно. Независимо от этого один из членов группы, Вацлав Маковскиї, родные которого имели хутор близ границы, наладил специально для Киева транспорт у ст. Гусятин и получал закордонную литературу из Галиции. Оттуда, с рук контрабандистов, ее переправляли на лошадях в Каменец-Подольск, к брату Вацлава, и из Каменца уже направляли с верної оказиеї по железної дороге в Киев.

Ян Витольдович Пржиборовский (1896 г.)

Викентий Николаевич Мошинский (1895 г.)

Лучшей и наиболее обещавшеї силоїї группы был самыї талантливыї и в то же время самыї молодоїї Адам Дионисьевич Рабчевскиї, личность и деятельность которого вполне освещена в предыдущем очерке. Он был, как выше говорилось, еще до поступления в эту группу активнеїшим членом ученических марксистских кружков (русского и польского); затем он быстро выдвинулся на подпольної работе среди киевских пролетариев, особенно после слияния всех групп. Его перу принадлежало немало статей в нелегальної печати и позднеїших прокламаций. В жандармских материалах А. Д. Рабчевскиї значится вместе с т.т. П. Л. Тучапским и Б. Э. Шеном одним из самых активных пропагандистов более позднего периода (1897—98 г.).

По возвращении из ссылки т. Адам проявил новые дарования — блестящего оратора. О его способностях и заслугах с большим уважением отзывались многие видные киевские подполь-

щики, например, член нашей группы М. С. Урицкий. Трагическая смерть (1907 г.) преждевременно вырвала т. Адама из среды киевских подпольщиков и не дала развернуться его блестящим дарованиям на пользу революции.

Представителем группы в сношениях ее с С. С. и со всеми революционными организациями был активнейший из подпольщиков первой половины этого десятилетия, тесно связанный со всеми киевскими кружками — мой старший брат — Викентий Мошинский (умер во время гражданской войны на Украине в 1921 году, на Чигиринщине).

Как я уже упоминал выше, к лету 1896 г. в польской группе назрел новый раскол. Мы отказались войти в состав ППС, и группа фактически перестала существовать как польская организация. Часть поляков разъехалась по провинциальным городам, другие уехали в Варшаву. Из последних заслуживает упоминания Иосиф Гродецкий, создавший себя в Польше имя крупного ученого и продолжавший примыкать к ППС, и Станислав Суйковский — видный географ, состоявший одно время министром народн. просвещения в Польше (в м-ве Витоса). На место уехавших Килянского и Сарцевича во главе группы становится энергичный и ловкий политик Станислав Калиновский, совершенно почему-то не упоминаемый в опубликованных до сих пор материалах. Многие из товарищей-практиков, бывавших в те годы в Киеве, должны помнить типичного стройного поляка с пышными рыжеватыми шляхетскими усами и гордой осанкой. Светлая шевелюра и синие глаза свидетельствовали о чистой славянской крови их обладателя, и импонирующая внешность располагала к нему многих. Гордая, независимая манера держать себя, незаурядные способности и большая начитанность, а также большой такт и уменье подчинить себе товарищей невольно выдвинули его в 1896 году на первое место. Моисей Соломонович Урицкий, которого он обнаружил тогда работавшим параллельно с нами в качестве «одиночки» и привлек в нашу группу, помнится мне, относился к т. Калиновскому очень хорошо и высоко ставил его, как достойного представителя группы и тактичного дипломата при ведении бесконечных переговоров о слиянии с остальными киевскими с.-д. группами. Незадолго до мартовского провала — в начале 1898 г. Станислав Калиновский тоже перекочевал в Варшаву. Но там он вместе со Ст. Кошутским остался верным с.-д. и продолжал воевать с ППС. Ст. Калиновский имеет крупное имя польского ученого физика и состоял ректором университета.

После ухода из группы агента ППС д-ра Сарцевича, возглавлявший ее С. Калиновский, опираясь на нас двоих (А. Д. Рабчевского и меня), провел постановление о допущении в группу новых намеченных нами товарищей — независимо от

их национальности. Группа пополнилась тогда новыми силами. Это были: Станислав Кошутский, Игнатий Загурский, Людомир Скаржинский, Моисей Урицкий, Дмитрий Неточаев, Владимир Сапежко. К началу 1897 г. слияние нашей группы с остальными вполне назрело и состоялось в марте, после Ветровской демонстрации.

Добавим несколько слов о Скаржинском и М. С. Урицком, которому потом, после разгрома южных организаций, весною 1898 г. довелось сыграть весьма крупную роль. Он обратил на себя внимание наше на лекциях, на практических занятиях по политической экономии у профессора Пихно (на 1-м курсе юридического факультета), где большое влияние на студентов имели некоторые его оппоненты из наших товарищей-социалистов, например, М. Б. Ратнер (народник по взглядам, он был, однако, последователь Марксовой экономической теории), марксист Бернацкий (потом профессор-кадет и министр) и др. В защиту Д. И. Пихно выступали известные потом деятели черносотенного лагеря: его пасынок В. Шульгин, Савенков, Билимович. Диспуты эти привлекали массу слушателей, особенно из наших подготовительных кружков. Здесь нам довелось познакомиться с М. С. Урицким. Его внешность бросалась в глаза: малорослый, кругленький, со щурящимися насмешливо глазками, он выделялся из толпы студентов, наводнявшей университетские коридоры, совершенно необычной походкой. Моисей Соломонович, которого мы в польской группе прозвали за его недюжинный ум и проницательность, за его столь ценную для революционера практическую сметку и остроту ума «Соломоном», подвигался быстро, как шарик, мерно раскачиваясь, как маятник, и в этом отношении представлял, к сожалению, прекрасную мишень для филеров. Но он с необыкновенной ловкостью дурачил их и — надо это отметить — действительно был выдающимся конспиратором. Еще в эти годы, по свидетельству т. Василенко К. П., работавшего с ним в киевском подполье — в самое ответственное время, — М. С. говаривал о необходимости создания революционного контр-шпионажа. Второй крупной силой в новом составе «польской социалистической» группы был сыгравший несколько позднее огромную роль в студенческом движении конца 90-х годов Людомир Скаржинский. Выдающийся оратор, с огромным темпераментом и большой силой воли, Людомир, как и член с.-д. группы Марьян Гурский, стал вскоре нелегальным профессионалом революции и многие годы, вплоть до 1917 года, с некоторыми промежутками провел в тюрьмах и высылке, прерываемых от времени до времени побегами.

В 1897 году мы все уже полным ходом работали в составе новообразовавшегося «Киевского Союза борьбы», которому посвящен один из дальнейших очерков.

С социал-демократической польской группой, которой посвящена следующая глава, у нас были настолько тесные личные отношения, что слияние обеих польских групп было совершенно естественным завершением процесса интеграции киевских социалистических кружков.

II. Польская с.-д. группа.

В 1893 г. лидер группы, д-р. Станислав Бахницкий, с женою Александрой Бояковской покинул Киев, и руководство группой, откололовшейся от старой социалистической организации, перешло к студенту-медику Викентию Мечиславовичу Богуцкому и к прибывшему на следующий год из Белоруссии, студенту-юристу (уроженцу Борисовскаго уезда Минской г.) Казимиру Адамовичу Петрусевичу. В течение 1893—94 г. группа эта, подобно русским товарищам, занята была почти исключительно теоретической разработкой своей новой программы и привлечением новых сил из среды приходившего на смену нового выпуска учащейся молодежи.

Из личного состава группы, кроме бр. Богуцких и Казимира Петрусевича, возглавлявших с.-д. группу, остались в памяти следующие имена наиболее активных ее членов (некоторые вступили в нее значительно позже — в 1895 г.). Старейшие члены ее почти поголовно были студенты-медики, уроженцы Литвы и Белоруссии: Людвиг Наркевич, Петр Геронимович Полонский (относившийся к пэпээсовцам с особенным недоверием, видя в них врагов литовского народа), Станислав Бражас, Иосиф Цвирко-Годыцкий, Иосиф Талят-Келпш, Ярмолинский, Доминик Окинчиц, Ян Горностайский. Младшая часть членов группы, вступившая в состав ее в одно время со мною (хотя мы формально числились в разных, зачастую соперничавших организациях), была более многочисленна. На первом месте должен быть поставлен выделившийся вскоре на общепартийную работу, как выдающийся профессионал революционного подполья, Марьян Григорьевич Гурский, медик I курса, и Казимир Иванович Шуляковский (великолепный практик-конспиратор, умер в 1920 г. в Киеве), юрист. Оба — воспитанники Белоцерковской гимназии. Далее шли воспитанники житомирской средней школы Вацлав Климович (умер в 1900 г. в Житомире), Клеменс Стржалковский, Ромуальд Войнарович (кличка «Анархист», умер в 1921 г. в Елисаветграде). Кроме того, к ним примыкал в качестве группы содействия большой кружок из числа высланных в 1895 г. из Варшавы за демонстрацию (в столетнюю годовщину восстания ремесленников в г. Варшаве, возглавлявшегося сапожником Килинским) студентов-поляков. Во главе этого кружка стоял легальный, впоследствии единомышленник Розы Люксембург,

выступавший потом вместе с Людвигом Крживицким в польской легальной печати в качестве марксиста, Станислав Кошутский. брат известного «пролетариатца» Винарский, Стан. Вржосек (позже ректор Краковского ун-та) и др.

Из примыкавшего к этой группе женского с.-д. кружка надлежит упомянуть участниц его, оказывавших зачастую весьма цепные услуги движению. Это были: Елена и Эвелина Богуцкие, Янина Лесецкая, Наталия Пачосская, Янина Иодко, Елена.

Викентий Мечиславович Богуцкий
(1905 г.)

Казимир Иванович
Шуляковский
(1898 г.)

Высоцкая, Елена Маньковская и др.; последняя из них в позднейших периодах оказывала весьма крупные услуги Киевскому К-ту РС-ДРП и организовала потом в Ростове типографию по образцу киевской с.-д.

Из деятелей этой группы заслуживают быть отмеченными в качестве видных в то время и сыгравших крупную роль в дальнейшем общественных и политических деятелей т.т. В. М. Богуцкий, К. А. Петрусевич и М. Г. Гурский

В центре группы стояла семья В. М. Богуцкого, отличавшаяся своей роволюционностью и служившая одним из главных в Киеве — на ряду с упомянутыми выше семьями — рассадником революционной бациллы.

Квартира Богуцких (в первое время на Б. Кудрявской ул., потом на Ивановской, а затем в Кадетском пер., в одной усадьбе с моей семьей) была, как выражается московская охранка об

одної из подобных московских квартир, буквально «заезжим двором» для всех революционно-мыслящих представителей студенческой и гимназической молодежи. Весь день до поздней ночи у Богуцких толпилась демократическая публика, все находили здесь ответ на интересующие их вопросы и нужную книжку. По вечерам здесь довольно часто собирались вечеринки; приходилось только удивляться, как заменившая рано умершую мать молодых Богуцких «тетка Юзефа» умудрялась из их скудных средств выкраивать почти ежедневно для проголодавшейся молодежи ужин. Тут же некоторые члены этой многочисленной семьи готовились под шум разговоров и революционных песен к экзаменам. На меня, гимназиста, имевшего обыкновение часто посещать этот симпатичнейший в Киеве дом, последний производил в первую минуту ошеломляющее впечатление. Однако, общественная жизнь в то глухое время в провинциальном Киеве без таких семейных центров ее, как описанные дома Линдфорсов. Маньковских, Пржиборовских или Богуцких, была совершенно немыслимой. Все живое поставлено было в необходимость собираться в этих местах тайных встреч работающей или отдыхающей от работы революционной публики. Эти семьи, о которых с глубокой благодарностью вспоминает каждый старый подпольщик-киевлянин, были нашими клубами и в то же время являлись и местом наших деловых встреч. Кроме дома Богуцких польская с.-д. публика чаще всего встречалась в доме своих единомышленников Лесецких — на Никольско-Ботанической ул.

Потом, начиная с 1896 г., образовался другой памятный центр, где всегда ютилась и бывала наша публика, — квартира оказавшей нам неоценимые услуги, известной по делу «Киевского Союза борьбы» Елизаветы Чарномской — на углу Фундуклеевской и Тимофеевской ул. Здесь жил П. Г. Полонский, и сюда направлялась на явку иногородняя публика зимою 1897—98 г.

Именно здесь в момент острой опасности наши товарищи вынуждены были в мартовские дни поместить весь архив, и он к прискорбию был весь из'ят во время массовых обысков 1898 года на квартире Чарномской.

Душою сборищ, происходивших как у Богуцких, так и впоследствии у Чарномской, был все тот же лидер польской с.-д. группы В. М. Богуцкий. Он отличался кипучей энергией и инициативой, огромным знанием людей и редкой отзывчивостью. Все эти качества выдвигали его на первое место и в организациях и в обществе. Он был блестящим организатором и предприимчивым практиком-дельцом, если этого требовали интересы организации. В то же время Викентий Мечиславович был тонким политиком: представительство от уполномочивших его политических групп или организаций и дипломатическая обходительность

при ведении всяческих переговоров были его специальностью. Авторитетом т. Богуцкий в Киеве, и в подполье и в легальных общественных сферах, пользовался непререкаемым. Все эти качества сделали его впоследствии крупным общественным деятелем и в медицинском мире («пироговские с'езды») и в так наз. общественном самоуправлении (он был перед самой войной городским головою в Одессе). Многократно высылаемый и ссылаемый, не раз рисковавший своей жизнью как на военных фронтах, так и в борьбе с чумой (в качестве врача-бактериолога он особенно прославился в экспедиции проф-Высоковича в астраханских степях), Викентий Мечиславович был гордостью и кумиром киевской революционной публики. Его деятельность на всех ступенях его общественной и политической карьеры может быть засвидетельствована киевлянами и одесситами, саратовцами и архангельцами и многими боевыми участниками мировой войны и революционного подполья. После Февральской революции он был тов. министра внутр. дел в составе Временного Правительства, а теперь избран вице-президентом Варшавы.

Петр Геронимович Полонский (1909 г.)

Достойным его сподвижником в описываемое время был не менее интересный и крупный в дальнейшем общественный деятель Казимир Адамович Петрусевич. Сумрачный, молчаливый, по внешнему облику типичный представитель белорусского племени, поляк по культуре, Петрусевич казался только на первый взгляд нелюдимым и неприветливым человеком. На деле это был прекраснейшей, добрейшей души товарищ, долгие годы поддерживавший своими личными средствами нуждавшихся товарищей по подполью. Он был лучшим теоретиком польской с.-д. группы и, отличаясь редкой настойчивостью и работоспособностью, умудрялся после дневной беготни по революционным делам просиживать целые ночи за книгой. Он был хорошим специалистом-юристом и в то же время образованнейшим марксистом. Его доклады в кружках 1897 г., упоминаемых т. К. П. Василенко[1], были особенно ценны.

---

[1] «Былое», 1924 г., № 27/28.

Тов. Казимир был очень горд и самолюбив. Когда его послали в Питер на помощь разгромленному в 1896 г. «Союзу борьбы» и ему показалось, что в нем не особенно нуждаются, Петрусевич, не дождавшись настоящей работы, поспешил во свояси в родной Киев. Его везде высоко ценили и считались с ним как с величиной первоклассной. Прекрасно дисциплинированный подпольщик, но в то же время знающий себе цену работник он, конечно, не мог примириться с бесцельным выжиданием и бездельем, когда там, на юге, его ждала огромная работа. По возвращении его, Казимиру Адамовичу была поручена ответственная и благодарная работа — соорганизовать и поставить дело в таком исключительно важном центре, как Екатеринослав. В Екатеринославе он скоро сумел об'единить все действовавшие там разрозненные кружки в единый «Союз борьбы», от которого был делегирован на I-й С'езд партии в Минске. Только мартовские аресты оторвали его от живой работы, и т. Петрусевич был сослан на 5 лет.

В связи с именем Казимира в моей памяти всплывает один характерный эпизод. 19 марта 1897 года, во время Ветровской демонстрации, когда молодая группа польских с.-д. с Гурским во главе, вопреки партийной директиве, вышла на улицу, увлекая за собою часть сочувствующей с.-д. молодежи, уравновешенный и всегда спокойный т. Казимир не совладал с революционным темпераментом: он также нарушил дисциплину, примкнул к молодым товарищам, пошел во главе первой в Киеве революционной демонстрации и был в числе других арестован и выслан.

Среди ветеранов киевского подполья — поляков с.-д. — заслуживает особого внимания колоритная фигура бессменного тюремного старосты и одного из организаторов знаменитого побега «11-ти искровцев» из Лукьяновской тюрьмы (летом 1902 г.) Марьяна Григорьевича Гурского. Сын ремесленника из Белой Церкви, т. Марьян был истинным пролетарием с раннего детства и на протяжении всей жизни. На гроши бедняка-отца и затем собственным горбом (уроками) добывая средства на ученье, он блестяще окончил гимназию и в 1894 г. был уже студентом Киевского университета. Мы оказались на одном факультете. Прекрасное юношеское лицо в полинявшей студенческой фуражке бросалось в глаза, и мы с первой встречи поняли друг друга. Состоя в двух параллельных партийных организациях, мы дружно работали в студенческих и рабочих кружках. Обладая большим революционным темпераментом и прекрасным голосом, чудный товарищ и хороший певец, т. Марьян пользовался крупным влиянием и любовью и в рабочих кружках, и среди учащейся молодежи и скоро стал одним из виднейших деятелей киевского революционного мира; он был неоценим, кроме того, как подпольщик-практик, изощрявшийся в постановке самых

рискованных конспиративных предприятий, если это было нужно для организации. Почти вся его революционная карьера полна была неустанной борьбы с сыщиками, с тюремщиками и перемежалась отчаянными побегами, о которых можно было бы написать целую книжку.

Тов. Марьян продержался, после 2-летнего перерыва (высылка), как и большинство наших подпольщиков-девятидесятников в Киеве, сравнительно долго и был арестован (у него была взята типография) лишь в марте 1901 г. по делу Киевского Комитета вместе с т. К. П. Василенко и др. Летом 1902 г. т. Гурский, будучи тюремным старостой, является, как выше упомянуто, одним из главных организаторов изумительно смелого побега «искровцев» из Лукьяновской тюрьмы и затем работает около двух лет подпольно в Донецком бассейне в составе Донецкого союза горнозаводских рабочих. Арестованный в Юзовке под фамилией Бучинского, он заключается с апреля 1904 г. в Луганскую тюрьму и здесь опять организует большой побег. Распиливает решетку, т. Марьян спускается по лестнице, сплетенной им из клочьев простыни, с четвертого яруса тюрьмы вниз, но тут по роковой случайности подвергается обстрелу и попадает в руки рассвирепевшей стражи. Искалеченный Марьян заболевает туберкулезом, и только революция 1905 г. освобождает его из тюрьмы. Затем он опять работает в подполье, высылается в Сибирь, оттуда бежит за границу, участвует в качестве делегата на 4 С'езде, опять арестовывается и так всю жизнь, больной туберкулезом, в вечной нужде, проводит между тюрьмой и подпольем. в самых ужасных условиях.

Дать полную характеристику многочисленных киевских подпольщиков-поляков того времени невозможно. Это заняло бы слишком много места. Достаточно сказать, что обе названные польские группы дали немало выдающихся работников русской революции.

Группа т. Богуцкого была правоверно-марксистской организацией, не уступавшей своей постановкой социал-демократической работы в пролетарской и интеллигентской среде русским товарищам, о которых речь идет далее. Программа, приемы работы. тип организации и связей ее в рабочей среде были совершенно аналогичны с русскими товарищами, и только нелепые условия подпольного существования и предрассудки кружковщины продолжали еще в течение ряда лет тормозить естественный процесс сближения польских групп (то же можно сказать и о польской социалистической группе Килянского-Калиновского) с русскими товарищами.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

I. Русская с.-д. группа.

Первая попытка с.-д. пропаганды среди киевских рабочих тесно связана с именем не раз уже упоминавшегося д-ра Абрамовича, действовавшего задолго до описываемых в третьем и четвертом очерках организаций. Правда, попытка эта, имевшая место в конце 80-х годов, была довольно быстро пресечена киевской жандармерией; но так как она явилась исходным пунктом для позднейшей деятельности киевских социал-демократов, широко развернувших дело, начатое Абрамовичем, через несколько лет после провала первого в Киеве рабочего с.-д. кружка — д-ру Абрамовичу по справедливости должно быть уделено в настоящем очерке первое место.

Уроженец Белоруссии (Гродно — в 1864 г.), сын скромного зубного врача — Эмиль Абрамович только благодаря совершенно исключительным способностям смог попасть в Гродненскую гимназию, несмотря на свое еврейское происхождение, и блестяще окончить курс в 1882 г. Однако, высшее образование, благодаря бесправному положению еврея, Э. А. должен был получить за границей (медицинская школа в Сорбонне). В Париже он сближается с эмигрантами — знакомится с литературой, издаваемой зародившейся в 1883 г. группой «Освобождения Труда» и становится убежденным марксистом и сторонником Г. В. Плеханова («Социализм и политическая борьба»). Теснимый крайней нуждой, Э. А. в 1884 г. возвращается на родину и здесь (в Минске) начинает проповедывать новое учение. Заканчивает свое медицинское образование Э. А. в Дерпте в 1888 г. — в годы, когда там действовал вполне определившийся марксистский кружок д-ра Лесника, к которому потом примкнул другой видный киевский подпольщик Б. А. Кистяковский, а из петербургских с.-д. известный Н. В. Водовозов. В Дерпте взгляды Э. А., повидимому, получили окончательное оформление, и, прибыв вскоре по получении диплома в Киев (6 февраля 1889 г.), Э. А. здесь сразу же при-

ступает к практической с.-д. работе. Он встречает здесь своего верного друга и товарища по заграничному учению Л. Е. Берковича и вместе с ним организует первые с.-д. кружки в момент самой безнадежной и глухой реакции. При помощи неоднократно уже упоминавшегося Яна Килянского, рабочего ж. д. мастерских, Э. А. вскоре создает кружок из двух десятков рабочих, организует библиотеку и кассу и ведет с ними серьезные занятия по программе, точно воспроизведенной в материалах, опублико-

Эмиль Абрамович Абрамович

Богдан Александрович Кистяковский (1894 г.)

ванных Бухбиндером (см. «Кр. Летопись», 1923 г., № 7). Кроме рабочих, Э. А. успел за немногие месяцы своей деятельности в Киеве завязать сношения со студентами, но именно это знакомство сыграло роковую роль в деле, предпринятом Э. А. Абрамовичем и Л. Е. Берковичем. Случайно арестованные два студента Горб и Флеров не выдержали характера и сознались в получении обнаруженных у них по обыску нелегальных (в том числе с.-д.) изданий именно от д-ра Абрамовича. После этого был раскрыт и рабочий кружок, созданный д-ром Абрамовичем, благодаря предательству портного, по фамилии Савченко (кажется, не настоящая), состоявшего активным его членом[1]. Члены его выше перечислены. Э. А. после свыше года предварительного заключения и двух лет одиночки в «Крестах» был сослан на 5 лет в Якутскую область. В «Крестах»

[1] По словам старого киевского подпольщика А. Бычкова, раскрыта была организация д-ра Абрамовича не без участия старого киевского провокатора, выдавшего в 1882 г. организацию «Народной Воли» в Киеве, Забрамского («Лет. Рев.», 1924 г. № 2 и 3).

(в больнице) с ним сблизился и стал социал-демократом второй знаменитый киевлянин — Ю. Д. Мельников.

Все отзываются о д-ре Э. А. Абрамовиче как о личности исключительно светлой, как о подвижнике и бессребренике, отдавшем свою жизнь бедным и гонимым. Достаточно привести характеристику, данную ему самим Зубатовым.

«Д-р Абрамович, «белый сапожник» (такова была его нелегальная кличка), по принципу богатых не лечил, у бедных денег не брал, сам зарабатывал гроши каким-то ремеслом, жил впроголодь, и весь отдался пропаганде, — пишет шеф московской охранки.—Его считали святым и преклонялись перед ним» (д. б. деп. пол. № 5, ч. 48, 1898 г. Ос. отд. Цитирую по Бухбиндеру).

После долгих лет ссылки и после исключительно подвижнической деятельности в качестве общественного врача в Сибири Э. А. опять в России — в Саратове, в Екатеринославе — в рядах с.-д. партии и вторично (за сношения с «Правдой») в 1912 г. высылается на 4 года в ту же Восточную Сибирь. Умер д-р Абрамович в Саратове 14 апреля 1923 г. Ровно через три года после арестов, разгромивших организацию, созданную д-ром Э. А. Абрамовичем, дело, начатое им, возродилось под идейным руководством другого выдающегося члена дерптского с.-д. кружка — Б. А. Кистяковского.

Ядро практически работавших в Киеве с.-д. тов. возглавлял Я. М. Ляховский.

Учредительское ядро так называемой «русской группы» это был тесный, строго законспирированный кружок ортодоксальных марксистов, возникший в 1891—2 учебном году и состоявший почти исключительно из студентов старших курсов Киевского университета. Здесь были — по свидетельству одного из первых примкнувших к нему единомышленников т. Бориса Львовича Эйдельмана, в дальнейшем возглавившего всю киевскую с.-д. организацию — следующие лица: Яков Максимович Ляховский (из Вильно), Сергей Константинович Мержинский (из Минска), Иван Иванович Чорба и Дмитрий Калинкович Лаврентьев.

Главным теоретиком и идейным руководителем этой группы был из'ятый не по своей воле из группы именно в то время, которое описывает тов. Б. Л. Эйдельман, Богдан Александрович Кистяковский. В 1892 г. он сидел уже в тюрьме, арестованный летом того же года вторично на галицийской границе, а затем в начале 1894 г. был окончательно выслан из Киева. Теперь эту его роль можно считать установленной. Приведем свидетельство одного из старейших сподвижников «неистового Богдана» — также заслуженнейшего из основателей партии тов. П. Л. Тучапского. Рассказ об этом замечательном деятеле киевского подполья, начатый нами в 1-м очерке, прервался на том моменте его жизни, когда изгоняемый повсюду

Б. А. Кистяковский поступает в Дерптский (Юрьевский) университет.

«В Юрьеве Кистяковский сблизился со студентами-поляками, придерживавшимися марксистских взглядов. Вероятно, при их посредстве он познакомился с русской с.-д. литературой (изд. гр. «Освобождение Труда»). Таким образом, когда Кистяковский приехал в Киев на каникулы 1892 года, он уже был марксистом. Кистяковский был освобожден из тюрьмы несколько позже меня. После второго ареста Кистяковский был освобожден осенью 1892 г., а затем по отбытии в той же Лукьяновской тюрьме заключения зимою 1893—4 г. окончательно выслан из Киева под надзор полиции в Латвию. Когда я с ним встретился, он дал мне (осенью 1892 г.) «Наши разногласия» Плеханова, а потом и другие издания группы «Освобождение Труда». Вместе с тем он указал и некоторые польские марксисткие издания, из которых особенно рекомендовал статьи Крживицкого.

В числе польских книжек были и переводы немецких с.-д. брошюр. Из них, я помню, особенно мне поправилась брошюра Шиппеля «Экономический переворот и развитие социалистических идей»... Марксистские кружки в это время в Киеве уже были. Один из них, в который входил, между прочим, недавно умерший И. А. Саммер, группировался вокруг того же Б. Кистяковского. Существовали и другие, как это видно из воспоминаний Б. Д.[1] (Историч. Сб. «Наша Страна»). Один из этих кружков, как можно заключить из слов Б. Д. (т. Б. Л. Эйдельман в книжке «Первый с'езд» повторяет их: «Группа перевела и напечатала первое на русском языке издание «Эрфуртской программы» Каутского, снабдив его своим предисловием — это так наз. издание Павлика, напечатанное в Галиции». *М.*), также имел связь с Кистяковским. Мне известно, что печатание этого перевода в Галиции (в Коломые, где в то время жил Павлик) было устроено Кистяковским, благодаря его связям с галичанами»[2]. Богдан Александрович тогда же, т.-е. летом или осенью 1892 г., не ограничивался сношениями с упомянутыми кружками. Он, как об этом свидетельствует тов. А. И. Петренко и В. М. Сапежко[3], выступал, и вероятно не раз, и пред более многочисленной ной аудиторией. Со слов В. М. Сапежко мне известно одно знаменательное нелегальное собрание, где был заслушан первый в Киеве научно обоснованный и весьма содержательный «реферат» Б. А. Кистяковского — о теории марксизма и о судьбах

---

[1] Под инициалами «Б. Д» т. Б. Л. Эйдельман еще в 1907 году поместил в этом сборнике, вышедшем вместо закрытого царской цензурой «Былого», свою первую статью о Минском С'езде.

[2] П. Л. Тучапский. «Из пережитого», стр. 49.

[3] «Каторга и Ссылка», 1928 г., № 3; вторым из товарищей этот эпизод сообщен лично автору.

русского капитализма. Было снято, по практиковавшемуся тогда в киевском подполье способу, на Прорезной ул. для маскировки пустое помещение якобы для пирушки («именины») в оживленнейшей, центральной части города.

Была с'импровизирована вечеринка с закуской, танцами и т. п. Впрочем по словам одной из устроительниц этого реферата — В. Г. Крыжановской-Тучапской — собрание происходило не в наемном помещении, а в квартире сочувствующей социал-демократам М. Д. Тартаковской, которая проживала на Прорезной ул. Гвоздем вечера был, конечно, нелегальный реферат о научном социализме и теории Маркса, прочитанный в другой комнате Богданом Александровичем.

Первый лед был сломан. Проповедь новой для Киева идеологии имела большой успех. Марксистское течение заняло среди киевского студенчества первенствующее положение.

А. И. Петренко также вспоминает о Б. А. и о его выступлениях, хотя придает им освещение, несколько извращающее историческую перспективу. Говоря о братьях Кистяковских, он пишет: «Самый старший, Богдан, в мое студенческое время уже не был студентом и считался солидным (в нашей студенческой семье) революционером с политическим прошлым. В особо торжественных случаях он появлялся на собраниях кружков... Я помню одну вечеринку, на которую пришел и Богдан Кистяковский... Он нашел нужным подробно остановиться на вопросе о том, что при современных условиях удачные революционные восстания невозможны и при этом обстоятельно ссылался на Энгельса, высказавшего мысль о том, что теперь баррикадная борьба уже неуместна, так как в распоряжении правительства имеется хорошо действующая артиллерия и в столицах, как, например, в Париже, узкие извилистые улички уничтожены и заменены широкими прямыми проспектами, так что артиллерия может очень быстро покончить с воздвигаемыми баррикадами». Т. А. И. Петренко делает отсюда совершенно неожиданный вывод, — будто выступления Б. А. мало способствовали повышению революционнного настроения и повидимому подвергает сомнению революционные заслуги этого, всеми признанного, основоположника киевского марксисткого движения.

Такого рода критика звучит странным анахронизмом — лозунги вооруженного восстания тогда могли быть только об'ектом теоретического, вернее академического спора, наиболее же боевыми вопросами русского марксизма были тогда споры с народниками о неизбежности развития капитализма, о перенесении центра тяжести революционной деятельности в рабочую среду и т. п.

Лично мне также известно, со слов покойного брата моего В. Н. Мошинского, дружившего с Б. А. со школьной скамьи,

что последний был действительно авторитетнейшим родоначальником марксистского движения в Киеве.

Как однако случилось, что вчерашний и активнейший драгоманович стал убежденным и влиятельным марксистом, основоположником этого направления в Киеве?

Ответ мы находим в единственной и весьма обстоятельно написанной другом Богдана Александровича Николаем Прокофьевичем Василенко[1] биографии. Б. А. Кистяковского мы видим в августе 1890 г. в Дерпте в обществе такого блестящего и много обещавшего в ту пору марксиста, каким был младший брат Василия Васильевича Водовозова Николай Васильевич (умер очень рано от чахотки). Он здесь быстро овладевает новыми языками, особенно немецким и польским, чтобы изучить научную марксистскую литературу. Б. А. особенно сблизился здесь со студентами-поляками, вошел даже в польское землячество и стал свободно говорить по польски. Здесь он сближается с кружком поляков-марксистов, возглавлявшимся С. Г. Стемповским (впоследствии министром Украинской Народной Республики). Кружок этот, по словам Н. П. Василенко, также дерптского студента, учившегося в этом университете двумя годами раньше Б. А., был основан в 1888 г. прибывшим из Швейцарии д-ром Лесником. Здесь они изучали капитальные произведения Маркса, Энгельса и др. теоретиков марксизма на немецком языке, а также «Нейе Цайт», пользуясь той неслыханной в др. частях царской империи свободой пропуска через цензуру заграничных изданий, которая могла иметь место только в таком глубоко немецком научном центре Прибалтики, каким тогда был Дерпт (Юрьев).

Б. А., по словам Н. П. Василенко, не умел ничего делать наполовину: он, пользуясь такими исключительно благоприятными условиями научной работы, в течение двух зим (1890-92 г.) в совершенстве изучил произведения К. Маркса и всю марксистскую литературу и на летние каникулы 1892 г., а может быть, и на рождество 1891 г. явился в Киев страстным апологетом этой новой, охватившей его идеологии. «В Киеве, продолжает Н. П. Василенко, Б. А. немедленно и с большим успехом приступил к пропаганде марксизма среди учащейся молодежи. При его активном участии и под его редакцией была тогда же переведена «Эрфуртская программа» (по словам ближайшей в то время сподвижницы Б. А. Кистяковского — В. Г. Тучапской-Крыжановской в этой коллективно переводимой работе принимали участие следующие лица: Яков Максимович Ляховский, Михаил Андреевич Липкин, М. Д. Тартаковская, П. И. Гиберман и др. лица, фамилии которых забыты. *Автор.*). Б. А. имел боль-

---

[1] Зап. Укр. Акад. Наук — Соц.-Эконом. видділ. 1923 г., т. I.

шие нелегальные связи и добывал благодаря этому самую свежую марксистскую литературу и снабжал ею всех своих приверженцев».

Эта плодотворная работа была совершенно неожиданно прервана: Б. А. Кистяковский был из'ят из среды киевских марксистов-практиков. Случилось это так:

4 июля 1892 г. Б. А. был внезапно арестован вблизи галицийской границы, в Почаеве на Волыни. Он пытался совершить побег и уничтожить находившиеся при нем документы, но безуспешно. Перед арестом Б. А. посетил своего приятеля по дерптскому с.-д. кружку ветеринарного врача Женжиковского в пограничном городке Радзивилове. Не заставши самого Женжиковского, он у него переночевал, а затем двинулся в дальнейший путь и был арестован. К Женжиковскому полиция также явилась и в его отсутствие опечатала квартиру. Однако Женжиковскому удалось проникнуть в свой дом и уничтожить компрометирующие документы. Тут разыгралась загадочная драма: Женжиковский по каким-то невыясненным причинам покончил с собой, оставив записку, в которой почему-то заявил, что он не анархист, а социалист. По агентурным сведениям в квартире Женжиковского предполагался какой-то нелегальный с'езд. К делу были привлечены, кроме Б. А. Кистяковского, следующие лица, принадлежавшие по заключению жандармов к дерптскому кружку и группировавшиеся вокруг Б. А. — ветеринарный врач Женжиковский (д. за смертью прекращено), Павел Осипович Заорский (арестован был в Польше, в Бендинском у., на заводе «Паулина») и Станислав Губертович Стемповский (ур. Литинского у. в Подолии). Отобранные у арестованных нелегальные издания и письма свидетельствовали о их интенсивной революционной деятельности. Б. А. сидит в заключении в Кременецкой тюрьме и предается изучению истории и философии. 18 августа 1892 г. он пишет: «как и всегда по целым дням я занимаюсь... последние несколько дней я занят исключительно немецкой философией: грандиозная панорама метафизики всецело меня поглотила». 2 ноября того же года он продолжает: «по целым ночам я продолжаю читать и разрешать те же философские вопросы, которые занимают меня днем...».

После освобождения из предварительного заключения Б. А. пробыл под Киевом на воле, под неотступным надзором сыщиков, почти весь 1893 год и потому, конечно, никакого участия в с.-д. группе Я. М. Ляховского и др. не мог принимать. Только осенью он был вновь арестован по приговору, а затем весною 1894 г. выслан из Киева под надзор полиции в Либаву. Из Дерптского университета Кистяковского, конечно, опять исключили и он после окончания полицейского надзора поспешил выбраться за границу, чтобы там закончить высшее образова-

ние. Получая от матери весьма скудную поддержку (25—30 р. в месяц), Б. А. на протяжении нескольких лет, пока он приобрел себе научное и литературное имя, жил в большой нужде, отказывая себе в самом необходимом. Обедал он всегда в самых дешевых народных столовых, путешествовал много пешком по всей Европе, с мешком за спиной, как ремесленный подмастерье. Плохое питание в студенческие годы причинило ему неизлечимую болезнь печени, рано сведшую его в могилу.

Летом 1896 г. Б. А. возобновил свое близкое знакомство с П. Б. Струве, свидетельствовавшее о тесной связи Б. А. в те годы с марксистскими кругами. 25 июня он пишет из Берлина своему верному другу — матери, продолжавшей жить в доме памятном всем нам, участникам киевской кружковщины, по Кузнечной ул.

«В понедельник ко мне приехал мой приятель, литератор из Петербурга, автор «Критических заметок об экономическом развитии России». Первый день мы почти целиком проболтали, а затем много шлялись по городу и посещали знакомых... Хотя я с ним одним провел больше времени, чем со всеми остальными приезжими, раньше бывшими и вместе взятыми, я нисколько не жалею о потере времени... Общение с ним для меня в высшей степени полезно. Он чрезвычайно талантливый человек, обладает громадными познаниями, чудной памятью и ясной логической мыслью. Работает он поразительно быстро и много. Неудивительно поэтому, что он известен всей России. Хотя он одних лет со мной» [1]. На протяжении 1897—8 г. г., когда в России подготовлялось об'единение разрозненных, кустарно-действовавших кружков, Б. А. продолжает работать научно и углублять марксистскую философию и социологию, сначала в Берлине, под руководством известных исследователей философии Виндельбанда, Кнаппа, Циглера и др., потом в Париже и Страсбурге. В Берлинском университете он в 1897 г. защищает, создавшую ему громкое имя в научном мире докторскую диссертацию на тему: «Учение об обществе и личности». В те же годы Б. А. принимает деятельное участие в редактируемых его другом П. Б. Струве легальных, но недолговечных марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало», где его статьи помещались рядом со статьями видных вождей социал-демократии Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и др., писавших под разными псевдонимами теоретиков партии. Только в 1898 г. после 4-летнего отсутствия Б. А. возвращается на родину, в Петербург, со званием доктора

---

[1] Останавливаю внимание читателя на этой, как будто не относящейся к теме, характеристике П. Б. Струве, так как он, популярнейший тогда легальный марксист, через 2 года после этой берлинской встречи с Б. А. был приглашен С. И. Радченко написать известный манифест РС-ДРП (С. И. Радченко — член Ц.К., выбран на Минском С'езде).

философии и с именем автора нашумевшей книги. В 1900 г. впервые в научных статьях Б. А. намечается отход в сторону идеализма и, несмотря на то, что зимою того же года он с женой (ур. Марией Вильямовной Бернштам, арестованной по с.-д. делу в Питере и высланной до приговора на родину в Киев) вынужден был жить по соседству с родным ему Киевом, где он заложил теоретические основы марксизма — в с. Злодиевке, он опять остается в стороне от Киевского с.-д. комитета, развившегося к этому времени, несмотря на арест М. С. Урицкого, в сильную и многочисленную организацию. В 1901—2 г. г. Б. А. Кистяковский опять за границей уже в качестве известного ученого и работает вместе со знаменитым государствоведом профессором Еллинеком (в Гейдельберге). Тут же он вместе с П. Б. Струве, окончательно порвавшим с с.-д-ми, начинает издавать «Освобождение». В нем он в качестве украинца, сохранившего свои старые федералистические взгляды, проводил ту мысль, что хотя исторические условия навсегда связали украинский народ с русским, но он должен сохранить свою национальную индивидуальность и самостоятельную культуру. По закрытии в 1905 году «Освобождения» и издав за границей полное собрание политических сочинений своего любимого учителя М. П. Драгоманова (в 2-х томах), Б. А. возвращается опять на родину и принимает участие в «банкетной кампании», а также помогает пр. Веберу писать известную книжку «Об освободительном движении в России». После подавления революции Б. А. отдается легальной педагогической деятельности в Москве (Коммерч. институт и Выс. жен. курсы) и профессуре в Ярославском лицее. Однако, даже став кабинетным ученым и отдалившись от революционной среды, Б. А. продолжал оставаться тем же «неистовым Богданом» и энтузиастом в самой, казалось бы, сухой сфере научных интересов. Коллекционируя после февральского переворота 1917 г. исторические документы, Б. А. однажды попал в очень рискованное положение. Однажды, проходя по Москве и оглянувшись, нет ли кого на улице, наш страстный коллекционер стал сдирать со стены какой-то плакат с об'явлением ново-образовавшегося Врем. Правительства. Кто-то заметил и, заподозрив в Б. А. контр-революционера, завопил: «Держи его!». Собралась враждебно настроенная толпа. Все были уверены, что это немецкий шпион, и грозил Б. А—чу самосудом. К счастью для Б. А., его встретил в это время один из студентов — слушателей его по Коммерческому институту, и только по настоянию случайного студента Б. А. был освобожден и спасся, быть может, от кровавой расправы.

Другое характерное происшествие имело место в родном Богдану Александровичу Киеве во время Деникинского нашествия, в 1919 году, когда в городе хозяйничала черная сотня и

громила все, напоминавшее Украину. Особенно обрушилась эта толпа на портреты и бюсты ненавистного ей Тараса Шевченко. Б. А., желая спасти уцелевший художественный портрет, красовавшийся на Караваевской пл., и рискуя своей жизнью среди бушевавшего погрома, пытался сам поднять его. Но ноша эта оказалась непосильной, и Б. А. обратился к проходившему студенту с просьбой о помощи. Тот отказался: «Не хочу помогать грабителям!». Только узнав от Б. А., в чем дело, студент оказал помощь. Спрятавши портрет Т. Шевченко в Украинской Академии на б. Владимирской, Б. А. поспешил с той же целью на другой конец города на Царскую площадь, но там погромщики уже разбили прекрасный бюст Шевченко, и Б. А. был искренно огорчен неудачей.

Б. А. всю жизнь оставался верен своим юношеским идеалам и, даже отойдя от марксизма, продолжал исповедывать социалистические и федералистические убеждения. Когда Струве в 1911 г. выступил в защиту русской великодержавности и узкого национализма, Б. А. Кистяковский окончательно порвал с ним и демонстративно вышел из состава сотрудников редактировавшейся П. Б. Струве «Русской Мысли». После февральского переворота Б. А. во главе украинской делегации (Н. П. Василенко, В. П. Науменко и др.) вел переговоры о предоставлении украинцам национальной автономии.

Крупный ученый, эволюционировавший от ортодоксального марксизма к идеализму в философии и к «освобожденству» в политике, Б. А. однако всю жизнь оставался последовательным демократом и пламенел горячей любовью к своему родному землеробу—украинскому крестьянину и мечтал о приобщении украинских трудящихся масс как к своей национальной, так и к общеевропейской культуре. В последние годы своей жизни он был видным деятелем и членом Украинской Академии Наук и безвременно умер в 1920 году.

Б. А. Кистяковскому посвящено, быть может, больше места, чем это допустимо размерами настоящей книги, но, принимая во внимание, что из числа первых легальных марксистов, возглавлявшихся в 90-х годах П. Б. Струве, именно Б. А. выгодно выделялся своим революционным темпераментом и никогда не оставался в стороне от волнующих его современников общественных и политических вопросов, что в истории киевского социал-демократического движения Б. А. является очень яркой и заслуженной личностью, я позволил себе посвятить биографии Б. А., доселе неизвестной русскому читателю, несколько лишних страниц, за которые последний, думается, не посетует на автора.

Пора однако перейти к рассказу о той русской с.-д. группе, с которой тесно был связан именно Б. А. Кистяковский, как теоретик марксизма и как энергичный и талантливый проповед-

ник его среди киевской интеллигенции. Я говорю о русской группе Я. М. Ляховского и его друзей. С деятельностью этой группы я мало знаком, ибо непосредственно в ней как член польской группы я работать не имел права, и потому интересующихся историей и ролью этой группы отсылаю к писавшим о ней немало руководителям ее — Б. Л. Эйдельману и П. Л. Тучапскому, а также к единственному исчерпывающему, основанному на архивных документах исследованию, принадлежащему В. Манилову [1].

Я ограничусь только отдельными штрихами и краткими набросками образов наиболее близких мне русских товарищей, с которыми приходилось рука об руку работать в киевском подполье в те далекие годы.

Я уже упоминал, что до 1896 г. деятельность всех наших подпольных, до педантизма законспирированных групп носила весьма замкнутый, можно сказать, сектантский характер. Первая половина этого решающего для новой революционной идеологии десятилетия в Киеве протекала во всех описываемых кружках, не исключая русских соц.-демократов, под знаком, прежде всего, теоретического углубления своих позиций, — подготовки к надвигавшейся вплотную практической работе (Плехановское «Всероссийское разорение», звавшее к ней в голодный год, появилось в Киеве в 1893 г.). Много энергии вкладывалось в такое, казалось бы, небольшое дело, как выработка конспиративных навыков, хранение и транспортирование имевшейся у русской группы тайной типографии, которая, собственно говоря, лежала на ответственности некоторых членов группы ненужным балластом, ибо практически она не могла быть эксплоатируема, так как о печатании каких-либо прокламаций тогда помышлять было преждевременно (рассказ т. В. М. Сапежко).

Связей на заводах и в ж.-д. мастерских у русской группы тогда — до вступления тов. Б. Л. Эйдельмана и сближения последнего с т. Ю. Д. Мельниковым — совершенно не было. Известны попытки т.т. И. И. Чорбы и Н. В. Кульчицкого связаться в 1893—4 г.г. с ними непосредственно. Не совсем складный, но крепко сшитый Иван Иванович Чорба, по внешнему облику, действительно, сильно напоминавший мастерового, поступил в какую-то мастерскую слесарем, а потом на завод; но от этой затеи результатов, соразмерных огромной затрате энергии, кажется, не получилось, Ю. Д. Мельников, по словам Б. Л. Эйдельмана, относившийся несколько скептически к описанной маскировке Ивана Ивановича, высмеивал эти попытки его проникнуть в рабочую среду, ибо Иван Иванович-де «в на-

[1] «Первый С'езд». — М. 1926 г. Изд. «Моск. Раб.». «Из пережитого». — Укр. ГИЗ. 1923 г. Одесса, и «Лет. Рев.». 1923 г., № 3—5. «Ист. с.-д. движения в Киеве в 80-х и 90-х г.г».

ряде мастерового смахивает на «переодетого графа». Николай Васильевич Кульчицкий сделал попытку оттягать в свою организацию часть ж.-дор. мастеровых, сорганизованных бр. Килянскими, но и здесь предложение т. Кульчицкого (лично обходившего квартиры намеченных железнодорожников) записываться в «кассу взаимопомощи» не встретило благосклонного приема. К этому начинанию рабочие, хорошо помнившие провокатора Савченко, провалившего кружок Абрамовича, отнеслись с большим недоверием и посмотрели на странные посещения назойливого интеллигента, в лучшем случае, как на блажь барчука, который путается не в свое дело. Они со свойственным украинцам юмором прозвали неудачливого организатора, насильно записывавшего кандидатов в намеченную им кассу, «панич-писарь» и наотрез отказались от этого подозрительного знакомства.

Эти эпизоды свидетельствуют о всей трудности и нецелесообразности такого надуманного, искусственного подхода первых русских социал-демократов-интеллигентов в Киеве к столь важному и основному делу, как сближение с рабочими.

А между тем в другой, более естественной, обстановке таким великолепным практикам подполья, как К. Килянскому, при содействии старшего своего брата Яна и Э. Ф. Плетата, или Б. Л. Эйдельману вместе с Ю. Д. Мельниковым то же задание связаться с рабочей средой давалось очень просто и легко.

Важнейшим моментом в деле расширения связей киевских социалистов всех толков с рабочими после восстановления Карлом Килянским ж.-д. кружка, который явился законным преемником группы, организованной д-ром Абрамовичем, было создание коллективными усилиями всех трех описываемых групп той слесарно-токарной мастерской в квартире Ю. Д. Мельникова, которая сыграла столь выдающуюся роль революционного «питомника» организаторов мастеровых, связавших Мельникова и его друзей со всеми крупными предприятиями Киева.

Идея принадлежала, конечно, т. Ювеналию. Интеллигентские группы [1] дали средства, и школа-мастерская, о которой так много рассказывают и охотно пишут все ее питомцы (см. Сб. «25-летие I С'езда», восп. бр. Сонкиных, Люльева и др.), стала центром нашей, тогда кустарной, подпольной работы. О ней и ее хозяине — незабвенном нашем руководителе Ю. Д. Мельникове — я скажу отдельно, а теперь перейду к товарищам-интеллигентам, которых я наблюдал ближе, благодаря их тесному знакомству с моим братом.

---

[1] Львиную долю дали поляки, наиболее богатая тогда организация. Это подтверждает и П. Г. Полонский — см. «Кат. и Ссылка», 1928 г., № 3.

До вступления в группу Б. Л. Эйдельмана в ней самой крупно йсилой (Б. А. Кистяковский еще в 1892 г. выбыл из строя, а П. П. Румянцев, не входивший в группу, скоро был выслан из Киева) был Я. М. Ляховский, сумевший поделиться с киевлянами навыками и опытом виленских товарищей, так как еще в Вильне ему пришлось перейти от кабинетного марксизма к практической деятельности в рабочей (ремесленной) массе. Потом он, как известно из материалов по истории партии, окончив Киевский университет (1894 г.), уже врачом перекочевал в Питер, где был ближайшим сподвижником Владимира Ильича и Мартова по первому «Союзу борьбы», одновременно с Лениным был арестован (декабрь 1895 г.) и сослан в Сибирь.

Ювеналий Дмитриевич Мельников
(1897 г.)

Яков Максимович умел быть удивительно привлекательным и приятным собеседником и располагал к себе нас—начинающую молодежь — с первого раза. Его любили не только мы — зеленая молодежь, — но и студенты, среди которых он был довольно популярен. Но для членов тайных кружков общественная деятельность среди студенческой массы, грозившей расконспирированием, была абсолютно воспрещена, и потому Як. Мак., насколько помню, несмотря на свой темперамент, от студенческих дел сознательно устранялся. Впредь до поступления в группу такого крупного теоретика и такой литературной силы, как Н. А. Вигдорчик, Я. М. Ляховский был самой значительной в группе величиной, и с его от'ездом в Питер группа была в значительной степени обессилена [1].

Прилагаемый портрет, изображающий Якова Максимовича в более поздние годы (1895-6 г.), к сожалению, не дает верного образа Я. М—ча в бытность его киевским студентом. Я и товарищи знали Якова Максимовича значительно более молодым и жизнерадостным. Из Сибири он, кажется, эмигрировал задолго до войны и революции и проживает где-то в Америке (в Нью-

---

[1] О дальнейшей судьбе его см. у Левицкого. «Четверть века», т. I, ч. 1-ая, стр. 52, изд. ГИЗ'а, 1927 г.

Йорке?). После вступления в этот инициативный кружок т. Б. Л. Эйдельмана группа стала ближе к практической деятельности и начала вести социал-демократическую пропаганду в среде рабочих, преимущественно (до средины 1895 г.) среди ремесленников. Группа пополнилась в 1893-4 г. многими новыми силами. В числе членов ее надлежит отметить следующих лиц: упомянутого выше Николая Васильевича Кульчицкого (умер в Каменец-Подольске), Феофана Ивановича Прокофьева (долго работал подпольно на юге, в Николаеве, ныне член ВКП(б) и Верховного Суда РСФСР), Владимира Михайловича Сапежко (прибыл из Новг.-Северской гимназии вполне сложившимся марксистом), который привлек к с.-д. движению в Киеве целый ряд товарищей по гимназии: Демьяна Васильевича Лесенко, Петра Ильича Белоусова, Михаила Соломоновича Балабанова, Константина Прокофьевича Василенко (последние четверо вошли в практическую работу значительно позже—в 1896 году); Димитрия Ивановича Ангелова-Стояна (болгарин, умер очень рано от туберкулеза), Веру Григорьевну Крыжановскую (потом по мужу Тучапская), Николая Абрамовича Вигдорчика («Натан»), родом из Нижнего Новгорода, где получил серьезное марксистское образование в кружках питомцев т. Скворцова, и Романа Викторовича Розенберга — из Минской губ. Из стоявших вне организации с.-д. тов. средины 90-х г.г. надо еще отметить: Финна Енотаевского, О. Х. Ауссема, П. П. Румянцева, Евтихия Савостьянова и А. И. Петренко. Только в конце 1896 г. к русской группе примыкают Павел Лукич Тучапский, Софья Владимировна Померанц и женская группа В. Г. Крыжановской в составе Ольги Васильевны Яцемирской, Евгении Абрамовны Лисянской, Ольги Илларионовны Кравцовой и мн. др., а также упомянутые выше молодые товарищи по Новг.-Северской гимназии (Белоусов и др.), Евгений Исаич Гуковский и, наконец, только в конце 1897 г., прибывшие из-за границы, присланные специально в помощь обеим подпольным (киевской и общерусской) группам, Лев Всеволодович Тесслер и Евгения Самойловна Этингер. Последние двое примкнули к работе тогда, когда киевляне все уже об'единились в «Союз борьбы». Повторять о деятельности русской группы сведения, уже опубликованные Б. Л. Эйдельманом, а также материалы, помещенные в «Летописи Революции» (1923 г., № 3—5) т. Маниловым, возглавляющим Киевский Истпарт, нет никакой нужды. Отсылаю читателя к этой интереснейшей работе и к книге Б. Л. Эйдельмана «Первый С'езд». Моя задача гораздо уже — нарисовать по личным воспоминаниям образы деятелей русской группы и определить место, занимаемое ею в киевском подполье. Начну со старейшего после Я. М. Ляховского члена организации.

Пора вспомнить о С. К. Мержинском, совершенно забытом, но весьма заслуженном пионере русского марксизма в киевском и минском подполье. Я имел счастье близко знать этого обаятельного товарища, хотя он был гораздо старше меня. Он был весьма дружен с моим братом, часто приносил к нам новинки по марксизму и по жгучим вопросам текущей русской жизни. Споры с народниками, — Николай — он, В. В. и т. д. и т. д. были постоянной темой, и чувствовалось, как горел Сергей Кон-

Сергей Константинович Мержинский
(1894 г.)

Владимир Михайлович Сапежко
(1900 г.)

стантинович, как и все тогдашнее поколение, захваченное новым течением русской революционной мысли, внедряя в нас, в молодежь, свое новое «кредо». Он так же, как и Я. М. Ляховский, привез в Киев это последнее слово русской общественной мысли с С.-Запада, из Минска, где он был ближайшим другом и единомышленником известной в истории русского марксизма семьи Гурвичей (Исаак Гурвич—автор исследования о русской деревне, Евгения Гурвич—переводчик многих марксистких изданий). Типичный русский интеллигент (он не кончил университета и всю жизнь маялся по частным урокам, как многие русские революционеры) с тонким, скорбным лицом, он был так же, как и т. Ляховский, большим другом молодежи и производил чарующее впечатление. И наружность его подкупала — прекрасный, тонкий, обрамленный черной бородой, профиль, с бледным, матовым, горевшим зачастую нездоровым, лихорадочным румян-

цем лицом, с черной волнистой шевелюрой — вот слабо очерченный портрет Сергея Константиновича, вечного студента, которого преждевременно загнала в могилу чахотка. На марксистских рефератах Сергей Константинович был желанным и необходимейшим участником. Он умер задолго до революции, и о его жизни и судьбе лучше всего может знать и рассказать ближайший его друг — Е. Гурвич.

Лучшими специалистами группы по технике и др. конспиративным надобностям считались — я говорю о более раннем периоде — В. М. Сапежко и Д. И. Ангелов-Стоян. Оба они, кроме занятий в кружках и выступлений на сходках, которые, начиная с маевки 1894 г., стали явлением более или менее постоянным и предпринимались общими усилиями всех трех групп, много посвящали внимания конспиративной технике и обязаны были иметь за этой стороной жизни группы неослабное наблюдение.

Владимир Михайлович Сапежко, также один из старейших марксистов, прибыл в Киевский университет совершенно определившимся социал-демократом и уже на первом реферате Б. А. Кистяковского принимал активное участие. Во всех стадиях развития политической мысли в кругу киевских социалистов — в известных в те годы спорах о тактике агитации, пропаганды, или полупропаганды — именно В. М., неутомимый спорщик и весьма словоохотливый собеседник, сыграл крупную роль. Все старые товарищи помнят долгие бессонные ночи, когда большинство товарищей атаковало Владимира Михайловича за его отрицательное отношение к новой тактике широкой агитации. Из-за этого он в 1896 г. вышел из русской группы и вступил в «польскую» группу.

Огромный, могучий, с прекрасным лицом русского былинного богатыря, В. М. Сапежко обращал на себя в городе всеобщее внимание, а благодаря поразительному сходству со своим братом, известным на юге хирургом, он не мог в таком провинциальном центре, как Киев, долго оставаться законспирированным. Внешность его была наглядным опровержением всех его уроков о правилах конспирации и ее уловках [1]. Владимиру Михайловичу пришлось переменить место пребывания. Он покинул Киев еще до I С'езда. В конце 90-х г.г. В. М. в Петербурге, на военной службе, а затем заграницей.

Особого внимания заслуживает старейший участник всех формаций киевского революционного подполья учредитель и активнейший работник социал-демократической организации, близко знавший самого Б. А. Кистяковского, Вера Григорьевна Крыжановская-Тучапская. Она всегда оставалась неизменным другом

---

[1] Его перу принадлежит приобщенная к делу Киевского «Союза борьбы» и хранящаяся в архиве рукопись о конспирации.

революционной молодежи, руководителем новых приходящих на смену поколений русской общественности в Киеве. Благодаря своему особому положению (родственные связи в светской среде и обширные знакомства), благодаря своей преподавательской деятельности и связям в обществе, В. Г. была неоценимым приобретением для всех тех нелегальных организаций, которые имели с ней дело на протяжении ряда десятилетий (начиная с конца 80-х годов). В то же время, будучи близка с лучшими на Украине теоретиками социализма и наиболее крупными политическими деятелями подполья, В. Г. была связующим звеном между законспирированными друг от друга тайными кружками, избегавшими непосредственных сношений между собою. В. Г. знают, надо полагать, многие сотни, если не сказать больше, действовавших на юге товарищей, как заслуженного и неоценимого члена и учредителя описываемой группы и лучшего пропагандиста. По делу Киевского Союза Борьбы она была арестована в марте 1898 г. и затем сослана в 1900 г. в одно время с Эйдельманом и др.

На смену Ляховскому и Мержинскому, лучшим теоретикам группы, в 1895 г. вошли в организацию два молодых студента-медика, ставших вскоре неразлучными друзьями. Это были ставшие вскоре редакторами «Вперед», а затем «Рабочей Газеты» (главным политическим редактором был, как известно, Б. Л. Эйдельман, а литературными работниками были названные ниже т.т., а также П. Л. Тучапский, Адам Рабчевский) Николай Абрамович Вигдорчик («Натан») и Роман Викторович Розенберг. Первый прибыл из Нижнего, второй — из Вильно. Поселились они вместе на Мариинско-Благовещенской. Комнатка их была идеальной в конспиративном отношении (члены группы обязаны были нанимать только такие комнаты, которые удовлетворяли самым строгим требованиям конспирации: отдельный ход, глухие стены, если возможно, проходной двор и т. п.), и там было неплохо собираться для совещаний. Оба эти «Аякса» были нашими любимцами не только как исключительно даровитые и наиболее начитанные члены организации, но и как прекрасные, отзывчивые товарищи и нежные друзья, которых было немыслимо представить раздельно. Они дополняли друг друга и физически (один — длинный, высокий; другой — плотный; ниже среднего роста) и интеллектуально; их называли в шутку «Пятницею» и «Четвергом» (из Робинзона Крузо). Тов. Натан был блестящим спорщиком, обладал огромной эрудицией и был ценен в дискуссии; тов. Роман был очень скромен, молчалив, но умел быть полезным в коллективно-творческой работе организации и пером и дельным советом. О тов. Романе, погибшем во время гражданской войны в родном Борисове от тифа (Минская губ.), можно найти достаточно полный

рассказ у его верного друга Н. А. Вигдорчика [1], который, пройдя в свое время обычный путь подпольщика, работает в настоящее время как крупный научный работник в области медицины и социального страхования (в Ленинграде).

Выдающееся положение среди заслуженных киевских подпольщиков с.-д. занимал будущий делегат киевских рабочих на I партийном с'езде П. Л. Тучапский.

Павел Лукич Тучапский, вошедший в русскую группу только в 1896 г., пользовался особенной популярностью и в рабочих кружках, и на массовках и во всех сферах так наз. «общества» в г. Киеве. Старый сподвижник (по драгомановским кружкам) и друг Б. А. Кистяковского, вдумчивый и широко образованный марксист, Павел Лукич был для русской группы крупным приобретением. Во всех общественных выступлениях с.-д. группы на рефератах и массовках, при переговорах с другими партиями Павел Лукич был достойным и компетентным ее представителем. Всегда спокойный и уравновешенный, с несколько тяжеловатой, плотной фигурой и с обличием типичного украинца он выделялся среди нас своей профессорской наружностью. Несмотря на свой ученый вид, Павел Лукич был чрезвычайно прост и сердечен и пользовался за свой приветливый характер большой популярностью среди киевских пролетариев и учащейся молодежи. Жизнь его была полна тяжелых испытаний. Он пренебрег блестящей ученой карьерой и жил в крайней нужде, в тяжелой обстановке вечных скитаний подпольщика и гонимого революционера. Павел Лукич с надорванным в подполье здоровьем умер, как и многие другие наши современники, слишком рано (1922 г.). Интересующихся этой исключительно светлой личностью киевского подполья отсылаю к его собственному рассказу («Из пережитого». Изд. ГИЗ'а Украины, 1923 г.).

Р. В. Розенберг (слева)
Н. М. Вигдорчик (справа)
(1899 г.)

При самом беглом просмотре синодика участников с.-д. подполья в прошлом бросается в глаза огромный процент товари-

---

[1] См. «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 4.

щей-выходцев из так наз. Северо- и Юго-Западного края из черты еврейской оседлости, из белорусских, украинских и литовских губерний. Это явление не случайное и, хотя царская охранка в припадке юдофобства пыталась представить всю нашу революцию под аспектом еврейского заговора, надо сознаться, что многие лучшие наши организаторы, литераторы и агитаторы вышли именно из этих провинций, из этой среды. В черте еврейской оседлости, в вечной борьбе с насильниками—с царской по-

Яков Максимович Ляховский
(1895 г.)

Борис Львович Эйдельман
(1898 г.)

лицией, в борьбе за процентную норму в школе средней и высшей, в условиях отчаянной борьбы за нищенское существование, — в жалких городках Полесья и Украины выработался тип так наз. «литвака», дельца-практика, человека, одаренного железной волей и напористостью, неукротимой энергией и силой воли. В городских центрах Литвы, Белоруссии и Украины в сочетании с идеологией научного социализма, просачивавшегося в Вильно и Киев из Варшавы и из эмиграции, рано выработался тип социал-демократа-практика, пионера партийного строительства. В наши ряды еврейская молодежь шла охотно и, действительно, составляла значительный процент дельных и притом талантливых работников революционного подполья.

Лучшими представителями этого типа явились пришедшие на смену Ляховскому и Мержинскому Борис Львович Эйдельман и Альберт Давыдович Поляк, всецело вынесшие на своих пле-

чах — после удаления со сцены Ювеналия Дмитриевича Мельникова — всю работу по собиранию разрозненных с.-д. групп как в Киеве, так и в др. городах Юга, а равно по созданию общерусского органа и подпольной типографии.

Заканчивая краткие характеристики работников русской группы, знакомых мне ближе по личным воспоминаниям, не могу не упомянуть об одной из наиболее отзывчивых и преданных делу до полного забвения своей личной жизни участниц ее — о Софье Владимировне Померанц [1], а также о корифеях киевского с.-д. подполья в целом — о Ювеналии Дмитриевиче Мельникове и Борисе Львовиче Эйдельмане.

Софья Владимировна приобрела особую известность как хозяйка конспиративной квартиры, где помещалась тайная типография «Рабочей Газеты». Она была ближайшей сотрудницей А. Д. Поляка по устройству и содержанию подпольной типографии (в ссылке вышла замуж за тов. Владимира Давидовича Перазича). С. В. прибыла в Киев в 1894 г. из-за границы, где она близко стояла к корифеям нашей эмиграции, и уже определилась как убежденная социал-демократка. С нею меня познакомил другой заграничный товарищ, также близко знавший Г. В. Плеханова и связавший нас с эмиграцией, д-р философии Бернского у-та Николай Николаевич Новиков. Я и мои друзья и др. революционная публика, не исключая народников, серьезно заинтересовались Софьей Владимировной, и вскоре ее скромная квартирка зубного врача стала любимым местом сборищ и встреч революционной публики. Здесь же устраивали рефераты, где шли споры марксистов с народниками. При ее помощи квартиры ее подольских друзей, зубного врача Штейна и фабриканта Блувштейна, также стали эксплоатироваться группой для конспиративных целей. Сходбища и рефераты в квартире С. В. прекратились только весною 1897 года, когда С. В. организовано было печатание прокламаций.

Ювеналий Дмитриевич и Борис Львович заслуживают, пожалуй, более обстоятельной характеристики, так как именно они оба являются творцами об'единения сначала киевских групп, а затем иногородних групп с киевлянами.

Тов. Ювеналий с первого момента знакомства его с перечисленными интеллигентскими группами поставил себя совершенно независимо от каждой из них и сам диктовал им условия, когда они нуждались в его содействии или в советах. Карл Килянский, привлекавшийся в Петербурге по с.-д. делу (в 1893 г.) вместе с небезызвестным Афанасьевым и знавший неплохо революционную среду того времени, первый из киев-

---

[1] Немало интересного о ее жизни и деятельности можно найти в ее воспоминаниях («Красн. Лет.», 1923 г., № 7).

ских деятелей познакомился с т. Ювеналием через Плетата и сразу признал в нем крупную силу. В свою очередь, т. Ювеналий, считавшийся только с двумя известными ему крупными практиками-интеллигентами нашего революционного подполья в годы расцвета его деятельности в Киеве (с весны 1894 г. по апрель 1896 г.), а именно с т. Килянским и Эйдельманом, к остальной интеллигентской массе относился с нескрываемым скептицизмом и не раз потешался над нашей взаимной грызней из-за каждого вновь открытого пролетария или нового кружка. Ведь теперь трудно поверить, как в то беспросветное время трудно было революционеру-интеллигенту пробиться в рабочую среду. Для т. Ювеналия, наоборот, это было делом его повседневного быта, он жил в этой среде и, несмотря на все преграды, чинившиеся тов. Мельникову генералом Новицким, быстро завоевывал себе широкий круг знакомства в пролетарской среде. (Несмотря на блестяще исполненную пробу для поступления в ж.-д. мастерские, т. Ювеналий, находившийся тогда под негласным надзором полиции, не был допущен к работам под давлением жандармерии. Его никуда не принимали — ни на один завод).

Случилось так, что именно т. Ювеналий, стоявший на нейтральной, междугрупповой позиции и завоевавший себе весьма быстро огромный авторитет (также и в рабочей среде), стал фактическим руководителем всех революционных кружков (не исключая народников) и экспертом, контролировавшим все революционные связи с обеих сторон. Через его фильтровку проходили как рабочие-одиночки и рабочие кружки, так и мы, интеллигенты-пропагандисты.

Я и т. А. Д. Рабчевский выдержали экзамен у т. Ювеналия удовлетворительно.

Это было раннею весной 1895 г. Т. Килянский направил нас на Дорогожицкую в пресловутую токарную мастерскую для передачи нам связей на Подоле и в трамвайных мастерских. Тов. Ювеналий принял нас очень радушно, сначала во дворе у слесаря — на бревнах, а затем, после обмена паролями, пригласил в мастерскую.

С первого же момента он очаровал нас. Портрет его, помещенный во всех изданиях, замечательно удачно схватил одухотворенный облик т. Ювеналия. Но он не отражает того жизнерадостного, бодрого и энергичного организатора, каким мы, юные пропагандисты, в тот яркий весенний день впервые его увидели. Тогда чахотка, изнурявшая его в «Крестах» и с новой силой возобновившаяся только зимою 1896-7 г. в Лукьяновской тюрьме, на время подлеченная в Киеве—на воле—не давала того болезненного отпечатка на дивно-прекрасном лице нашего лучшего учителя, который бросается в глаза при первом беглом взгляде

на портрет т. Ювеналия. Я смело повторяю это слово «учителя», ибо тогда для нас, студентов первокурсников, желторотых интеллигентов, тов. Ювеналий, старый революционер-восьмидесятник, отрекомендованный Килянским как выдающийся организатор, был величиною недосягаемой и идеалом подпольщика. В области практической работы, подхода к нашим будущим «ученикам» и приемов пропаганды т. Ювеналий был добросовестнейшим и педантичным наставником. Он натаскивал не только нас двоих — вся направлявшаяся на пропагандистские функции молодежь выходила на работу прежде всего через руки т. Ювеналия.

Высокая, несколько сутуловатая, худощавая фигура нового нашего знакомца, длинные, сильные руки с мозолистыми, изобличавшими рабочего (хотя он был полуинтеллигентом, сыном мелкопоместного землевладельца Роменского у., Полтавской г.), корявыми пальцами и большие глубокие глаза на тонком, чрезвычайно интеллигентном лице — вот первое впечатление от внешнего вида этого сразу подкупавшего своих бесчисленных почитателей рабочего вождя давнего Киева середины 90-х годов.

Ближе узнал я безвременно погибшего т. Ювеналия в Лукьяновской тюрьме, где около полугода содержались мы в одиночках, расположенных почти рядом — в мужском (с правой стороны) корпусе (на 1-м этаже).

Сидели тогда т.т. Алексей Иванович Петренко, Рафаил Фрейдель (по Екатеринославскому делу), Д. Неточаев (по делу трамвайного с электростанции рабкружка), Франц Полякевич, Яков Овчаренко, Кузьма Морозов и арестованный на границе по одному со мною делу о транспорте нелегальщины д-р философии Анзельм Мозлер — в общем не больше десятка товарищей.

Камеры были на запоре, и потому мы собирались вместе только на прогулке. Но каждый вечер после поверки по всему коридору шла до глубокой полночи оживленная беседа. Длинные зимние вечера вели мы с т. Ювеналием бесконечные беседы о дальнейших перспективах работы в Киеве и на Юге вообще. Д-р Мозлер (австриец — приятель В. Д. Перазича) доставлял т. Ювеналию огромное удовольствие своими неистощимыми шутками на каком-то галицко-русско-польском наречии. Политические темы сменялись хоровым пением, в котором наиболее видную роль играл именно т. Ювеналий, обладавший сильным голосом и большой музыкальностью. Тогда туберкулез горла еще не давал себя знать, и голос т. Ювеналия звучал очень внушительно. Хоровое пение почти ежедневно сменялось сольными выступлениями Ювеналия Дмитриевича. Тут-то сказывалось в нашем неукротимом Ювеналии его украинское нутро.

Тов. Ювеналий был природный и типичный полтавский хохол. Это проглядывало и в наружности его, в нависших казацких

усах и бровях, но особенно в украинском говоре, сразу выдававшем полтавца. Этот экспансивный сын солнечной Украины особенно ярко выявлял себя в минуты увлечения украинскими казацкими думками. Ювеналий Дмитриевич был большим энтузиастом и романтиком: весь его революционный романтизм, не нашедший себе простора в тесных рамках провинциального Киева, весь огненный темперамент этого запертого в клетку и преждевременно замученного украинского орла давал себя чувствовать в казацких песнях, нередко оглашавших молчаливые своды нашего безлюдного коридора. Самой любимой была у него Шевченковская дума, которая ныне особенно популярна на Советской Украине.

«Ой, зійшла зоря вечіровая, над Почаевом стала».

Также любил т. Ювеналий исполнять в Лукьяновской тюрьме украинскую марсельезу:

«Ще не вмерла Україна і слава і воля; ще нам хлопці молодиі усміхнется доля».

Как счастлив был Ювеналий Дмитриевич, с его чисто детской непосредственностью, когда я пополнил его украинский революционный репертуар привезенной мною из Галиции песней украинского (русинского) поэта Колессы!

«Шалійте, Шалійте скажені кати, годуйте шпіонів, будуйте тюрьми! До бою сто тысяч, поборників стане! Порвем, порвем, порвем ті кайданы!» и т. д., которая вскоре, с моей легкой руки, стала любимым напевом всей нашей революционной публики.

Задыхаясь от приступов кашля, не умея беречь себя и вдохновляясь национально-революционными «думками» своего родного народа, Ювеналий Дмитриевич находил в этих песнях частичный выход для накопившейся в неволе энергии, некоторое успокоение для своей кипучей натуры и для натянувшихся до последней грани больных нервов.

Другие товарищи, склонные к отвлеченному мышлению, к покойной и кабинетной работе, способны были углубляться в чтение, в размышления над прочитанным, — отсутствие настоящего, революционного, практического дела не томило их.

Ювеналий Дмитриевич, с его сильным, пламенным темпераментом истинного южанина (он был жгучим брюнетом с огромными выразительными глазами), запертый в душную тюремную камеру, производил после долгого заключения своим морально и физически истерзанным видом потрясающее впечатление. Он рвался на волю, изнемогал в заточении, как крупный красный зверь, загнанный человеком в железную клетку. Было больно смотреть, как быстро таял на наших глазах этот затравленный царскими псами человек огромного революционного размаха, осужденный на бездеятельность и на медленное угасание.

Я покинул Лукьяновку несколько раньше т. Ювеналия и больше его не встречал... Через 2 года его не стало. Туберкулез, нажитый в тюрьмах, свел тов. Ювеналия еще молодым в могилу — в ссылке в астраханских степях. Интересующимся этой исключительной личностью нашего революционного прошлого можно рекомендовать статьи старого друга его В. Д. Перазича[1] и имеющую скоро выйти в свет биографию его (того же автора).

Друг покойного тов. Ювеналия К. Килянский обладал удивительным чутьем. Он подобно Ювеналию также был не особенно высокого мнения о революционных качествах большинства участников современных им интеллигентских кругов, занимавшихся слишком много теоретическими дискуссиями и болтовнею и мало приспособленных к практической революционной деятельности, к стихии живого революционного дела. Оба они посмеивались над бесконечными спорами и бесплодной игрой в конспирацию, которые поглощали в наших кружках слишком много сил и времени. И потому, когда судьба свела их с человеком, сродным по своему характеру и навыкам, и тот и другой сразу оценили в нем настоящего организатора, призванного об'единить разрозненные киевские кружки и перевести их на рельсы широкой практической работы. Это был Борис Львович Эйдельман. Нам, юным пропагандистам, о достоинствах и деятельности тов. Эйдельмана рассказывал т. Килянский со слов своего друга тов. Ювеналия, мнение которого он ставил выше всех. Я был, таким образом, подготовлен к встрече с Борисом Львовичем, как к описанному выше знакомству с т. Ювеналием.

Но я был сконфужен. Вместо жизнерадостного, приветливого и разговорчивого, может быть, слишком словоохотливого собеседника, каким с первого же разу обнаруживал себя Ювеналий Дмитриевич, меня сухо встретил какой-то рыжебородый таинственный конспиратор, явно уклонявшийся от ответов на прямо поставленные ему вопросы.

Встретились мы, если мне не изменяет память, у моей приятельницы С. В. Померанц-Перазич, и это, казалось, должно было гарантировать мою конспиративную безупречность. Однако, разговор не клеился. Новый знакомый явно предпочитал сначала нащупать мою самоличность и проверить свои сведения обо мне наводящими вопросами. Я попал в положение экзаменующегося гимназиста, которого хотели срезать. Таковы были тогда приемы фильтровки каждого нового пришельца в чужой участок подполья. Я был обескуражен. Я не знал, какими сведениями обо мне располагал Борис Львович, но то, что я слышал о нем, давало, мне казалось, смелость не стесняться в темах.

---

[1] «Кр. Летопись», 1923 г., № 3.

Таким — прежде всего — беспощадным экзаменатором на аттестат конспиративной зрелости остался Борис Львович в моей памяти навсегда. Человеком осторожным до последней степени, суровым членом тайной организации, скупым на слова даже с самыми ближайшими (кроме, вероятно, одного тов. Ювеналия) сподвижниками по делу. Идеальнейший и строгий к себе и другим конспиратор, какого только могла выработать обстановка нашего революционного подполья, свято соблюдавший заветы Александра Михайлова и сумевший привить их обширному кругу киевских работников — таков был Борис Львович. Только благодаря этому тов. Эйдельману удалось уберечь от «внутреннего освещения» свое «святая святых» (1897 — 98 г.г.) — план созыва 1 С'езда и одурачить самого Зубатова, сумевшего выследить типографию «Рабочей Газеты», но прозевавшего в то же время 1-й Минский С'езд 1898 года. Помимо своего необщительного на первый взгляд и неразговорчивого нрава, этот нелюдимый и всегда умевший скрыть свои планы от слишком назойливого собеседника руководитель в первое время одной только русской группы вскоре завоевывает себе положение призванного вождя всего киевского революционного подполья. Борис Львович, до крайности осторожный в выборе своих связей, конспиратор старого закала, не уклоняется, однако, от личного знакомства со всеми мало-мальски интересными в Киеве людьми. Подлинный организатор по призванию, Борис Львович задается целью — вначале в значительной степени сообща с т. Ювеналием Дмитриевичем — добиться единого фронта всех киевских организаций. Постепенно он ощупывает всех и каждого—интеллигентов и рабочих—и узнает: кто и во сколько может быть ценен, с кем как надо говорить, каков удельный вес каждого кружка, каждой группы, каждого работника. И добивается намеченной цели с железным упорством.

К сожалению, очень яркий момент его работы по подготовке и изданию первых номеров «Вперед» и первые шаги к слиянию прошли в мое отсутствие: все лето 1896 года я провел за границей, в августе попал в тюрьму и вышел отуда только в начале 1897 года.

Зимою 1897—98 г. я был отправлен в ссылку и потому также точно от моего наблюдения ускользнула и предс'ездовская, наиболее замечательная часть деятельности Бориса Львовича, в которой он побил, можно сказать, рекорд не только как изумительный организатор, сумевший под стеклянным колпаком зубатовской слежки и почти исключительно своими личными силами собрать общерусский С'езд, но и как корифей конспирации, сумевший оградить этот С'езд от того же Зубатова. Дальше я покажу, какие фокусы проделывал этот замечательный сыщик (Зубатов) в погоне за киевлянами и какое искусство

подпольщика-конспиратора должен был противопоставить ему Борис Львович, чтобы спасти от разгрома хотя часть созданного им дела и тем самым обеспечить политические последствия мартовского провала, случайно совпавшего с окончанием 1-го С'езда. Киевское с.-д. движение, выдвинувшее в 90-х годах из своей среды двух таких выдающихся организаторов и строителей в киевском и затем в общерусском масштабе, как Ю. Д. Мельников и Б. Л. Эйдельман, в праве за одно это претендовать на признательность последующих поколений.

Ведя рассказ о русской с.-д. группе, я имею в виду ее так сказать «доисторический» период, т.-е. пятилетие, протекающее с момента самоопределения ее, как кружка марксистов единомышленников Б. А. Кистяковского и до реорганизации ее в революционно-издательскую группу «Рабочее Дело». Однако этот, менее блещущий внешними эффектами период (когда Киевский Рабочий Комитет 1-го состава возглавлялся самим Ю. Д. Мельниковым, а после его ареста Р. К. 2-го состава Б. Л. Эйдельманом и А. Д. Поляком), но весьма плодотворный по своим результатам, был воистину суровой школой для дальнейшей широкой агитационной работы киевских социал-демократов всех фракций и группировок.

Первый Рабочий Комитет собирался при участии Б. Л. Эйдельмана, как представителя тайной интеллигентской группы, и Ю. Д. Мельникова — фактического главы киевского пролетариата—в Кучменном Яру в доме Неточаевых (на Соломенке) и очень интенсивно проработал до ареста Ювеналия Дмитриевича, А. Д. Поляка, Д. П. Неточаева и пр. (перед 1-м маем 1896 г.). Второй рабочий комитет — под руководством Б. Л. Эйдельмана и А. Д. Поляка — стал работать с лета 1896 г., когда под влиянием петербургской стачки текстилей в Киеве, как и по всей стране, началось новое оживление в рабочем движении. Начиная с лета 1896 г. под напором петербургских событий все три группы вступают в постоянный контакт в интересах совместного обсуждения общих мероприятий и выступлений. Организуется нечто вроде федеративного об'единенного органа—для взаимной информации, для обмена связями и т. д. Этот федеративный центр, куда входило по 2 делегата от каждой из трех групп, был переходной ступенью к слиянию их, наступившему весною 1897 г. Пропаганда и агитация силами русской группы ведутся во все возрастающем масштабе, и она занимает теперь первое место в работе киевского подполья. В порядке обмена связями и работниками все три группы значительно усиливают свою деятельность на заводах. Число кружков возрастает до нескольких десятков. Еще до слияния всех групп в единый «Союз Борьбы» русская группа «Рабочее Дело» приступает

к изданию «Вперед» и начинает приобретать быстро возрастающее влияние на массы.

Польские группы продолжают из конспиративных соображений уклоняться от массовой агитационной работы и тем в значительной степени умаляют свой авторитет. Инициатива целиком переходит в руки группы «Рабочее Дело», но у остальных групп имеется еще много сил, материальных средств и связей на крупных заводах, в обществе и т. д. Полное слияние всех групп одинаково выгодно для всех договаривающихся сторон, и оно должно раньше или позже произойти.

II. Киевские народники и с.-р. «Рефераты», Н. Н. Новиков (с-д.) и И. А. Дьяков (с.-р.). Издательская с.-д. группа Татарова.

Еще зимою 1892—93 г. наш гимназический кружок имел связь с эпигонами разгромленной в 1887 г. местной организации «Народной Воли». Среди них выделялись закоренелые народники, жившие где-то на Подоле (Андреевский спуск) братья Пахаревские, словоохотливый толстяк — Николай Петрович Дырдовский и старый киевский поднадзорник из б. ссыльных Н. Н. Соколов. Все они, за исключением последнего, заслуживали поистине характеристики «праздноболтающих» и брюзжащих генералов от революции в отставке, так как никакого положительного влияния на нас, рвавшуюся к делу молодежь, не имели и не пытались иметь. Другим связующим нас с предшественниками звеном были унаследованные от «заговорщиков» программы систематического чтения и персональная связь с бр. Токарским и членами этой организации. Но, как видно из очерка первого, «заговорщики» в сущности не были народниками и подготовляли идеологический переход к марксизму. В 1892 г. эта группа была распущена.

Только зимою 1894—95 г.г. с прибытием в Киев из Курска побывавшего в ссылке Дьякова Ивана Алексеевича образовалась в противовес с.-д. новая народническая группа. Народничествующая публика в Киеве зашевелилась. И. А. Дьяков был настоящий революционер, недавно вернувшийся из ссылки по делу известного якобинца Заичневского, и задался целью создать в Киеве свою организацию. Потому-то именно Иван Алексеевич, с которым меня связывали общие курские друзья, принял горячее участие в устраивавшихся нами, юными марксистами, и др. с.-д. группами рефератных собраниях.

Вместе с Н. Н. Соколовым, с наезжавшим иногда из провинции энергичным работником этого лагеря, инженером В. А. Вознесенским, вскоре примкнувшими к ним Марком Борисовичем Ратнером и бр. Кокориными — группа эта зимою 1894—95 г.г. стала уже заметной величиною в киевском подполье и начала

с нами соперничать в деле вербовки сторонников в среде учащейся молодежи. Связавшись со мною и с С. В. Померанц и через наше посредство с другими нашими товарищами, они охотно посещали наши рефераты, чтобы путем дискуссии привлечь в свой лагерь новых последователей. Однако, эти расчеты совершенно не оправдались. После исторического реферата Б. А. Кистяковского киевская революционная и сочувствующая публика, как я уже упоминал, в течение ряда лет не раз имела счастливую возможность слушать волнующие дискуссии в связи с полемикой Н. К. Михайловского (конец 1893 г. и начало 1894 г.), с дебатами в Петерб. Вольно-Эконом. О-ве, с выходом нашумевших книг Струве, Бельтова (весна и осень 1895 г.) и др. Сначала эти «рефераты» носили характер нейтральных докладов, приуроченных ко дню «освобождения крестьян» (19 февраля 1861 г.), где задавали тон беспартийные демократы, поглощенные академическими интересами, ближе стоявшие, пожалуй, к отживающему народничеству, чем к нарождавшемуся воинствующему марксизму. В мое время эти студенческие случайные сборища сменились планомерно организованными вечеринками для широкой пропаганды нашей программы. Первая такая вечеринка имела место в годовщину смерти Карла Маркса 1 марта 1893 года в квартире Елизаветы Чарномской на Жилянской ул. Реферат об учении Маркса был прочитан лидером русской с.-д. группы Я. М. Ляховским, другой — о его революционно-политической деятельности П. Г. Полонским [1]. 19 февраля 1894 г. многолюдная аудитория, собравшаяся в просторной квартире директора киевской конторы государственного банка А. А. Аносова на Институтской ул. (в семье нашего товарища Николая А.), с огромным интересом заслушала марксистский доклад о крестьянской «реформе». Реферат был прочитан по конспиративным соображениям не самим автором, а по поручению русской с.-д. группы молодым нашим товарищем Б. Э. Шеном [2]. Потом следовали организованные мною независимо от наших «генералов» рефераты по жгучим вопросам русской жизни, служившим предметом полемики Н. К. Михайловского и пр. публицистов «Русского Богатства» с Бельтовым (Плехановым), Струве, Туган-Барановским и т. д. (а с 1896 г. с «Новым Словом» и «Началом»). Из наиболее интересных рефератов вспоминается описанный С. В. Перазич (Померанц) [3] доклад прибывшего из Питера члена Петербургской с.-д. организации Петра Моисеевича Кашинского — «о судьбах капита-

---

[1] Об этом реферате см. у Полонского, П. Г., «Каторга и Ссылка», 1928 г., № 3, также личго сообщено М. С. Балабановым, участвовавшим в прениях на этом собрании.

[2] Об этой вечеринке см. у ее участника А. И. Петренко, там же.

[3] «Лет. Рев.», 1923 г., № 7.

лизма в России» — осенью 1894 г. в квартире близкой к киевскому подпольному миру семьи Линдфорсов (Никольско-Ботаническая ул.). Здесь впервые выступали народники И. А. Дьяков, В. А. Вознесенский; с нашей стороны — Н. Н. Новиков и А. В. Луначарский. Обычными докладчиками и постоянными оппонентами на этих рефератах выступали с нашей стороны — Н. Н. Новиков, А. В. Луначарский, Н. А. Бердяев, Е. В. Тарле, и со стороны народников (в дальнейшем сорганизовавшихся в местную группу партии с.-р.) Ив. Ал. Дьяков, М. Б. Ратнер и т. д. Большую роль в этом важном деле сыграл известный публицист и государствовед Василий Васильевич Водовозов. В Киев он попал в начале 1896-х г. после ссылки и отбывал здесь надзор полиции, так как ему запрещено было вплоть до 1905 г. пребывание в столицах. В. В. Водовозовым был прочитан целый ряд весьма ценных рефератов (особенно после высылки из Австрии, где его, как и в 1889 г. Б. А. Кистяковского, обвинили в шпионаже). Вас. Вас. стоял очень близко к нашему с.-д. подполью и оказывал ему весьма ценные услуги всеми доступными ему средствами, в том числе и пером. Жена его Вера Петровна, стоявшая во главе политического «Красного Креста», также была очень ценным и заслуженным членом подпольной семьи. Жили Водовозовы в тенистом саду на Десятинном пер. (Андреевский спуск над Подолом) во флигеле, особенно удобном для конспиративных собраний киевских подпольщиков, которые не раз собирались здесь на комитетские собрания и рефераты, и им этот гостеприимный дом должен быть особенно памятен.

Рефераты наши нередко приурочивались к историческим датам — освобождение крестьян (19 февраля), цареубийство 1 марта 1881 г., Парижская Коммуна (18 марта). На некоторые из них приглашались наиболее сознательные рабочие[1]. Один из таких рефератов (в январе 1896 г.), посвященный 10-летию казни польских «пролетариатцев» (Ст. Куницкого и др.), был устроен для пролетарской аудитории и произвел глубокое впечатление. Рефераты эти играли весьма почтенную роль в киевском революционном подполье.

«Здесь, — вспоминает П. Л. Тучапский, — на довольно многолюдных студенческих вечеринках происходили настоящие (словесные, разумеется) сражения между народниками (будущими с.-р.) и марксистами (будущими и настоящими с.-д.). Чувствовалось, что здесь идет не просто о выяснении известных теоретических положений, а о приобретении сторонников для определенной практической революционной работы.

---

[1] См. воспоминания Карвацкого.

Главным содержанием дебатов служил вопрос об экономическом развитии России, о значении и судьбе земельной общины, о расслоении крестьянства и т. д. Материал для дебатов давали, главным образом, статьи в легальных журналах. Но, разумеется, сейчас же выдвигался вопрос о роли революционеров.

— Если вы видите прогресс в развитии капитализма, — возражали марксистам народники,—то почему вы не открываете фабрик, заводов и даже кабаков?

Народники и не подозревали, что они только повторяют слова Льва Тихомирова (б. редактора «Народной Воли» и ренегата), на которые давным давно ответил Плеханов в «Наших разногласиях».

— Если вы признаете,—приставали народники,—что в деревне создается сельский пролетариат, то почему вы не идете в деревню, а предпочитаете работать среди городского промышленного пролетариата? Вы, значит, ждете, пока сельский пролетариат «выварится в фабричном котле».

Приходилось раз'яснять господам народникам, что все дело пока в недостатке сил и что никто такой нелепости, как «выварка» всего сельского пролетариата «в фабричном котле» не ожидает.

А рядом с этим раздавались упреки в таком роде:

— Марксисты радуются тем страданиям, какие несет капитализм, потому что они считают капитализм прогрессивным явлением.

На это марксисты отвечали словами Спинозы:

«Не плакать, не смеяться, а понимать!».

Павлу Лукичу, изредка посещавшему описанные рефераты во время случайных его приездов из провинции в Киев, удалось очень удачно подметить наиболее характерные моменты этих споров, которые становились по мере усиления рабочего движения в стране все ожесточеннее. Особенно обострились отношения, когда киевские народники, возглавляемые И. А. Дьяковым, об'явили себя партийной организацией социалистов-революционеров. От последних, как я упоминал, наиболее образованным после М. Б. Ратнера (специалиста по аграрному вопросу и видного публициста-экономиста из «Русского Богатства») и постоянным оратором и докладчиком являлся Иван Алексеевич Дьяков. От нас не менее постоянным оппонентом и блестящим полемистом (а иногда и докладчиком) был ментор нашего юного кружка — Николай Николаевич Новиков. Оба они были очень близки к нам. Судьба первого из них после повторного заключения в тюрьму в 1899 г. и отправки в ссылку мне неизвестна. Второй давно уже умер в очень тяжелой обстановке. Многие участники наших вечеринок должны хорошо помнить его звучный, слегка картавящий баритон; сверкавшие через зо-

лотые очки близорукие, но умные глаза его и остроумную, полную сарказма речь, блиставшую философскою эрудицией. Именно о нем вспоминает с такой симпатией и благодарностью, как о своем первом наставнике в вопросах философии А. В. Луначарский [1]. Пасынок попечителя Виленского учебного округа— Н. Н. Новиков в начале 80-х г.г. студент Петербургского технологического института. Отсюда он вместе с Бурцевым за участие в кружках, примыкавших к «Народной Воле», высылается в Зап. Сибирь, в далекий Пелым. К концу 80-х г.г. Н. Н. опять в Киеве активным участником сборищ в доме А. Г. Маньковской, а затем уезжает за границу в Бернский университет учиться. Ближайший сотрудник проф. Авенариуса, он приглашается последним к научной деятельности, но Н. Н., примкнувший за эти годы к направлению группы «Освобождение Труда», предпочитает вернуться на родину, чтобы продолжать свою революционную деятельность. Однако, заграничная агентура департамента полиции, осведомленная о связи Н. Н. с Плехановым и друг. эмигрантами и товарищами по Сибири (Бурцев), принимает меры к пресечению деятельности Н. Н. на родине. Немедленно по прибытии в Киев, 9 мая 1894 г., Н. Н. заточается на долгие месяцы в Лукьяновский тюремный «замок». Его не обвиняют ни в чем определенном, а только настойчиво требуют указать заграничные свои связи.

— Назовите нам своих знакомых,—убеждает ген. Новицкий.— Мы прекрасно знаем ваши близкие отношения с эмигрантами, особенно с Бурцевым.

Н. Н. наотрез отказался давать требуемые сведения. Но генерал и его приспешники не давали ему покоя.

— Мы хорошо знаем, что вы вращались в заграничных кружках, назовите членов этих кружков...

Н. Н. то выпускали, то опять сажали в «Лукьяновку» и отправили в новую ссылку только в феврале 1895 года. В промежутках между тюремным сидением, и не входя формально в действующие с.-д. организации, Н. Н. сделал все, что было в его силах, чтобы приобщить киевскую марксистскую молодежь к идеям, усвоенным им лично от самого Г. В. Плеханова и из европейской марксистской литературы. Как только Н. Н. выпустили — в первый раз—он связался с нашим юным кружком и стал его духовным восприемником и заботливым ментором. Кроме сепаратных, всегда весьма поучительных бесед со многими из нас, Н. Н. охотно читал рефераты и выступал, когда нужно, присяжным оппонентом. Будучи блестяще образованным в области философии и в политической экономии специалистом, Н. Н. с невероятной легкостью разбивал все построения

---

[1] «Великий переворот», гл. I.

противников и был нашим кумиром. Когда пришел приговор, Н. Н. сослали на 4 года в Вологодскую губ. Потом я встречал его уже опустившимся от рокового недуга, сведшего в раннюю могилу многих лучших русских людей. В Ростове, в Киеве, в Питере встречались мы потом. Блестящий философ и подававший большие надежды теоретик русского марксизма оказался выброшенным за борт русским неудачником, тщетно обивавшим пороги редакций в поисках издателя для его литературных работ. Сибирская и вологодская ссылки и тюрьма сломили этого даровитого человека и он погиб где-то безвестный. в какой-то петербургской больнице — задолго до торжества революции. Однако, мы — первые ученики Николая Николаевича — с благодарной памятью должны обнажить свои головы перед духовным образом этого талантливого неудачника — одного из многих жертв царской России, гноившей передовую интеллигенцию в тюрьмах и ссылке.

Группа Дьякова, как только сформировалась партия с.-р., об'явила себя организацией этой партии. Первым ее выступлением был призыв к устройству студенческой демонстрации 18 марта 1897 г. по поводу самоубийства Ветровой. Среди киевского рабочего люда группа Дьякова влиянием почти не пользовалась. Зато наиболее горячие головы из студенческой молодежи шли к ним охотно. В числе таких был участник одного из наших периферийных кружков, потом почему-то отошедший от нас, знаменитый впоследствии Степан Балмашев. В числе ближайших учеников и последователей Ивана Алексеевича были братья Кокорины, а также известные потом с.-р. террористы Покотилов, Блинов и др. Киевское подполье рождало выдающихся революционеров обоих враждовавших тогда лагерей, — как и социал-демократов, так и социал-революционеров. Два слова о самом Иване Алексеевиче, которого близко знали и искренно любили многие киевские с.-д. [1]. Типичный русский интеллигент земского типа, несколько напоминавший грузной фигурой своей Павла Лукича, И. А. Дьяков, по своей профессии не то статистик, не то страховик, был так же, как и Н. Н. Новиков, всегда окружен передовой молодежью. Он был очень начитан, необычайно работоспособен, но несколько тяжел на под'ем и не весьма удачлив в словесных и научных турнирах с такими блестящими противниками, как Н. Н. Новиков или А. В. Луначарский.

И. А. был весьма заметной фигурой в киевском подполье и когда грянули аресты в марте 1898 г., он за свою близость к с.-д. был также арестован. Вскоре его выпустили, но затем,

---

[1] О Ив. Ал. Дьякове см. у С. В. Пометанц-Перазич, «Красн. Летопись», 1923 г., № 7.

через месяц, его и всю его группу также, по примеру нашего «Союза борьбы», ликвидировали и при том надолго. О дальнейшей судьбе этого поразительно скромного и привлекательного и в то же время весьма заслуженного деятеля киевского подполья нашего времени мне больше не приходилось слышать.

Мой обзор киевских революционных групп, действовавших на протяжении этого славного десятилетия, был бы неполон без упоминания об издательском кружке Татарова.

Н. Татаров («Андрей», «Князь») — известный впоследствии провокатор — скоро приобрел себе в Киеве хорошую репутацию, как энергичный и предприимчивый студенческий деятель. Ему приписывалось, между прочим, восстановление тайной студенческой библиотеки, долгие годы остававшейся под спудом мертвым, бесполезным капиталом. Появился он на киевском горизонте, если меня не обманывает память, в 1892—93 учебном году и вскоре заявил себя рьяным марксистом, не боявшимся открыто выступать в защиту становившейся тогда модной нашей идеологии на студенческих собраниях и рефератах. Не будучи связан какой-либо дисциплиной подпольных групп, Татаров действовал на свой риск и страх в этом именно направлении и в течение 1893 года сгруппировал вокруг себя несколько преданных ему студентов (в том числе бывш. народовольца К. Г. Рауша), с которыми приступил к намеченной им издательской работе. Обладая огромной энергией и настойчивым характером, но в то же время бесцеремонный в использовании попадавшихся ему на пути людей и знакомств, Татаров сразу создал вокруг затеянного им и его друзьями дела ненужную, не конспиративную огласку, приведшую довольно скоро к преждевременной ликвидации этого по замыслу очень дельного и полезного предприятия. Опыт подпольной работы (и не только одного Киева) показал, что выделение подобных предприятий в совершенно автономные, строго законспирированные единицы — лучшее средство от провокации и всяких других неприятных сюрпризов. Идея Татарова — организовать с.-д. издательство, оставаясь в стороне от других действующих практически подпольных кружков, была весьма ценна и целесообразна, но осуществить ее на практике ему не удалось именно потому, что и тогда уже у Татарова были задатки хлестаковщины и вредного для дела генеральства. Вездесущую полную апломба и весьма заметную фигуру беспокойного «князя» (так его звали потом в пэпээсовских кругах) прекрасно должны помнить и доселе здравствующие старожилы киевского студенческого движения. Я лично вспоминаю его, когда Т. после первой ссылки опять поселился в Киеве (в 1901 г.), пытаясь при помощи своих друзей из П. П. С. создать параллельно с Р. С.-Д. Р. П. новую конкурирующую с ней «русскую с.-д. партию» — «Рабочезнаменцев». Попытка потерпела

конечно, фиаско; но помню, что на товарищей киевлян (членов Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П.), случайно сталкивавшихся с ним тогда, он производил неприятное впечатление. В этот, второй, киевский период его деятельности Т. приобрел репутацию легкомысленного авантюриста и маниака; однако, не упомянуть об этой колоритной фигуре киевского подполья невозможно. Группой Татарова сделано немало для пропаганды марксизма в Киеве. Если не ошибаюсь, именно Татаровым были изданы: «Экономическая теория К. Маркса» Каутского, «Эрфуртская программа» его же, «Научный социализм» Энгельса и др.

Издавались эти произведения, конечно, не типографским способом, и даже не на мимеографе, но весьма чистенько и четко — обыкновенным студенческим способом — на гектографе. Издания эти распространялись почти исключительно среди молодежи высшей и средней школы и производили очень хорошее впечатление. Обидно было, что затея эта так скоро была ликвидирована. В состав группы входили: Карл Гугович Рауш, едва лишь вернувшийся из ссылки (по народовольческому делу кружка Похитоновой в Киеве в 1884 г.), Синев, братья Павловичи, Верзилова, Кокорин — группа просуществовала одну зиму. Аресты были произведены в мае 1894 года. Кроме названных лиц было арестовано еще свыше десяти человек, в том числе сын профессора Яснопольский, активная участница с.-д. подполья наш товарищ В. Г. Крыжановская-Тучапская, Зданский, Гусев, Спилиотти и др.

Закончилось это дело в отношении большинства перечисленных лиц пустяками; серьезно поплатились К. Г. Рауш, как рецидивист и б. народоволец, и сам Татаров, как организатор «преступного» издательства. Первого из них после отбытия второй ссылки мы опять встречаем в родном Киеве, а Татарова — в Варшаве в архилегальном доме отца—священника-обрусителя. Здесь, с репутацией бывалого революционера, Татаров попадает в сферу деятельности П. П. С., куда его принимают с распростертыми об'ятиями, как нужного человека для намеченных в 1899 г. этой партией целей. Националистической П. П. С. дозарезу нужно было создать в противовес интернационалистической,—программно и организационно, — Р. С.-Д. Р. П. свою или, по меньшей мере, дружественную себе новую с.-д. партию, которая могла бы успешно конкурировать с Р. С.-Д. Р. П. Располагая крупными материальными и техническими средствами и прекрасно налаженным организационным аппаратом (дело происходило до грандиозного разгрома П. П. С. в 1900 г., когда в Лодзи была арестована типография «Роботника» вместе с самим Иосифом Пилсудским и его женою Марией Коплевской) и пользуясь тем, что после Минского С'езда Р. С.-Д. Р. П. была, каза-

лось, совершенно обессилена, И. Пилсудский и его сподвижники рассчитывали с легкостью создать нужную им партию, которая вела бы политику, диктуемую ей П. П. С.

Приходится попутно для освещения личности Татарова, заслуженного, как мы видели, с.-д. работника киевского подполья, и ради уточнения той исторической обстановки, в которой складывалась и крепла заложенная на 1-м с'езде Р. С.-Д. Р. П., отклониться несколько в сторону от хронологического изложения событий. Подобно Р. С.-Д. Р. П. и всякой другой сильной партийной организации, П. П. С., находившаяся к концу 90-х г.г. в зените своего влияния и могущества, претендовала на полную монополию своей организации по всей территории исторической Польши, особенно в коренной Польше и на Литве. Ради этого она старалась удержать в своих руках такие важные для развертывания своей подпольной деятельности позиции, как Вильно, Минск, Киев и др. городские центры Северо- и Юго-Западного края, окраин б. Речи Посполитой. Одной из таких позиций была киевская группа, описанная выше. И здесь, как мы видели из предыдущего, П. П. С. потерпела неудачу. С от'ездом из Киева д-ра Генриха Сарцевича (он возглавлял потом П. П. С.-кую организацию на литовской территории в Белостоке) группа польских социалистов перестает быть национальной по своему составу организацией и быстро эволюционирует в направлении полного слияния с остальными с.-д. группами. В составе об'единенного «Союза борьбы», в выборах на Минский С'езд и в строительстве РСДРП принимают активное участие члены именно этой группы, в которой не один год играл видную роль агент ППС д-р Г. Сарцевич. В Вильне, Минске и др. центрах конкурентами П. П. С. были еврейский «Бунд» и литовская с.-д. партия, находившиеся в перманентно-враждебных отношениях с П. П. С. Особенно ненавистен был пэпээсовцам «Бунд», на который они смотрели как на слепое орудие обрусительной политики царизма. Кроме того, «Бунд» не пользовался расположением руководителей П. П. С. также как крупный конкурент по подполью, сумевший привлечь в свои ряды весь ремесленный люд Литвы и Польши.

Литовская с.-д. партия с С. Трусевичем, а потом Ф. Э. Дзержинским в числе главных ее деятелей равным образом состояла в неприязненных с П. П. С. отношениях. И потому, когда на Минском (I-ом) С'езде сорганизовалась новая партия — РСДРП. включившая в свой состав «Бунд» и ведшая переговоры с дружественной ей литовской с.-д. партией, эта новая организация (РСДРП) должна была распространить свою сферу влияния на территории, которые считались вотчиной пэпээсовцев, а это приводило к неминуемой борьбе между ними. Сотрудничество националистической ППС и интернационалистической РСДРП

было недостижимой утопией. Руководители П. П. С. были озабочены созданием своих филиалов на окраинах, а в самой России с.-д. партии, которая внесла бы в свою программу одиозный тогда для многих российских с.-д. пункт об отделении от России Польши и о превращении ее в независимое государство.

В лице Татарова И. Пилсудский и его друзья нашли, казалось им, достойного сподвижника и агента ППС для выполнения этой работы в среде русских революционеров. Татаров был как бы создан для этой работы. Русский по происхождению, сын попа-обрусителя и в то же время поляк по культуре, Татаров был тем двуликим Янусом, который должен был действовать в качестве агента ППС на два фронта—в пользу своей партии и в то же время в качестве основоположника новой дружественной ППС, формально самостоятельной «русской с.-д. партии». С этой целью он делает попытки восстановить разгромленную незадолго до того группу «Рабочее Знамя» и создать новую партию, призванную при помощи обильных технических и денежных средств П. П. С. оттеснить на второй план Р. С.-Д. Р. П.

Владимир Викторович Вакар
(1907 г.)

Перейдя на нелегальное положение, Татаров раз'езжает с этой миссией по всей России, живет одно время (1901 г.) в Киеве, в Питере и др. городах. Миссия эта потерпела, как известно, полное фиаско, и Татаров покинул ряды социал-демократии окончательно. Ненасытное честолюбие и авантюристические наклонности «князя Гедройца» (пэпээсовский псевдоним Татарова) толкнули его в ряды террористической боевой организации партии с.-р., в которой он вместе с Евно Азефом сыграл столь роковую роль. Метаморфоза жизнерадостного и экспансивного Татарова (революционера, психологический тип которого являлся прямой противоположностью мрачной, молчаливой фигуре Евно Азефа), превратившегося столь неожиданно в секретного сотрудника департамента полиции, являлась долго загадкой, и потому каждый новый штрих из его жизни представляет для нас, современников и сподвижников его по киевскому подполью, значительный интерес.

Мне пришлось недавно ознакомиться с любопытными воспоминаниями видного деятеля Ц. К. Р. ППС И. Домбровского (Грабец) [1], который, равно как и Юз. Пилсудский, Ст. Жеромский и др., довольно близко знал Татарова и очень им дорожил. Эпизод, который послужил темой рассказа И. Домбровского, имел место в 1899 г. в Варшаве на вечеринке, устроенной пэпээсовцами в честь прибывшего из Сибири пионера польского социализма и сподвижника Вацлава Серошевского — некоего Лянды. В числе гостей, кроме членов Ц. К. Р., явившихся в полном составе с Юзефом Пилсудским («Виктор») во главе, и «симпатиков» (сочувствующих) ППС литераторов, — Вац. Серошевского, Ст. Жеромского, Густ. Даниловского и др. знаменитостей революционной Варшавы конца 90-х годов, — присутствовал также интересующий нас Татаров. Автор, пользуясь случаем, дает очень удачный, выпуклоочерченный портрет этого фаворита пэпээсовцев, пользовавшегося особым вниманием со стороны самой Марии Коплевской (жена Пилсудского, псевдоним «пенкна пани») и такого крупного художника и психолога, как Стефан Жеромский.

«Интересной фигурой среди участников вечеринки был «князь» или «Гедройц»—настоящее имя его Татаров. Несмотря на свое русско-православно-духовное происхождение, он был по культуре чистокровным поляком, глубоким знатоком польской поэзии, особенно романтиков. «Князь» боготворил поэзию Юлиана Словацкого, был близок со Стефаном Жеромским (был также переводчиком его произведений) и долгое время был преданным партийцем П. П. С., работая безоговорочно над делом восстановления государства Польского. Не мешает добавить, что и наружность «князя» была импонирующей; он был в полном смысле этого слова красавцем; аристократическая внешность вполне соответствовала его революционной кличке. Блондин, высокого роста, с пушистыми усами, с несколько затуманенными глазами, изящный в движениях, с идеально правильными чертами лица, сложенный как Аполлон и элегантный, с манерами вполне светского, воспитанного человека, «князь» или «Гедройц» был любимцем пэпээсовской публики, не имевшей никакого понятия о его происхождении. Кроме внешности «князь» подкупал своим высоким интеллектуальным уровнем; он был всесторонне образован, знал несколько языков и иностранную литературу.

«В числе гостей был сопровождавший т. Лянды каторжанин—сибиряк, отбывавший вместе с Чернышевским долгосрочную каторгу за польское восстание 1863 г., некто Зелинский. Все были в полном сборе. Вечеринка была в разгаре. «Виктор» (Пилсудский), оказавшийся в этот вечер в Варшаве, отличался

---

[1] «Червона Варшава пшед Цверцстулецем». — Познань, 1925 г.

неистощимым остроумием, вспоминая сибирскую ссылку и дни изгнания в Тунке — совместно с Зелинским и Шварце (изв. деятель «Ржонда Народоваго» 1863 г. и шлиссельбуржец, друг Пилсудского). Настроение было у всех нас великолепное. Тутто разыгрался эпизод, крепко врезавшийся в мою память. Зелинскиї ожесточенно диспутировал со мною и «Петром» (Максом Горвицем), оспаривая революционные способности русских. «Господа, — горячился Зелинскиї, — не рассчитывайте на них, все эти движения (дело было в момент студенческих беспорядков 1899 г.) — пуф, несерьезные выходки молодежи. Русские слишком привыкли к неволе, чтобы быть революционерами в полном значении этого слова. Они еще долго будут способны только на роли «взбунтовавшихся рабов», покорно гнущих свою выю перед тем, кто повалит их на колени. Это не мои слова. Я не раз беседовал на эту тему с Чернышевским. Никогда не забуду его слов: «Всякиї русскиї либерал — это потенциальный помпадур, а интеллигент-революционер — потенциальный предатель и шпион... И я также, — закончил свою речь Зелинскиї, — не верю, чтобы русскиї интеллигент мог быть преданным революционером. Спасшись от виселицы, он, несомненно, станет шпионом...».

«Князь», принимавшиї участие в нашей беседе, хохотал до упаду, пытаясь остановить внимание остальных участников вечеринки на парадоксальных выводах старого инсургента. «Пане Гедройц, — обратился тогда к нему зловещим тоном Зелинскиї, впервые встретившийся с Татаровым и не имевшиї никакого представления о русском происхождении «князя», — пан в этом сам убедится».

«Гедройц» продолжал заразительно смеяться.

А ведь эти зловещие слова были трагическим предсказанием фатальноїї судьбы этого человека, постигшеї его через пять лет после описанноїї вечеринки».

Слова Зелинского не вызвали ни у кого из присутствовавших достойноїї отповеди в защиту доброго имени русского революционера. Единственныїї русскиї, «князь», т.-е. Татаров, ответил на это огульное и дикое обвинение только смехом. Но именно он своим собственным примером подтвердил зловещее пророчество польского повстанца. Через пять лет после этого диалога Татаров был признан самими эсерами опасным провокатором и убит. Подробности Татаровского дела можно найти в мемуарах его сподвижника Бориса Савинкова [1]. «Долгое время, — пишет И. Домбровскиї, — мы не могли примириться с мыслью, что Татаров действительно провокатор... Разоблачение это, повто-

---

[1] «Воспоминания террориста», 1926 г.

ренное с думской трибуны самим Столыпиным, подтверждало это».

И до сих пор некоторые киевляне, близкие прежнему Татарову, считают его предательство психологической загадкой.

Загадка эта, однако, может быть расшифрована теперь, после опубликования т. Валком новых материалов о группе «Рабочего Знамени» [1], очень легко. Татаров действовал из самых низменных, корыстных побуждений: под личиной блестящего «князя» и смелого профессионала революции скрывался самый заурядный сребролюбец, кутила и предатель. Татаров стал на скользкий путь компромиссов, порочащих честь его как революционера задолго до драмы, разыгравшейся в доме его родителей. (Татаров был убит по приговору партии с.-р. Ф. Назаровым 22 марта 1906 г.). Еще в вышеописанном киевском деле имеются непонятные странности, которые и тогда обращали на себя внимание современников. В то время как К. Г. Рауш был отправлен за печатание с.-д. изданий в ссылку, главный организатор этого предприятия Н. Ю. Татаров взамен ссылки был водворен на родину (14 февраля 1896 г.), в дом родителей — под надзор варшавской полиции. Не прошло года, как он опять хлопочет о дальнейшем смягчении своей участи: 8 января 1897 года Татаров подает на имя министра внутренних дел покаянное прошение с просьбой об освобождении из-под надзора и о разрешении служить в таможне. Характерно, что просьба эта удовлетворяется моментально (6 февраля 1897 года). В то же время Татаров вступает в ряды П. П. С. и вторично (в 1898 г.) заключается в тюрьму (цитадель) по ордеру Варшавского жандармского управления в качестве обвиняемого в пропаганде среди польских рабочих. Здесь опять непостижимая снисходительность: Татарова скоро освобождают под ничтожный залог. В ожидании приговора Татаров продолжает вращаться в кругах П. П. С., возлагающих на него огромные надежды: в этот именно период мы встречаем его на вышеописанной вечеринке в избранном обществе революционной Варшавы. Noblesse oblige, и Татаров, «подаванец» и «потенциальный шпион и предатель» (по вещему слову каторжанина Зелинского); вынужден по директивам ЦКР П. П. С. перейти на нелегальное положение, чтобы в рядах «Рабочего Знамени» осуществить замыслы П. П. С. 30 сентября 1899 г. он скрывается из-под надзора полиции и в течение свыше года раз'езжает в качестве «нелегального». Всегда бесцеремонный в обращении с общественными суммами,

---

[1] Ист. рев. сборник под ред. т. Невского, т. I.

в этот период Татаров располагает, повидимому, крупными деньгами и живет, к слову сказать, в нашем Киеве (по моим сведениям) как богатый барин, не стесняющийся в расходах. Эта новая полоса революционной карьеры Татарова прервалась 9 февраля 1901 г., когда он был схвачен на улице, а затем сослан в Восточную Сибирь на 6 лет. Тут опять непонятный момент, — Татарову разрешают остаться в самом Иркутске, где он в качестве юрисконсульта Забайкальской ж. д. делает недурную карьеру и выгодную матримониальную комбинацию, женится на дочери своего шефа, начальника дороги, и вхож в дом генерал-губернатора гр. Кутайсова. Порвав с социал-демократами, Татаров сближается с их соперниками, с партией с.-р. и ставит для них тайную типографию в Иркутске. Втершись в доверие к с.-р-ам, Татаров не перестает в то же время унижаться перед высшим начальством, добиваясь нового смягчения своей участи. 6 августа 1902 года Татаров лично обращается с этим ходатайством к проезжавшему через Иркутск Святополк-Мирскому, но получает совет повременить. В архиве д-та полиции имеются документы, свидетельствующие, что настойчивые предложения своих услуг деп-ту полиции после беседы со Св.-Мирским имели место в разгар его сношений с с.-р-ми. 20 декабря 1904 г. Татаров возобновляет свои попытки и, наконец, 14 января 1905 г. добивается разрешения лично прибыть в Питер. Повидимому, в начале 1905 г. Т. становится уже формально секретным сотрудником д-та полиции. В это же время Татаров кооптируется в Ц. К. партии с.-р и становится вместе с Борисом Савинковым во главе «боевого отряда» террористов. За свое иудино дело Татаров получал бешеные гонорары, свидетельствующие о том, что его «работа» котировалась на шпионской бирже не хуже Азефовой. Кроме жалования (600 руб. в месяц) Татаров получал огромные премии за отдельные услуги: очень скоро, как видно из квитанции от 7 марта 1905 г., Татарову было отпущено (через Медникова)—1.200 р. Вслед за тем 15 апреля за выдачу боевого отряда с.-р. (ликвидация 16—17 марта) ему же было выдано 5.000 р. После разоблачения Татарова, ему в виде «гарантии» вновь отпущено (27 октября 1906 г.) 5.000 р. Так щедро платило царское правительство перебежчикам из революционного лагеря, спасая свою шкуру. К чести киевского революционного подполья можно сказать, что Татаров был единственным исключением из общего правила. Балмашевы же и Гурские были нормальным явлением в нашей среде, обильно снабжавшей революционные подполья других центров своими работниками.

III. ЗА РАБОТОЙ.

Наша пропаганда. Арест на границе. Лукьяновка. Переход к агитации. Ветровская демонстрация. Коллоквиум и слияние всех наших групп. Рефератные кружки.

Постараюсь в кратких словах дополнить общеизвестные факты из практической работы киевлян в 90-х г. г. собственными наблюдениями и эпизодами из пережитого лично.

Фактически мы, пропагандисты всех трех действовавших параллельно организаций, нередко встречались друг с другом на практической работе в рабочих кружках; работали мы по одному плану и программе, прибегая к одинаковым приемам, к одним и тем же пособиям. Поляки-с.-д. и поляки-социалисты так же точно, как упоминаемые т. Эйдельманом [1] русские товарищи, вплоть до начала 1897 г. пользовались в своей пропагандистской работе преимущественно легальной литературой. Сначала, чтобы заинтересовать и прощупать своих «учеников», мы снабжали их художественной литературой и вели на затрагиваемые в ее произведениях темы наводящие беседы. Мы давали читать обычно следующие «из'ятые книжки»: Швейцера — «Эмма», Шпильгагена — «Один в поле не воин», Войнича — «Овод», Омулевского — «Шаг за шагом», В. Гюго — «93-й год», Эркм. Шатриана — «История одного крестьянина» и т. д.

На второй ступени кружковых занятий, когда пропагандист убеждался, что ученики уже достаточно втянулись в новые для них умственные интересы, что пора перейти к более серьезным темам, — на столе появлялись научно-популярные издания, которых к тому времени на книжный рынок было выпущено тенденциозными издательствами немало. Брошюры эти, легальные по форме и пропущенные цензурой, по содержанию своему были явно рассчитаны именно на нового читателя — рабочего для занятий в кружках подобных нашим. Это были, напр.: Кудрявского — «Как люди жили в старину», Свидерского — «Труд и капитал», Якова Пасынкова (Радина Л. П.) — «Простое слово о мудреной науке», Водовозовой — серия брошюр на тему: «как живут англичане, немцы» и т. д., Куприяновой—«Как боролись бельгийские рабочие», некоторые биографии из Павленковской библиотеки (Лассаль и т. п.). Задолго до того, как вошли в наш обиход нелегальные издания Каутского («Эконом. теория» Маркса, «Эрфуртская программа» и др. изд.), мы бегло проходили со своими «учениками» элементарный курс политической экономии, историю классовой борьбы и зачатки естествознания,

---

[1] «Первый с'езд», стр. 10.

не углубляясь особенно в теорию [1]. Впрочем, я лично, пользуясь нелегальной библиотекой брата, еще в бытность гимназистом, перевел с польского на русский Дикштейна «Кто чем живет», Вильг. Либкнехта «От обороны к нападению», «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и др., и эти брошюры в рукописных списках ходили по рукам товарищей [2] еще раньше, чем они были изданы за границей и переправлены в Россию. Но это, конечно, не могло заменить нам печатных нелегальных изданий, которые имелись у нас в большом количестве на польском языке, но могли быть распространены только среди некоторой части киевских пролетариев. Упомянутые книги раздавались на дом, а потом обсуждались совместно. Главное содержание наших занятий поэтому составляли устные беседы на научные и политические темы, начиная от теории мироздания и дарвинизма и кончая историей революционного движения и программой социал-демократии. Высший и последний курс—чтение выдержек из «Эрфуртской программы» и об'яснения к ним. Из пропагандистов всех киевских групп надлежит кроме вышеперечисленных руководителей каждой из них, принимавших также зачастую непосредственное участие и в кружковых занятиях, из с.-д. молодежи отметить — М. Г. Гурского, К. И. Шуляковского, Л. Заливского, Я. Горностайского, А. Д. Рабчевского, М. С. Урицкого, Л. Скаржинского, Б. Э. Шена, П. И. Белсусова, К. П. Василенко, Е. Гуковского и мн. др.

К особым конспиративным ухищрениям при посещении рабочих кварталов на окраинах (Шулявки, Соломенки, Подола, Кудреневки или за Днепром — в Слободке), по крайней мере, до начала 1896 года (первые прокламации), прибегать не было нужды (ни переодеваний, ни накладных усов и т. п. маскировки), т. к. вплоть до конца 1897 года ген. Новицкий не пытался предпринять что-либо для более серьезного наблюдения в рабочих кварталах. Однако, серия забастовок среди подольских ремесленников и портных, происходивших в начале 1896 г., поставила на очередь вопрос, волновавший тогда все с.-д. подполье в разных концах царской России, о переходе киевлян к устной и печатной агитации. Тогда именно под впечатлением стачки петербургских текстилей в январе 1896 г. началось впервые в Киеве печатание прокламаций (сначала в виде анонимных «подметных» «писем товарища» на гектографе) и массовое распространение их, что произвело, как первый опыт, огромную

---

[1] Любопытно сопоставить эту программу с той серьезной теоретической программой, которую проводил в первом киевском с.-д. рабочем кружке д-р Э. Абрамович (см. «Кр. Лет.», 1923 г. № 7). В них сказывается пропасть, разделявшая замкнутость кружков 80-х г. от простора, на который рвались мы.

[2] Об этом, между прочим, упоминает т. Чаров (Л. С. Федорченко) в ст. «Первые шаги с.-д. в Киеве» («Кат. и Ссылка», 1926 г., № 6).

сенсацию в городе. Надо сознаться, к стыду нашему, что «поляки», гордившиеся успехами печатной агитации в Польше, стояли в стороне от этой издательской деятельности «русской группы» и о распространительской работе 1-го Рабочего Комитета (руководимого Ю. Мельниковым) не были даже поставлены в известность. Мы были как бы загипнотизированы идеей углубления сознания пропагандируемых нами рабочих кружков и страхом моментального расконспирирования пролетариев, с таким трудом подготовленных, в случае, если мы пустим их в массовую работу. Потому-то противники тактики Мельникова, Поляка и Эйдельмана перешли тогда (начало 1896 г.) в нашу группу [1]. Однако, потребность в нелегальщине ощущалась сильно, даже в пределах чистой пропаганды, при быстром росте числа кружков, все болезненнее. А ее почти не было. Наша группа была очень этим озабочена. Я еще летом 1895 г., в бытность за границей, свел ценные знакомства благодаря рекомендациям украинских товарищей в Галиции с упоминавшимися выше М. Павликом, Ив. Франком и Витыком, а затем по рекомендации Н. Н. Новикова — в Вене с П. Ф. Теповым и при посредстве Павла Федоровича с В. Д. Перазичем и Ф. Капелюшем. Зимою 1895-6 г. (под новый год) мне удалось провезти корзину нелегальщины из Вильно. Летом 1896 г. мне опять предстояло попасть за границу.

Товарищи по группе предложили мне использовать оказию, чтобы связаться с эмигрантами для планомерного получения от них нелегальной литературы. Знакомство с венскими товарищами было мною использовано. Владимир Давидович Перазич носился как раз в это время (1896 г.) с планом организации систематических транспортов литературы через радзивиловскую границу при помощи т. Капелюша, однопроцессника т. Стеклова по одесскому делу. Он был выслан в качестве иностранца из пределов России в Австрию. Будучи уроженцем пограничного галицийского местечка «Броды», Капелюш знал в среде контрабандистов людей, на которых он мог, казалось, рассчитывать. Первым должен был проехать с транспортом заграничных изданий сам Владимир Давидович [2]. Однако, литература не прибыла во-время на границу и ждать дольше не было возможности. А так как главной задачей В. Д. было пробраться нелегально в Россию для подпольной работы, то он решил отка-

---

[1] В. М. Сапежко возразил лично автору, будто он, В. М., разойдясь с «русской» группой, примкнул не к нам, а к «союзникам» (к польским с.-д. группы Богуцкого). Мне, однако, помнится, что он вернулся в нашу организацию вместе с М. С. Урицким и Л. Скаржинским.

[2] Сообщено В. Д. Перазичем лично автору. Подробно об этом переходе через галицийскую границу и работе в Вильно В. Д. рассказывает в «Кр. Лет.», 1923 г.

заться от плана захватить с собою транспорт литературы. Надо было скорее ехать в наиболее оживленный тогда центр с.-д. работы, в Вильно. Потом В. Д. переехал с рекомендациями П. Ф. Теплова в Пензу, «натурализовался» здесь по «настоящему» документу принимающего православие еврея Солодухи и под этим именем работал подпольно в Иваново-Вознесенске. Будучи выбран на 1-й С'езд делегатом, т. «Солодуха» только случайно не попал в Минск, но все-таки был арестован по большому Мартовскому делу и сослан на 8 лет в Якутскую область под тем же именем подлинного «Солодухи». По словам Б. Л. Эйдельмана, новоизбранный в Минске ЦК решил кооптировать в свою среду В. Д. Перазича — «Солодуху».

Транспорт литературы, подготовленный для В. Д., взялся доставить в Вильно австрийский с.-д. доктор Анзельм Мозлер, уроженец г. Бучача в Галиции. Он должен был проехать легально в качестве туриста, следующего на выставку в Нижнем Новгороде. Благополучно миновав опасную пограничную полосу, с чемоданами на полках, д-р Мозлер должен был написать т. Капелюшу об этом в Броды. Третьим должен был, по договору с контрабандистами, следовать я. За отсутствием надежного пункта для постоянного склада переправляемой контрабандистами литературы на русской стороне приходилось прибегать к кустарному способу, оказавшемуся чреватым неожиданными последствиями. И Мозлер, и я должны были получить чемоданы с запретными изданиями на ходу поезда, как говорится, с рук на руки. Однако, весь этот план оказался пустой комедией, которую разыграли галицийские контрабандисты за хорошую мзду, полученную от радзивиловских жандармов. Но ведь и мы заплатили им немало. При отправке В. Д. Перазича и д-ра А. Мозлера я не присутствовал и только со слов В. Д. знаю, что в Бродах еврей-контрабандист выманил от него за переправу все, что у него было, оставивши только сумму, необходимую на билет до Вильно. То же произвел он и со мной. Когда В. Д. Перазич и д-р А. Мозлер проследовали благополучно и об этом сообщили Капелюшу письмами (последний из Здолбунова или дальше), пришла моя очередь. Я по вызову явился в Броды и попал в цепкие лапы жадного контрабандиста. Никогда не забуду этого наглого суб'екта, который сначала обобрал, а затем предал нас (т.-е. меня и ранее, как оказалось, Мозлера). Он вымогал у меня и получил прибавку, чтобы затем подороже продать меня жандармскому ротмистру в Радзивилове и получить, таким образом, с обеих сторон хороший куш. Пока мы торговались, поезд ушел со ст. Броды, и я вынужден был отдать последние гроши, чтобы поспеть во-время за переправленными вперед чемоданами в Дубно (в двух станциях от Радзивилова). Пришлось нанять подводу и скакать через границу на лошадях.

По условленному знаку мне должны были внести чемодан с контрабандой прямо в вагон и при том в видах безопасности подальше от границы. Все было выполнено в точности. Получив литературу на руки и не обнаружив никакого наблюдения, я спокойно продолжал путь, и только в Здолбунове, где была пересадка, обнаружилось гнусное предательство. Меня внезапно окружила целая свора рослых жандармов, которые, скрутив назад руки, потребовали почему-то сдачи оружия (которого у меня, конечно, не было). Только тут я понял, что попал самым нелепым образом в западню. Я был доставлен в Киев — в хорошо известный киевским подпольщикам «Старокиевский участок» (на углу б. Житомирской и Десятинной). Там же помещалось тогда губернское жандармское управление. Арестованных обыкновенно для удобства, особенно для ночных допросов, держали в первое время здесь же в участке, рядом с пожарными сараями, в полутемных сырых казематах — «секретках», в абсолютной изоляции. Только после первого допроса более серьезных из арестованных отправляли в тюремный «Замок» на Лукьяновке. По иронии судьбы он помещался недалеко от революционной мастерской-школы Ю. Д. Мельникова, по Б. Дорогожицкой ул. В тюрьме этой арестованные всегда испытывали огромное облегчение после отвратительного режима в «Старокиевском» застенке [1].

Меня принял очень «приветливо» тюремщик, также хорошо памятный многим из киевских старожилов — переодетый сыщик — жандарм со странной фамилией «Бибус» (на семинарской ломаной латыни это значило — «пьяница»). Старый провокатор охотно брался передавать на волю записки и направлял их, конечно, от доверчивых арестантов по начальству [2]. Так как подлец-контрабандист вымапил у меня все мои деньги, а вещей я не брал, чтобы конспиративнее провезти чемоданы с нелегальщиной (под видом вещей), то в «секретке» Бибуса я оказался «яко наг, яко благ», — без денег, без смены белья и без постели, и должен был целый месяц кормить клопов и вшей, без свиданий, без передачи, без книг. Вдобавок в этом застенке не полагалось и прогулок. Я пытался перестукиваться — это был первый мой опыт, и единственное, что мне удалось узнать через толстую каменную стену, несмотря на

---

[1] Удачно изображена обстановка жандармского застенка и физиономии киевских жандармов в восп. П. Л. Тучапского «Из пережитого», стр. 19—47.

[2] По словам покойного т. Арк. Самойлова, также начавшего свою революционную карьеру в Киеве, в этом застенке «Бибус» спровоцировал и его предложением передать на волю письма, а потом выдал его. К счастью, приготовленные на волю письма не скомпрометировали никого, но эта история наделала в тюремном мире немало шума.

слежку Бибуса, что фамилия моего соседа «Злинченко» [1]. Его я никогда и после не встречал. Но этот мой случайный соузник, кажется, теперь в Москве. Бибус очень радушно передавал мне для писем бумагу и перья и направлял все мои письма к моему следователю — штабс-ротмистру Гаргопе для просмотра. Этот типичный «Держиморда» выделялся даже среди сотрудников ген. Новицкого своей феноменальной ограниченностью и невежеством. Иудушка-Бибус с неизменной улыбочкой ежедневно сулил мне скорый ответ от родных и свиданье и исподтишка следил за мной через волчок. Так монотонно и впроголодь шли дни на одной баланде, в полном безделье... Наконец, родные узнали о моем пребывании в Киеве. Это случилось ровно через месяц, так как жандармы почему-то не хотели предать огласке мой арест. Они ждали, что за вторым транспортом последует еще третий и хранили все в большом секрете в надежде на новую жертву... и вот мне дали, наконец, свидание и перепра-вили на желанную Лукьяновку, которая после опостылевшего Старокиевского застенка показалась мне комфортабельной гости-ницей. Только здесь я понял все. Рядом со мной сидел первый наш транспортер — д-р Мозлер, которого, оказывается, почему-то, несмотря на предательство, оставили в покое чуть ли не до самого Казатина и только перед Киевом, в пути, на полном ходу поезда, в вагоне арестовали с поличным. Заключенных тогда было немного. Во всем политическом корпусе (мужском) был нами заполнен только один коридор (первый этаж). Режим, однако, был довольно суровый, — именно потому, что нас было мало: камеры стояли на запоре, и мы днем сносились че-рез уголовных и только после вечерней поверки можно было досыта наговориться через волчки. Правда, неугомонный т. Юве-налий был слышен во всех камерах и был нашим коноводом и политическим руководителем. Душою коридора был остро-умный д-р Мозлер, доводивший нас до слез своими шутками на ломаном галицко-польско-русском диалекте. Он, бедняга, поплатился за свое иностранное подданство хуже меня. В то время, как меня, продержав полгода, через год выслали на север, д-ра Мозлера продержали 1½ года в предварительном заклю-чении, а затем заключили на 1 год в «Кресты». Таким образом, за 2½ пуда нелегальщины неудачливый мой коллега заплатил ровно 2½ годами одиночки.

Наиболее любопытная из моих лукьяновских встреч со ста-рыми товарищами—с т. Ювеналием—описана уже выше, потому я повторяться не буду. Выйдя в январе 1897 г. почти одновре-менно с т. Мельниковым из Лукьяновки, я нашел на воле массу

---

[2] Только через четверть века я встретил эту фамилию в числе литерату-рных и партийных имен.

перемен. Оживление, наблюдавшееся с начала 1896 г. и усилившееся к концу его в пролетарской части Киева, понудило наших товарищей — всех без исключения наших групп, на ряду с радикальным пересмотром тактики (переход к агитации), сдвинуть с мертвой точки вопрос о слиянии всех групп и одиночек воедино — в единый по питерскому образцу «Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это же заставило гр. «Рабочее Дело» приступить к постановке типографии. Еще в 1896 г. налажен был федеративный центр с целью взаимной информации и для согласования действий (в особо исключительных случаях: маевка, забастовки и в марте 1897 г. первая в Киеве демонстрация «ветровская»). Однако, он не обладал большими полномочиями и был изрядной говорильней, в которой все наши «генералы» здесь обычно заседали (от польских с.-д. В. Л. Богуцкий и К. А. Петрусевич, иногда П. Г. Полонский, от польских социалистов — Ст. Калиновский, М. С. Урицкий или В. М. Сапежко, от русской группы Б. Л. Эйдельман и П. Л. Тучапский или Н. А. Вигдорчик) и теряли бездну времени, и при том совершенно непроизводительно. Говорильня эта становилась тормозом в работе, назревала потребность в полной централизации нашего подполья.

Теперь жизнь заставила поспешить. Весною 1897 г. разыгрались совсем неожиданно по всей городской России события, известные под именем «ветровских демонстраций» — когда молодежь, главным образом студенческая, в знак протеста против самоубийства с.-р. Ветровой в Петропавловской крепости (она сожгла себя — по каким-то невыясненным доселе причинам) устроила в Питере и др. городах уличные шествия с похоронными песнопениями. Происходило это в первых числах марта. То же ожидалось и в Киеве (в середине марта). Как раз в это время созвана была в Киеве общерусская (неудавшаяся) конференция для подготовки I С'езда (названная из конспиративных соображений по-латыни «коллоквиум», т.-е. собеседование). Она поневоле занялась вопросом о надвигавшихся по поводу самоубийства Ветровой событиях. В виду неподготовленности киевских пролетариев к первому выступлению на улице (с.-р. издали прокламации с призывом в этом духе), а главное, в виду организационных затруднений (созыв С'езда), наш с.-д. центр издал свою прокламацию с призывом повременить. События эти, впрочем, подробно были описаны в главе 4-ой. Информационный центр, однако, не сумел удержать в руках свою публику, директивы остались невыполненными.

По инициативе «коллоквиума», состоявшегося 18/19 марта 1897 г., все с.-д. организации теперь были переименованы в местные «союзы борьбы», в том числе и Киевский, и в него влились, таким образом, все три наши группы и некоторые «одиночки».

Образовалась довольно солидная единая организация, насчитывавшая несколько десятков вполне сформировавшихся и деятельных революционеров-социал-демократов с большим количеством периферийных, вспомогательных кружков и многочисленной рабочей организацией, разветвленной по всем мастерским и заводам (главные ж.-д. мастерские (Соломенка), пароходные мастерские, Арсенал (Печерск), завод Гретера (Шулявка), Доната (Южно-Рус.), Степановская и т. д.). Возникший таким путем об'единенный Киевский «Союз борьбы» был зимою 1897/8 г. наиболее солидной и стабильной в царской России подпольной организацией, так как петербургские и московские с.-д. группы подвергались беспрерывным провалам. Вполне естественно поэтому, что именно киевляне смогли взять в свои руки организацию С'езда партии в Минске и справились с этой задачей вполне удовлетворительно. Среди периферийных с.-д. кружков надлежит особо отметить упоминаемые т.т. Луначарским «Великий Переворот» и К. П. Василенко [1] «рефератные» кружки. Дело это было поручено мне. Об'единение групп, с'экономившее наши силы, в то же время дало нам возможность об'единить и планировать большую, распыленную до тех пор, работу по вовлечению в нашу орбиту интеллигентских, особенно «земляческих» (студенческих), кружков. Наиболее ценны были рефератные кружки, сформировавшиеся из землячеств: крымского, новгород-северского, черниговского, лубенского, из польского «кола». Другие мною, за давностью, забыты. Теоретические и довольно талантливые силы имелись налицо. Приглашены были для чтения рефератов по всем важнейшим пунктам с.-д. программы, обществоведения и истории лучшие научные работники. Здесь были: по истории Евг. В. Тарле, по государствоведению и политич. партиям Запада — Вас. Вас. Водовозов, по материалистической философии и экономике Ник. Ал. Бердяев и Д. С. Логвинский, а также наезжавший эпизодически А. В. Луначарский. По вопросам программы и тактики выступали чаще всего П. Л. Тучапский, К. А. Петрусевич, А. Д. Рабчевский и мн. др. Рефераты эти вошли в порядок дня киевской общественности и даже после арестов, разразившихся в марте 1898 г., они продолжали привлекать значительное количество интересующейся марксизмом молодежи, вплоть до ареста почти сотни слушателей, поплатившихся за присутствие на известном реферате А. В. Луначарского (весною 1889 г.) [2] «Об

---

[1] «Четверть века назад», «Былое», 1925, № 27/28.

[2] За реферат о творчестве Ибсена и по делу Московского Комитета РС-ДРП А. Луначарский был сослан в Вологодскую губ. (см. его воспоминания, а также воспоминания В. В. Водовозова — «Генерал Новицкий». «Былое», 1917 г., № 5/6).

Ибсене». В числе постоянных оппонентов-народников на них выступал часто, а иногда и с самостоятельными докладами лидер киевских сторонников Н. К. Михайловского и видный сотрудник «Русск. Богатства» Марк Борисович Ратнер, в дальнейшем крупный адвокат и деятель первой революции, стоявший во главе движения 1905 г. в Киеве вместе с т. Шлихтером (умер до войны в Питере).

По свидетельству многих товарищей эти «рефератные кружки», в которые вливались целые студенческие землячества, сыграли огромную роль, подготовив новые кадры деятелей к дальнейшим крупным событиям (студенческие забастовки 1899-1901 г.г., политич. демонстрации 1901-1902 г.г., летние события 1903 г. и, наконец, 1905 г. в Киеве). Упомянутые раньше нами товарищи сыграли весьма активную роль в работе над этими кружками, состоя в то же время активными участниками непосредственной работы в пролетарской среде.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ.

ОБЩЕРУССКАЯ РАБОТА.

I. Год подготовки Минского С'езда (1897 г.). Группа «Рабочее Дело» и «Киевский Союз борьбы». «Рабочая Газета» — один из элементов строящейся партии. Тайная типография. Накануне С'езда.

Только в конце 1896 г. Тучапский, еще в начале 90-х годов перешедший в стан марксистов, получил, наконец, право жить в Киеве и становится членом русской с.-д. организации, именовавшей в это время себя группой «Рабочее Дело».

«Группа состояла, — рассказываст Павел Лукич [1], — из небольшого количества интеллигентов, среди которых особенно выделялся Б. Л. Эйдельман. Б. Л. отличался в те времена своей силой воли, неутомимой энергией и большой требовательностью к себе и другим в том, что касалось нашей работы. Преданность нашему делу была чрезвычайна: он только для него и жил. Немудрено поэтому, что Б.. Л. имел громадное влияние на группу «Р. Д.», а фактически являлся ее главою».

«Из других членов группы упомяну о Н. А. Вигдорчике, чрезвычайно талантливом авторе листков и газетных статей во «Вперед» и брошюры «Как министры заботятся о рабочих» (о министре Витте)... Как раз ко времени моего вступления группа решила соединить пропаганду с агитацией, т.-е. кружковую работу с выпуском листков к рабочим... по всяким волновавшим их вопросам»... Именно по инициативе этой группы — или точнее ее главы Б. Л. Эйдельмана — и было созвано с.-д. совещание («коллоквиум»), состоявшееся в марте 1897 г. «Коллоквиум» заложил первые кирпичи намечаемого здания партии, предложив всем местным с.-д. группам называться именем авторитетнейшей тогда организации — действовавшего в Питере «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Появление тождественной подписи на листках местных организаций было явным

---

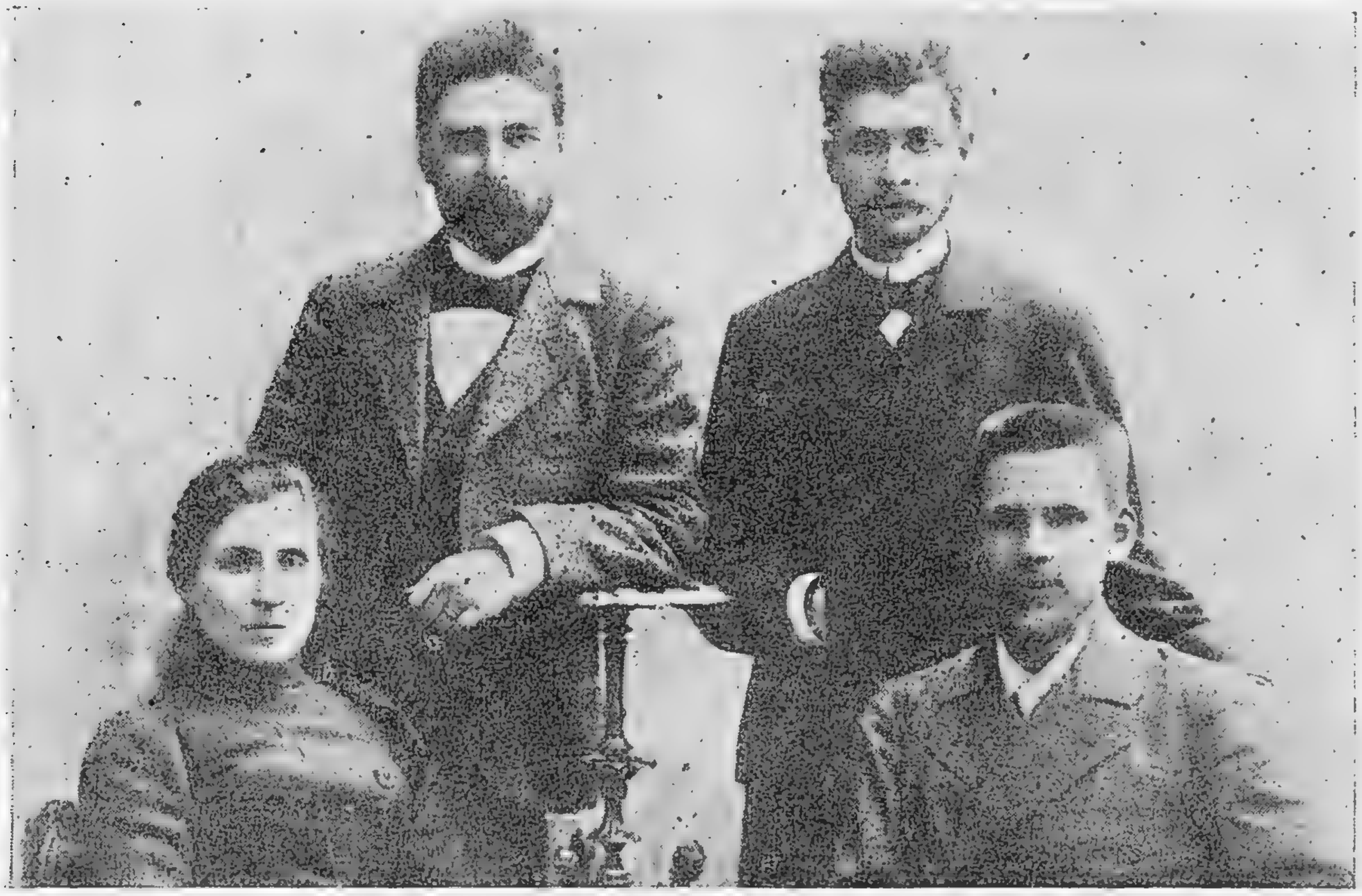
[1] «Из пережитого». Стр. 56.

симптомом развивавшегося в недрах местных групп и кружков процесса об'единения. Фактически оно реализовалось и другими, неофициальными путями в порядке завязывания и укрепления оживленных личных сношений с деятелями иногородних организаций — пролетариями и интеллигентами. Образчиком тех стихийно и стремительно разраставшихся междугородних личных связей, которые были прочнейшей основой налаживавшегося об'единения с.-д. групп, может служить та сеть наладившихся между пролетариями Литвы, Белоруссии и Украины связей, которая изображена в статье А. Д. Поляка [1]. Высылаемые или скрывающиеся от преследований полиции товарищи пролетарии и интеллигенты, а равно с'езжающиеся из разных мест студенты высших учебных заведений были теми естественными проводниками стихийно назревавшего об'единения, которое становилось все более настоятельной исторической необходимостью. Киев в этом отношении был особенно заманчив: сюда легче было по полицейским условиям попасть поднадзорному, здесь по тем же причинам дышалось свободнее, и потому подпольные организации были долговечнее, накапливали больше необходимого для такого важного дела, как строительство партии, конспиративного и организационного опыта, чем какая-либо другая современная им тайная организация. Такие энергичные деятели, как А. Д. Поляк и Б. Л. Эйдельман, были идеальными организаторами. Они личными усилиями укрепили и умножили те персональные естественные связи, которые оставались до их вмешательства мало использованными. Наконец, еще одна мысль, высказанная вскользь Б. Л. Эйдельманом. Киев — город со слабо развитыми промышленностью и пролетариатом (в 1897 г. около 65 тыс. человек, включая ремесленников) не был ареной крупных классовых конфликтов и стоял как бы в стороне от большой дороги революционных схваток с самодержавием. В то время, как Питер и Москва, с их огромными кадрами промышленного пролетариата, поглощали до отказа все наличные силы подпольных с.-д. организаций, когда ведшая с последними отчаянную борьбу тайная царская полиция довела свой аппарат в столицах до последней степени совершенства (зубатовщина), киевские подпольщики были поставлены, что подтверждено прокламацией Киевского Комитета в дни юбилея ген. Новицкого, в исключительно благоприятные условия. Располагая крупными силами, недостаточно загруженными местной практической работой и не подвергаясь систематическим поголовным арестам, практиковавшимися в столицах, киевские с.-д. занимали особо выгодное положение и имели все шансы взять в свои руки инициативу об'единения. Первой попыткой оформить налажи-

---

[1] «Кат. и Ссылка», 1928 г., № 3.

вавшееся сближение разрозненных, кустарно работавших групп и было киевское с.-д. совещание 17 марта 1897 г., предложившее местным организациям в виде предварительной меры принять тождественное имя «Союзов борьбы». Кроме того, «коллоквиум», состоявшийся за год до Минского С'езда, вынес еще два очень важных постановления: он поручал Киевской организации



Стоят (слева—направо): Павел Лукич Тучапский и Альберт Давидович Поляк. Сидят: Вера Григорьевна Крыжановская-Тучапская и Казимир Адамович Петрусевич. Накануне ссылки (апрель 1900 г.)

создать общерусский литературный орган и созвать учредительный с'езд. В момент консолидации всех киевских групп в единый «Союз борьбы» я находился под неотступным надзором полиции и потому, как недавно выпущенный из тюрьмы и в ожидании приговора, запачканный слежкой, в общих заседаниях Союза и в конспиративных предприятиях его участия принимать не мог. Я поддерживал связи и вел работу только среди интеллигенции. Отсылаю интересующихся этим важным моментом пред-с'ездовской работы киевлян к рассказу главы киевского «Союза борьбы» Б. Л. Эйдельмана [1]. «Союз» сейчас же после слияния всех групп стал готовиться к выпуску майской прокламации,

---

[1] «Первый С'езд». Стр. 22—31.

выделил особую группу для издания общерусского органа («Рабочая Газета») и приступил к продолжению издания на мимеографе своего местного органа «Вперед» (с № 3-го) [1]. Благодаря об'единению всех сил агитационная деятельность «Союза» в 1897 году быстро разрослась и приняла очень широкие размеры. Она достаточно освещена историками I С'езда [2] и киевского с.-д. движения. Было выпущено на протяжении одного только года (до мартовских арестов 1898 года) около трех десятков прокламаций с крупным тиражем; печатались, кроме «Вперед», брошюры, созывались систематические «массовки» (в «Голосеевском» лесу, близ Демиевки). Киевский «Союз», осуществляя директиву «коллоквиума», фактически становился уже сам центром в общерусском масштабе: напечатанная в новой тайной типографии, поставленной А. Д. Поляком (в самом Киеве), первомайская прокламация и получаемая из заграницы нелегальная литература распространялись киевлянами по всему югу.

В виду повторявшихся неоднократно упреков Киевскому «Союзу Борьбы» в урезанности лозунгов и даже в замалчивании политических лозунгов на многочисленных его местных прокламациях предс'ездовского периода, я позволю себе привести слова покойного Тучапского, одного из авторитетнейших руководителей движения на юге, отнюдь не могущего быть заподозренным в «экономизме» и тому подобных уклонах.

«В своем тактическом подходе к рабочим массам мы руководились здравым педагогическим правилом: от известного к неизвестному, от более доступного к менее доступному. Вследствие этого в наших прокламациях, обращенных к не затронутым еще нашей пропагандой и агитацией рабочим слоям, мы касались прежде всего экономической стороны положения рабочих, а затем переходили к освещению стороны политической. Если в столкновения между хозяевами и рабочими вмешивалась полиция или более высокое начальство, что случалось нередко, это давало рабочим наглядный политический урок, который мы, конечно, не упускали подробно об'яснить и обобщить. Таким образом, это не был «экономизм», это не было даже применение преслову-тої теории «стадий», несколько позже проповедывавшейся на страницах заграничного «Рабочего Дела» Кричевским, Акимовым-Махновцем и др. Если конкретные условия давали возможность немедленно связывать «политику» с «экономикой» в наших воззваниях, мы это и делали, не ожидая, пока рабочие пройдут «экономическую» стадию развития. Мы только не хотели, чтобы фразы о необходимости политической свободы были пустыми фразами, лишенными жизненного содержания»...

---

[1] № 2 «Вперед» перепечатан в № 12 «Пролет. Рев.» за 1927 г.

[2] Там же, а также Акимов-Махновец—«Первый с'езд», «Минувшие годы», 1908 г., № 1—2, а равно Манилов «Летопись Революции», 1923 г., № 3—6.

Аргументация П. Л. Тучапского, мне думается, неотразима, и всякие толки об «экономических» уклонах киевлян-девятидесятников, организаторов Минского учредительного С'езда, должны быть совершенно отвергнуты. Для выполнения постановления «коллоквиума» о созыве С'езда была выделена из «Союза борьбы» в виду особой конспиративности и важности этого предприятия группа, организовавшая в то же время проектируемый общерусский орган под названием группы «Рабочей Газеты»[1].

«Мы решили, — вспоминает об этом моменте Павел Лукич [2], — главным образом, Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик, поставить нашими силами общую для всех с.-д. организаций общепартийную, можно сказать, газету. Дело было трудное, но зато газета могла сделать очень много для создания партии, которого мы все так страстно желали».

Для этого необходимо было поставить надлежаще оборудованную тайную типографию. Многое, впрочем, было сделано уже раньше, еще в бытность в Киеве Ювеналия Дмитриевича (до первого его ареста) [3]. Шрифт частями добывал А. Д. Поляк, наборщик по профессии, в типографиях по месту службы. Рамы для верстки и зажима набранного шрифта сделал собственноручно Ювеналий Дмитриевич. Касса для набора в виде ящика для красок была сделана киевским столяром, членом рабочего комитета Зборовичем. Другие части приобретены легально. Все оборудование было заготовлено только к моменту печатания № 1 «Р. Г.». Когда пришло время приступить к работе, — приближалось 1 мая 1897 года, — поставить типографию и работать в ней взялся сам А. Д. Поляк [4]. Подходящее помещение имелось. Еще задолго до этого «Вперед» печатался на мимеографе в квартире активной участницы всех с.-д. предприятий в Киеве — зубного врача Софии Владимировны Померанц-Перазич. Кабинет С. В. помещался на одной из наиболее людных улиц, в бойкой части города «Подола» (на углу Константиновской ул. и Нижнего Вала). С. В. Померанц предложила свою квартиру и для типографии. «Действительно, — вспоминает С. В., — квартира моя была как бы специально приспособлена для конспиративных целей: дом, заселенный густо сверху до низу, выходил на две улицы, внизу магазины... В дом все время входила и выходила самая разнокалиберная публика...

---

[1] Подробности об этой группе и газете у Б. Л. Эйдельмана — «Первый с'езд», стр. 42—53.

[2] Там же, стр. 63.

[3] Воспоминания М. С. Мельниковой. «Кат. и Сс.», 1926 г., № 4.

[4] Подробное описание постановки киевской типографии см. в ст. А. Д. Поляка («Каторга и Ссылка», 1926 г., № 4). Кроме того, описание условий работы в ней см. в ст. С. В. Перазич («Крас. Лет.», 1923 г., № 7).

К тому же я сама была вольнопрактикующим зубным врачом, к которому могли заходить в любое время «пациенты». Понемногу к С. В. стали сносить шрифт и части типографского оборудования...

В момент, когда надо было срочно печатать майскую прокламацию, многих существенных принадлежностей еще не имелось, но А. Д. Поляк с помощью примитивных приспособлений сумел вместе с С. В. набрать и напечатать достаточное количество безукоризненных технически майских прокламаций от имени новосозданного «Союза борьбы». Это было первым и очень знаменательным выступлением «С. Б.». Летом приступили к печатанию № 1 «Р. Г.».

«При печатании № 1 мне помогал Борис Львович, — рассказывает А. Д. Поляк, — единственный человек, который тогда имел доступ в квартиру С. В. Если Эйдельману почему-либо нельзя было приходить, то его заменяла Софья Владимировна... Работая по 16 часов в день, мне удалось в течение 24 дней выпустить первый номер, состоявший из 16 страниц писчей бумаги. По его окончании мне пришлось из Киева уехать... В ноябре я получил в Одессе через Бориса Эдуардовича Шена телеграмму, извещавшую меня о том, что второй номер «Р. Г.» готов, и я могу приехать и приступить к печатанию. № 2 был уже гораздо об'емистее № 1, но публика стала немного более «дерзка»: было разрешено приходить в типографию Константину Прокофьевичу Василенко, который регулярно приходил помогать нам»... Условия работы Альберта Давидовича, жившего целыми неделями и месяцами каким-то «схимником», запертым в темном чулане, в крайне негигиенических условиях, пока набирались и печатались первый и второй номера «Р. Г.», очередные прокламации или брошюры, были невыносимы: «типография помещалась в небольшой полутемной комнате, — рассказывает С. В. Померанц, — с окном на лестницу, ведущую на чердак. Окно было наглухо закрыто куском плотного непромокаемого кретона и завешено двойной занавеской, вентиляции и электричества не было, весь день горела керосиновая лампа. Воздух освежался в ней только через дверь, ведущую в мой кабинет, в часы, когда у меня не было приема и в кабинет не могла войти прислуга. Прислуге, преданной мне девушке, я сказала, что у меня поселился родственник, у которого только что умерли отец и мать, что он в большом горе, и сам болен и к нему нельзя ходить [1]. Пока печатался № 1, т. Поляк не выходил даже вечером на прогулку, так как жил он у меня без прописки. Набор он делал сам, а печатать помогал ему Константин Прокофьевич Василенко.

---

[1] По еврейскому закону родственники умершего обязаны были известный срок безвыходно сидеть в своем доме.

Для брошюровки и обрезывания у нас был переплетный пресс, эту работу мы выполняли с Петром Ильичем Белоусовым» (который также жил у С. В.).

Этот аскетический режим, которому добровольно подверг себя Альберт Давидович, несколько смягчился при печатании № 2 «Р. Г.»: описанные условия сильно отразились на легких А. Д. — и потому, когда он в третий раз поселился у С. В., она настояла, чтобы т. Поляк выходил по вечерам на воздух, и приняла меры к улучшению его питания. Печатание длилось долго, так как 2-ой номер был гораздо об'емистее. На этот раз брошюровка и обрезка «Р. Г.» производились в другом месте, на даче у Е. А. Чарномской, под Киевом [1]. Первый № печатался в августе, второй — в декабре 1897 г. Появление «Р. Г.» в разных концах страны, и при том почти одновременно, произвело огромную сенсацию. В Питер «Р. Г.» отвезла сама С. В., в Москву — А. А. Иогансон. Предполагалось пустить ее в столицах в обращение раньше других городов. Третий номер «Р. Г.», самый блестящий и интересный, не вышел в свет, так как типография, переведенная в видах конспирации в Екатеринослав, была там выслежена зубатовскими агентами и арестована 11 марта 1898 г. А. Д. Поляк с двумя помощниками был захвачен в плен. Но это случилось лишь через 7 месяцев после выхода первого номера. Когда он был распространен, деп. полиции забил тревогу — предприняты были чрезвычайные меры к обнаружению местонахождения опасной типографии. Описанию поисков ее посвящена следующая глава. Между тем, киевляне, не взирая на учрежденное за ними неотступное наблюдение, продолжали энергично готовиться к намеченному С'езду.

«Группа «Р. Г.», — продолжает свои замечательные воспоминания П. Л. Тучапский [2], — вошла в сношения со всеми известными ей тогда с.-д. организациями... и здесь главную тяжесть работы взял на себя Б. Л. Эйдельман.

Он об'езжал главные центры с.-д. работы, вступал в переговоры с местными организациями... К этому (осень 1897 г.) времени организуется «Бунд», и Б. Л. ведет сношения относительно С'езда уже с ЦК «Бунда», что, впрочем, не было сношениями с новыми людьми, так как в ЦК вошли наиболее активные деятели виленской группы, давно уже хорошо знакомые Б. Л. В Екатеринославе происходит об'единение местных с.-д. групп, благодаря приехавшему туда члену киевского «С. Б.» — К. А. Петрусевичу. Екатеринославская организация также принимает имя «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». То же — в Москве. Уже одно это тождество названий показывает приближающееся

---

[1] См. восп. П. Г. Полонского. «Кат. и Ссылка», 1928 г., № 3.
[2] См. «Из пережитого», стр. 64.

создание партии... В декабрьском номере «Р. Г.» уже прямо и недвусмысленно говорится о необходимости об'единения всех разрозненных с.-д. организаций в одну мощную с.-д. партию». Еще два слова о составе редакции «Р.Г.». По словам Б.Л.Эйдельмана[1] это были: Вигдорчик Н. А., Тучапский П. Г., Розенберг Р. В. и Этингер Евгения. Последняя прибыла из-за границы вместе с Теслером осенью 1896 г., кажется, по соглашению между П. Л. Тучапским и заграничным Союзом с.-д.

Адам Дионисьевич Рабчевский (1903 г.)

Павел Лукич в бытность его в Швейцарии в 1897 г. по полномочию «Союза борьбы» вел переговоры с Г. В. Плехановим и др. членами группы «Освобождение Труда» об участии их в «Рабочей Газете». Статья Плеханова должна была появиться тогда в № 3. Сотрудничал, по словам Б. Л., не входя в состав редакции, кроме того «молодой и талантливый» литератор А. Д. Рабчевский. Возможно, что тов. Эйдельман, который был поглощен в то время подготовкой С'езда и отстранился от новых дел, в данном случае несколько ошибается. По словам другого активного и авторитетного работника «Союза борьбы» — П. Г. Полонского[2], входившего от имени поляков в редакционную коллегию «Рабочей Газеты», в состав ее входили, кроме П. Л. Тучапского и Н. А. Вигдорчика, именно он — Полонский, заменявший тогда высланного из Киева Петрусевича, и А. Д. Рабчевский, перу которого принадлежит статья, помещен. в № 1 под заголовком: «Русский капитализм и рабочее движение в России». Весь литературный материал, одобренный редакционной комиссией, в последнюю минуту перед сдачей А. Д. Поляку подвергался окончательной и безапелляционной редакции со стороны Б. Л. Эйдельмана. Содержание двух вышедших номеров (обилие корреспонденций со всех концов царской России) также указывает на обширность связей киевлян с действовавшими тогда с.-д. организациями и является лишним доводом к подтверждению той мысли, что именно киевские социал-демократы

---

[1] «Первый С'езд», стр. 45.
[2] См. «Каторга и Ссылка», 1928 г., № 3.

были в те годы наиболее приспособлены к роли «собирателей» партии. Известны попытки об'единения местных с.-д. групп еще в начале 90-х г.г. (Петербургской группой Бруснева), потом известна попытка Петербургского Союза Борьбы в 1895 г. (поездка Надежды Константиновны Крупской в Полтаву), пресеченная арестом В. И. Ленина и всей петербургской с.-д. группы «стариков». Существует версия, будто аналогичные переговоры, впрочем бесплодные, вел с с.-д. эмиграцией А. Кремер [1] (член Ц. К. «Бунда», якобы по поручению киевлян). Было, повидимому, не мало таких проектов. Идея об'единения носилась в воздухе, но только тогда, когда рабочее движение действительно окрепло (события 1896 и 1897 г.) и создалась неотложная нужда в об'единении разрозненно действующих отрядов его, киевским социал-демократам выпала на долю великая честь привести в исполнение назревавший повсюду план.

II. Минский С'езд.

«Тринадцать лет тому назад, — вспоминает один из основоположников партии, киевлянин Н. А. Вигдорчик [2], — когда мы, горсть восторженных энтузиастов — социал-демократов, отправлялись на первый С'езд русских с.-д. организаций, нам, конечно, не могла притти в голову мысль, что мы совершаем нечто историческое, что спустя много лет к этому С'езду будет проявлен особый интерес, что наши преемники, спустя целое тридесятилетие, живя в совершенно иной обстановке, пожелают знать все подробности этого скромного конспиративного собрания, вошедшего в историю под именем «Первого С'езда» Р. С.-Д. Р. П. Нам не приходило тогда в голову, что этот С'езд действительно окажется колыбелью русской социал-демократической партии, что прокламированная на нем партия окажется не только лозунгом, не только идейным знаменем, но также вполне реальным существом, живым организмом, который начнет быстро расти и крепнуть... Память не сохранила подробностей организационных шагов по подготовке С'езда. Помню, что один из членов группы «Рабочей Газеты» (это был Б. Л. Эйдельман.—*М.*) в январе 1898 г. об'ехал несколько крупнейших городов и заручился согласием местных групп на участие в С'езде. Были посещены: Москва, Петербург, Иваново-Вознесенск и Вильно, как резиденция (еврейского) «Бунда». Место и время С'езда были

---

[1] Сам. А. Кремер это отрицает. См. «Пролет. Рев.», 1922 г., № 11.

[2] Н. А. Вигдорчик любезно разрешил использовать эти лично сообщенные автору воспоминания его.

установлены :позднее путем шифрованной переписки[1]. Безопасное в политическом отношении место было предоставлено нам «Бундом». Это был Минск. В западных городах (в нынешней Белоруссии и Литве.—*М.*) при обширных связях «Бунда» с местным еврейским и христианским населением легче было укрыться от «бдительного ока» охранки, чем где бы то ни было в другом месте[2]. Были приняты все меры предосторожности... делегаты из одного города ехали врозь, при встречах они не узнавали друг друга. С собой, конечно, не брали никаких бумаг: кое-какие заметки зашифрованы в каком-нибудь прейс-куранте или железнодорожном указателе... Наконец, мы приехали. На вокзале в Минске каждого из нас встречал член «Бунда», которого мы узнавали по заранее условленным внешним признакам. После пред'явления пароля мы получали адрес квартиры, где предстояли занятия С'езда. Шли на заседания с величайшей осторожностью. Приходили непременно с разных сторон, в разное время, каждый раз новой дорогой[3]. Помню, как один из делегатов-киевлян, отличавшийся особенной конспиративностью (тов. Эйдельман.—*М.*), перед каждым заседанием, а иногда во время заседания, выходил во двор, чтобы удостовериться, что вокруг дома нет подозрительных фигур. Собрания наши действительно остались покрыты непроницаемой тайной. С'езд длился 3 дня. Участвовало на нем всего девять делегатов — три от «Бунда», по одному от Петербурга, Москвы, Екатеринослава и Киева и два от группы «Рабочей Газеты». Какова была программа С'езда? Увы—память и здесь сохранила лишь обрывки прошлого.

---

[1] По словам Софьи Владимировны Померанц-Перазич — 1/14 марта 1898 года было назначено датой созыва С'езда в ознаменование исторической преемственности, связывавшей партию социал-демократов с партией «Народной Воли» (см. «Кр. Лет.»., 1923 г., № 7).

[2] Как видно будет из дальнейшего изложения, это «бдительное око» все-таки ухитрилось проникнуть в самый Минск в непрекращавшейся ни на минуту, начиная с осени 1897 г., погоне за такими крупными «лидерами наблюдения», как Б. Л. Эйдельман и его друзья, которые оказались в то же время (о чем, конечно, не знали ретивые ищейки) и делегатами, участниками тщательно законспирированного партийного С'езда. Сыщики, встревоженные таким, повидимому, не случайным совпадением, наличием нескольких видных подпольщиков в небольшом городке, снеслись с начальством, прося подмоги, но она запоздала, и делегаты раз'ехались благополучно по домам.

[3] Евгения Адольфовна Гурвич, которая по поручению т. Ал. Кремера (члена Ц. К. «Бунда» и делегата С'езда) подыскивала конспиративное помещение для последнего, рассказывает («Каторга и Ссылка», 1928, № 3), что для С'езда были подготовлены 2 квартиры: одна у П. П. Румянцева, по Захарьевской ул. (ныне — Советской, № 133), для вечерних заседаний, другая — на Троицкой горе, по Георгиевской ул. — у сестер Ломанских — для утренних. Особенно удобной к конспиративном отношении была первая — за рекой.

Первый день ушел на сообщения с мест: столько-то членов организации, столько-то выпущено листков, столько-то распространено брошюр, есть мимеограф, есть связи на стольких заводах [1]. Имелось в виду дать одно название всем разрозненным с.-д. группам, связать их между собой несколько прочнее, чем имело место до того времени, а главное водрузить знамя с.-д. партии, которое импонировало бы и друзьям, и врагам. После сообщений с мест С'езд, если не ошибаюсь, перешел к вопросу о тактике. Выяснилась полная солидарность членов С'езда в вопросе о пропаганде и агитации — в духе киевской тактики широкой агитации. На местах в то время еще не закончилась борьба между двумя направлениями, так называемым «экономическим» и «политическим» направлением. Но на С'езде «экономическое» направление не имело сильных представителей. На С'езде постановление о необходимости самой широкой агитации было принято без возражений. В манифесте партии эта точка зрения была потом выдвинута с полной определенностью. «Русский пролетариат, — гласил манифест, — сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма» [2].

Дополняю описание открытия С'езда воспоминаниями другого (киевского) делегата П. Л. Тучапского [3].

«Накануне официального открытия наших заседаний мы собрались для дружеской беседы в квартире Глеба (бундовского делегата — Мучника). Настроение у нас было прекрасное: мы чувствовали, что собирасмся сделать великое дело, и все были воодушевлены желанием сделать его возможно лучше. На другой день, 1-го марта, в 10 час. утра открылся С'езд. Впрочем, такое торжественное выражение («открылся») совсем неуместно. Собрались мы в небольшой комнате, было всего 9 человек: бундовцы — Александр (Кремер), Глеб (Мучник) и Исаак (Кац), от «Рабочей Газеты» — Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик, от Петербургского Союза — Степан (Сергей Радченко), от Москвы — А. Ванновский, от Екатеринослава — К. А. Петрусевич и от Киева — я. Решительно никаких формальностей, никакой официальности... Не только «президиума», но и председателя формально не было выбрано. Не формальным председателем в нужных случаях был Б. Л. Эйдельман. Секретарем я предложил выбрать Н. А. Вигдорчика; на помощь к нему присоединили и меня. Впрочем, протоколов мы не вели, из конспиративных со-

---

[1] Повидимому, тов. Вигдорчик ошибся: доклады с мест и организационные вопросы вместе с выборами Ц.К. происходили в последний день.

[2] Трудно поверить, что автором этого исторического документа был будущий лидер кадетов, ныне вождь белой эмиграции П. Б. Струве, а тогда редактор легальных марксистских журналов — «Новое Слово» и «Начало».

[3] «Из пережитого», стр. 66—71.

ображенiй. Решили записывать только постановления. Работа несмотря на отсутствие формального председателя велась дружно и деловито. Прежде всего (после информации с мест) решен был вопрос о необходимости создания партии. Разумеется, разногласий в ответе не было: иначе и зачем бы мы приезжали на С'езд. Несколько больше времени ушло на определение названия партии».

«Возникли прения по вопросу о том, как назвать партию, — пишет тов. Н. А. Вигдорчик — «русская» или «российская»... Просто «социал-демократическая» или с прибавлением слова «рабочая». Чтобы название не имело ни малейшего националистического оттенка, выбрали название «Российская». Кажется, тов. Петрусевич и представители «Бунда» возражали против названия «русская», так как оно может быть понято как синоним слова «великорусская».

«В том смысле высказался и я, — добавляет П. Л. Тучапский, — так как я всегда стоял за об'единение всего пролетариата всей России, но на основе полного равноправия, без предоставления какой-либо части рабочего класса преобладающего значения».

«Название партии «социал-демократическая», конечно, не встретило возражений».

«Было предложено также включить в название партии «рабочая», но это предложение собрало только 4 голоса из 9. Слово «рабочая» было включено позже, при составлении «Манифеста», с согласия 2-х членов Ц. К., оставшихся не арестованными после С'езда».

«Противники предложения исходили из нежелания создавать фикцию: в партию пока входило очень незначительное число рабочих».

«Последним актом С'езда, — заканчивает Н. А. Вигдорчик, — было избрание Центрального Комитета — в него вошли три члена, в том числе один от «Бунда» (Александр Кремер), второй — от Петербургского Союза борьбы (Степан» — Сергей Радченко) и третий от группы «Рабочей Газеты» — Б. Л. Эйдельман».

«Во избежание давления центра, — можно дополнить организационную часть работ С'езда словами П. Л. Тучапского, — на местные организации, которые должны были принять название «Комитетов» партии, было постановлено, что Комитеты в местных делах вполне автономны и даже имеют право не исполнять постановлений Ц. К., однако, выясняя каждый раз причину неисполнения. «Бунд» в частности признавался автономной организацией в делах, касающихся еврейского пролетариата».

«Рабочую Газету» было решено сделать общепартийным органом, поручивши дело ее издания Ц. К-ту.

«Поднят был затем вопрос об отношении партии к заграничному «Союзу русских с.-д.» во главе с группой «Освобождения Труда», было решено предложить «Союзу» стать заграничным Комитетом партии и войти с ним в тесное общение».

«Я предложил просить Г. В. Плеханова составить программу партии вместе с торжественной декларацией о ее возникновении. Однако, это предложение было отклонено; только петербургский делегат заявил, что у них в Петербурге есть возможность это сделать без таких затруднений, какие неизбежны при сношениях с заграницей»[1].

«Оказалось, что мы имели в виду разные вещи: я разумел именно программу, а «Степан» и др. — «Манифест». Этим и закончились занятия С'езда».

«Вечером 9 марта мы все собрались на прощальную вечеринку перед от'ездом. Настроение у всех было приподнятое: мы чувствовали и сознавали, что положили начало великому делу об'единения рабочего класса всей России в борьбе за светлое будущее, за социализм.

«Скромный ужин, с пивом, сопровождался искренними тостами, пожеланиями успеха в дальнейшей борьбе:

— Пусть вновь созданная партия не будет мертворожденным детищем... — вот один из тостов, который в сущности был содержанием и всех остальных».

«В заключение этого вечера я напомнил товарищам, что в 1898 г. оканчивается 15-летие со дня выхода в свет брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», положившей идейное начало русской социал-демократии, и предложил послать Георгию Валентиновичу наше приветствие. Предложение это было, конечно, принято».

Мы знаем, что в ближайшие после С'езда дни по всему югу России и даже в центре произошли массовые аресты. Зубатов, отнюдь не предполагая захватить делегатов оставшегося неизвестным ему С'езда или задержать членов Центрального Комитета первого состава, произвел настоящий погром среди социал-демократов совсем по другим основаниям. В центре наблюдения стояли с осени 1897 г. возглавлявшие организацию общерусской «Рабочей Газеты» и ее типографию т.т. Б. Л. Эйдельман и А. Д. Поляк, в дальнейшем под наблюдение были взяты все соприкасавшиеся с ними, как киевляне, так и иногородние подпольщики. А когда обнаружилось, что подпольные работники начинают раз'езжаться и могут скрыться от наблюдения и опять перебросить типографию в другое более безопасное место, произведена была по заранее составленному, разра-

---

[1] Т. Радченко имел в виду именно П. Б. Струве, которому было поручено двумя оставшимися на воле членами Ц. К. составить манифест.

ботанному стратегически плану, одновременная ликвидация всех южных и даже некоторых столичных и центральных организаций. Из девяти делегатов С'езда были арестованы, и то только по случайному совпадению их функций, только четверо. Показательно, что из них трое были киевляне, из коих двое взяты вне Киева — Б. Л. Эйдельман и К. А. Петрусевич [1] в Екатеринославе; были взяты у себя дома только П. Л. Тучапский в Киеве и один москвич (Ал. Ванновский). Из троих членов только что образовавшегося Ц. К. был арестован только один Б. Л. Эйдельман. Оставшиеся на воле Степан Иванович Радченко и Александр Кремер не замедлили привести в исполнение важнейшее решение С'езда — составить и обнародовать декларацию («манифест») об образовании «Российской Социал-демократической Рабочей Партии» и об основных ее принципах. Так как привести в исполнение это решение С'езда было поручено С. И. Радченко, то он немедленно по прибытии в Питер снесся с П. Б. Струве. Манифест был составлен в духе преподанных ему С'ездом и Ц. К. директив (после С'езда в Минске состоялось несколько совещаний Ц. К-та) и сдан Александром Кремером в типографию «Бунда» для напечатания. Манифест был распространен повсюду и произвел огромное впечатление. Аресты не остановили движения, они только на время приостановили осуществление некоторых намеченных С'ездом практических мероприятий. «Хотя и не было партийного аппарата, — заканчивает свои предсмертные воспоминания П. Л. Тучапский (он умер в Киеве от неизлечимой болезни сердца 4 июля 1922 г.), — но одно имя партии об'единяло разрозненные до тех пор организации. Они уже не чувствовали себя чем-то отдельным, слабым — они сознавали, что они часть великого целого, и потому первый С'езд партии по праву считается начальным моментом ее существования. И я с радостью и гордостью вспоминаю о том, что был его участником». Такой же бодростью и твердой уверенностью в торжестве идей, провозглашенных Манифестом Учредительного С'езда партии, звучат заключительные строки воспоминаний второго из цитируемых мною делегатов Минского С'езда. Н. А. Вигдорчик возвращался со С'езда вместе с московским делегатом А. Ванновским.

«Ехали в одном поезде. Утомившись от конспирации, мы позволили себе роскошь и в нарушение всех правил сели рядом и шептались до глубокой ночи. — Неужели мы доживем когда-

---

[1] Вопреки сообщениям Е. А. Гурвич («Кат. и Ссылка», № 3, 1928 г.) и Б. Л. Эйдельмана («Огонек», 1928, 14/III, № 11) — К. А. Петрусевич, проживающий и поныне в родной Белоруссии (Вильно), занимается там адвокатурой и продолжает вести политические защиты: в настоящее время он, например, стоит во главе защиты в известном политическом процессе «Белорусской громады» (Тарашкевича и др.).

либо до политической свободы в России? — спрашивал меня мой собеседник (самый юный из делегатов.—*М.*).

— Конечно, — отвечал я с глубоким убеждением: с одной стороны, неизбежные финансовые затруднения царского правительства, с другой — возрастающее недовольство буржуазии, далее аграрное движение, а в авангарде всего — пролетариат.

«Вера в торжество идей научного социализма, под знаменем которого собирался первый С'езд русской социал-демократии, выдержала все испытания. Мы состарились, но она осталась юной и прекрасной. И то, что теперь, тридцать лет спустя, мы так тщательно собираем воспоминания о первом С'езде; то, что каждая историческая черточка, извлеченная из забвения, встречает такой широкий интерес; то, что наше скромное Минское совещание не только не предано забвению, но, напротив, стало теперь казаться более важным и значительным, чем считали его мы сами в то время, — это окружает нашу юношескую веру, которой мы тогда были преисполнены, новым ореолом веры и величия. Счастливо поколение, которое на закате жизни может поклониться своему прошлому».

Т. Натан и теперь, через 30 лет, нашел слова, которыми сумел с талантливой, искренней форме воздать должное основоположникам партии. Ведь его перу принадлежали в описываемое время лучшие произведения нелегальной печати в нашем киевском подполье.

Поколение 90-х годов, охваченное новой идеологией, выдвинуло сотни и тысячи борцов, шедших под новым знаменем — международной социал-демократии — в пролетарскую среду. Тюрьмы и ссылка заполнились апологетами нового учения. Когда первые отряды их вернулись на волю (начало XX века), дело, начатое минскими делегатами, получило новый толчок. Созданная В. И. Лениным совместно с патриархом русской соц.-демократии Г. В. Плехановым и друг. вождями «Искра» блестяще выполнила задачу, впервые намеченную «Рабочей Газетой» — строительство партии. Процесс восстановления партии завершился только через 5 лет, когда был созван второй С'езд Р. С.-Д. Р. П., в августе 1903 года, происходивший на этот раз в обстановке более безопасной, за границей, где Зубатовы и Зволянские были бессильны.

III. Поиски южной типографии и разгром с.-д. организаций.

Массовые аресты, разрушившие в марте 1898 г. все южные организации с.-д. и сопровождавшиеся захватом тайной типографии первого общепартийного органа («Рабочая Газета») в Екатеринославе, первое время ставились в связь с этим С'ездом. Эта точка зрения давно отвергнута. Однако, вопрос об источнике

информации, наведшей Зубатова на след «Рабочей Газеты» и ее организаторов, и по сей день оставался открытым. Я попытаюсь осветить этот вопрос на основании материалов, любезно сообщенных одним из б. сотрудников «Р. Г.» т. А. А. Иогансоном, и данными, впервые публикуемыми известным разоблачителем А. Е. Серебряковой и др. опасных провокаторов Л. Меньщиковым. Кроме некоторых указаний, разбросанных в I томе интереснейшего труда Л. Меньщикова «Охрана и Революция» (вышел в издании Общества политкаторжан в 1926 г.), много ценного материала на эту тему можно найти и во II томе того же издания, выходящем в свет в ближайшем будущем. Я позволил себе сделать из корректурного экземпляра II тома небольшие выдержки, иллюстрирующие и подтверждающие точку зрения автора настоящей статьи. Интересующихся обстановкой, в которой подготовлялся и происходил С'езд, отсылаю к первоисточнику— к названному труду Л. Меньщикова. С'езд, происходивший в Минске, при наружном наблюдении зубатовских агентов, неотступно и здесь следивших за главными его деятелями, остался, однако, нераскрытым; тайна его была впервые разглашена только первым Ц. К., издавшим вскоре «Манифест Р. С.-Д. Р. П.» с приложенными к нему решениями С'езда. Зубатов впервые о нем узнал из показаний А. Ванновского. Лишь в январе 1899 г. знаменитый глава московской охранки, прославившийся обнаружением местопребывания типографии первого с.-д. общепартийного органа (а затем летом того же года — раскрытием еврейского «Бунда», главари которого были взяты под наблюдение, по утверждению Л. Меньщикова, в Минске в период занятий 1-го С'езда), сообщает своему шефу Ратаеву о Минском С'езде в выражениях, которые свидетельствуют о все еще продолжающейся неосведомленности его об обстановке и участниках С'езда.

«По имеющимся вполне официальным сведениям, — повествует Зубатов, — С'езд представителей некоторых местных революционных организаций, провозгласивший об'единение их под общим названием Р. С.-Д. Р. П., состоялся в Минске 1—2 марта мин. года. Семь (?) членов, присутствовавших на С'езде, были: привлеченный уже к делу Борис Эйдельман (представитель от группы, изд. «Рабочую Газету»), Абрам Мытник (Мутник) и Арон Кремер (от общееврейского Союза («Бунда») в России и Польше), Казимир Петрусевич (от Екатеринослава), Александр Ванновский (от Москвы), один от Минской с.-д. группы (?) и одно лицо осталось неарестованным. Общие собрания участников С'езда происходили, по всей вероятности (!), в одном из домов по Захаржевской ул. (действительно, С'езд происходил в кв. Румянцева на названной ул. *М.)*... Инициатива С'езда и руководство его занятиями, повидимому (!), принадлежали учредителю и организатору С'езда рабочих организаций Б. Эйдельману»...

Автор письма не отмечает, что бундовцы, члены С'езда (Мутник и Кремер), были арестованы значительно позже (летом 1898 г.) по совершенно другому делу («Бунда»), Зубатов почти через год после С'езда не имеет представления о том, что на С'езде было не семь, а девять делегатов, что на нем представлена была важнейшая с.-д. организация: Петербургский «Союз борьбы» — в лице С. И. Радченко и Киевский «Союз борьбы» — в лице П. Л. Тучапского. Не знает он также, что на С'езде присутствовал еще третий бундовец Ш. Кац и второй представитель «Рабочей Газеты» Н. А. Вигдорчик, хотя последний был вновь взят под наблюдение в том же Минске — в дни С'езда. Последний был арестован значительно позже, вне всякой связи со С'ездом. Занятно рассказывает Л. Меньщиков, как зубатовские сыщики (целых три), с'ехавшиеся в Минск, в начале марта вместе с преследуемыми ими участниками С'езда (Эйдельманом, Вигдорчиком и Тучапским) взяли здесь впервые под наблюдение бундовцев Мутника и Кремера и как они забили тревогу, почуяв недоброс. Они пронюхали верхним чутьем настоящих ищеек запах крупной дичи и поспешили затребовать от шефа подмоги. Департамент полиции только 7 марта, когда все участники С'езда уже раз'ехались и были на местах, телеграфировал Зубатову: «Тучапский, Эйдельман, Вигдорчик находятся в Минске. Нужда в филерах. Командируйте немедленно помощь». Наличные силы сыщиков не справились с таким небывалым скоплением крупных подпольщиков в провинциальном городке, не разобрались в происходивших па их глазах событиях и С'езд проворонили. Обратиться же к содействию местных жандармов они не имели права.

Располагая лишь агентурой для наружного наблюдения, Зубатов не мог проникнуть в тайну, окутывавшую собрания, происходившие, по его догадке, на Захаржевской улице. Между тем, С'езд был сорганизован Б. Л. Эйдельманом весьма конспиративно, и без «внутреннего освещения», без центральной провокации он не мог быть раскрыт никем. По компетентному заключению Л. Меньщикова, «следует отдать справедливость, что с внутренней стороны конспирация при созыве Минского С'езда была соблюдена образцово».

Однако, все меры предосторожности, соблюденные при созыве С'езда, не уберегли отдельных его участников, и притом крупнейших (Эйдельмана, Тучапского и Петрусевича, — из остальных шести был арестован тогда только московский делегат А. Ванновский), от ареста десятью днями позже.

«Ликвидация» выслеженной тем временем типографии «Рабочей Газеты» и взятых под тщательное наблюдение с начала 1898 г. южно-русских с.-д. групп фатально совпала с состоявшимся накануне ее С'ездом. 11-го и 12-го марта 1898 г. по всей

России были произведены на основании агентурных сводок, доставленных Зубатовым, массовые аресты и обыски, захватившие, если не ошибаюсь, около 600 лиц.

Налаженному, казалось, об'единению всех с.-д. организаций нанесен был тяжелый удар. Чем об'яснить случившееся? Как удалось Зубатову напасть на важные следы? Как организовала московская охранка наружное наблюдение, давшее ей такие блестящие результаты? При полном отсутствии «осведомителя» в центре с.-д. организации (в Петербурге и др. крупных пунктах; зараженная провокацией Москва не в счет) Зубатов должен был применить героические средства сыска. Он пустил в ход своих лучших агентов.

Шпионская честь Зубатова была задета неуловимостью типографии, печатавшей «Рабочую Газету» и общерусские майские прокламации. Он был заинтригован и добивался особых полномочий — изловить преступную организацию, печатавшую эти с.-д. издания. По словам Меньщикова, Зубатов долго, но тщетно разыскивал тайную типографию повсюду — на Волге (Саратов), в центре (Калуга) и на юге (Киев), прибегая к услугам знаменитого Гуровича (поездка некоей Кременецкой весною 1897 года в Киев в сопровождении зубатовских филеров). Несмотря на это, все усилия были безрезультатны.

Однако, настойчивый шеф московских охранников не успокоился и продолжал поиски путей, по которым с.-д. издания из разыскиваемой типографии проникали в Москву.

Сообщенные А. А. Иогансоном данные, особенно при сопоставлении их с материалами и выводами, публикуемыми Л. Меньщиковым, приводят автора к заключению, что эти пути были обнаружены Зубатовым при помощи московских секретных сотрудников, что именно они привели его в конце-концов к дверям конспиративной квартиры А. Д. Поляка в Екатеринославе. Прежнее предположение, будто решающую роль в раскрытии типографии и ликвидации южных с.-д. организаций сыграл секретный сотрудник Одесского жандармского управления машинист Гандер, должно быть отвергнуто. Роль Гандера гораздо скромнее. Нитью, по которой Зубатову удалось добраться до центра южных организаций и выследить последние, были оживленные сношения, особенно участившиеся с августа 1897 года, между Москвою и Киевом при посредстве А. А. Иогансона. Кто же из секретных сотрудников Зубатова навел его на этот опасный след? Можно делать разные догадки. Одна из таких догадок связывает мартовскую ликвидацию с именем пресловутой «мамаши» зубатовской охранки А. Е. Серебряковой. Я имел случай лично посещать эту сотрудницу Зубатова в те годы, когда она была вне всяких подозрений и находилась в зените своей общественной деятельности — в 1899 и 1900 г.г., каждый раз с по-

ручениями от Л. П. Радина, с которым мы были вместе в ссылке. Я не только привозил ей письма с какими-то конспиративными поручениями, но и ночевал у нее на квартире (Смоленский бульвар, д. Мишке). В то же время я посещал и семью П. В. Луначарского. Серебрякова пользовалась безграничным доверием Л. П. Радина как в бытность его в Москве, так и в ссылке. Равным образом она пользовалась доверием и П. В. Луначарского и многих других видных с.-д. Л. П. получал от Серебряковой систематически запечатанные в переплетах книг номера «Рабочей Мысли» и др. нелегальщину, получал через нее и денежную помощь (от Кр. Креста) и был с нею в переписке. Все это, вместе взятое, не могло не внушать к последней полного доверия. На меня она производила впечатление человека нашего круга, весьма близко стоявшего к партийной организации. Поэтому неудивительно, что окружавшие ее и сочувствующие партии элементы, находившиеся на периферии и так или иначе попадавшие в сферу связей московской организации с провинцией, — в том числе с Киевом и с «Рабочей Газетой», — могли совершенно добросовестно и бессознательно давать всевидящей и вездесущей приятельнице Зубатова материал, вполне достаточный для того, чтобы последний получил возможность напасть, наконец, на роковой для партии след.

Разоблачения Л. Меньщикова в связи с рассказом посредника между Москвою и Киевом т. А. А. Иогансона дают нам очень ценный материал для постановки вопроса о первопричинах и первоисточниках мартовского провала на определенные рельсы.

Начну с обстоятельств сближения А. А. Иогансона с киевлянами, чтобы ввести читателей в круг событий, разворачивающихся вокруг поездок его из Москвы в Киев и обратно. Тов. Иогансон, убежденный марксист и социал-демократ, личный друг, школьный и университетский товарищ известного политического защитника Н. К. Муравьева, уроженец г. Смоленска, был слушателем юридического факультета Московского университета в 1892—1894 г.г. В 1895 г. он был в числе других с.-д. выслан в административном порядке из Москвы и жил под надзором полиции в Калуге в обществе ряда видных в то время социал-демократов (Середа, Чернышев, Дубровинский и др.). В 1896 г., по отбытии гласного надзора, т. И. получил разрешение держать выпускной экзамен в Киевском университете. В Киеве он прожил около года, готовясь к экзаменам, и за это время сошелся с жившим в то время там и видным уже тогда с.-д. т. О. Ауссемом, а также и с членами русской с.-д. группы, возглавлявшейся Б. Л. Эйдельманом и называвшейся тогда группой «Рабочее Дело». В 1897 г. гр. «Раб. Дело» преобразовалась в группу «Раб. Газеты» и приступила к ее изданию. Тов. Иогансон оказывал ценные услуги этой организации и был приглашен давать ей

московскую информацию. Летом 1897 г. т. Иогансон имел в кармане диплом юриста и в августе вернулся в Москву, рассчитывая заняться общественной деятельностью в составе новообразовавшегося кружка политических защитников, старых его друзей: Н. К. Муравьева, П. Н. Малянтовича и Н. В. Тесленко. Тогда именно вышел в Киеве № 1 «Рабочей Газеты» (помечен августом). Иогансон захватил с собою десяток номеров еще не обсохшей подпольной газеты, чтобы показать москвичам эту сенсационную новинку. По прибытии в Москву он поселился вместе с Н. К. Муравьевым, а экземпляры «Рабочей Газеты» передал целиком своей хорошей знакомой, пользовавшейся полным доверием революционной публики, Лидии Павловне Кранихфельд, так как сам он с революционной публикой в Москве после долгого отсутствия никаких связей непосредственно не поддерживал. Сам же, выполняя обещание, данное редакционной группе «Рабочей Газеты», т. Иогансон засел вместе с Н. К. Муравьевым за обработку московского материала для следующего, декабрьского (№ 2), номера. Личные дела заставили, однако, т. Иогансона вернуться в Киев на короткое время, и он, захватив с собою материал для газеты, поехал туда вторично. Это происходило все в том же августе. С этого момента т. Иогансон впервые обнаружил во время пребывания в Киеве отчаянную слежку и с большим трудом (не каждый раз) избавлялся от преследования филеров. Вскоре т. Иогансону удалось покинуть Киев. Он опять захватил с собою полтора десятка №№ «Рабочей Газеты», которые вновь передал той же Л. П. Кранихфельд. Теперь тов. Иогансон окончательно поселился в Москве. Однако, и здесь филеры не отставали от него, и слежка, начавшаяся в августе, не давала ему покоя. Он связывал это, не подозревая ничего более серьезного, с неконспиративной обстановкой одной встречи (в трактире) с представителем московской с.-д. группы т. Виктором Ванновским (братом будущего делегата I С'езда Александра В.). Это предположение противоречит филерским сводкам и может быть исключено из дальнейшей цепи событий, чрезвычайно важных для установления очага провокации.

В декабре тем временем выходит № 2 «Рабочей Газеты» и начинается подготовка I С'езда Б. Л. Эйдельманом, что вызывает усиленные раз'езды его. Организуется также перемещение тайной типографии из Киева в Екатеринослав, сопряженное с частыми поездками А. Д. Поляка.

25 декабря 1897 г. в Москву приезжает жена Иогансона и совершенно неожиданно для него привозит целый транспорт декабрьского (№ 2) «Рабочей Газеты». Эта новость очень смутила тов. Иогансона, так как он заметил именно в день приезда жены назойливую слежку за своей квартирой. Надо было спасать ценную нелегальщину и себя. Как только жена приехала с корзиной

на квартиру, всю «Рабочую Газету» нагрузил на себя Н. К. Муравьев, обмотал вокруг туловища, обвязал ее шпагатом и, одевши просторное пальто, вынес из квартиры. Ровно через час охранники, очевидно хорошо осведомленные кто, что, откуда и куда везет, нагрянули к Иогансонам и Муравьеву и после тщательного обыска ушли несолоно хлебавши. После этого неудачного налета наблюдение за Иогансоном и Муравьевым еще более усиливается. Тов. Иогансон тогда не подозревал, что за Кранихфельд, которой он передавал «Рабочую Газету», сильно следят, но у него зародились одно время подозрения, не повинна ли в готовившейся для «Рабочей Газеты» западне ее близкая знакомая М. Н. Курнатовская, которой Кранихфельд могла проболтаться, от кого она получает «Рабочую Газету» (действительно, как видно будет далее, Курнатовская была близка с Серебряковой).

Вскоре после этого обыска прибыл в Москву повидаться с тов. Иогансоном сам Б. Л. Эйдельман, но, не заставши его дома, отправился к нему на службу, в земскую управу. Узнав об установленном охранниками наблюдении за Иогансоном и Муравьевым и их квартирой, тов. Эйдельман спешит по совету Иогансона замести следы, проскользнув через проходные галлереи Верхних торговых рядов и, повидимому, достигает на время своей цели. Это было в январе, а 11 марта 1898 г. тов. А. А. Иогансон и Н. К. Муравьев были арестованы одновременно с Эйдельманом и сотнями других членов с.-д. организации.

Тов. Иогансон дает еще одно важное для интересующей нас загадки указание. Зубатов, дважды допрашивавший его самолично, и приезжавший из Киева следователь из жандармского управления, желая уличить Иогансона в сношениях с тов. Эйдельманом, пред'являли ему сводки филеров, следовавших за ним из Москвы. Впервые таким образом московские филеры начали следить за ним только с момента второй, т.-е. августовской, поездки Иогансона в Киев. Эта дата, проливающая яркий свет на московский источник информации, которая побудила Зубатова начать поиски в киевском направлении, подтверждается также официальным документом — докладом генерала В. Д. Новицкого киевскому генерал-губернатору, поданным им за две недели до мартовских арестов (20 февраля 1898 г.): ...«с начала осени минувшего года под непосредственным руководством г. директора департамента полиции (С. Э. Зволянского) производится розыск по выяснению существующей на юге России обширной организации... затрагивающей в немалой степени и Киев [1]».

Таким образом и рассказом тов. Иогансона и докладом Новицкого устанавливается, что розыск, поведший к захвату типогра-

---

[1] «Путь революции», Киев, ст. Манилова, стр. 69.

фии, начался с августа (с начала осени) 1897 г. и шел из центра или из Москвы, или из Петербурга из департамента полиции.

Перейдем к документам, сообщаемым Л. П. Меньщиковым.

Прежде всего чрезвычайно существенны выдержки из письма Зубатова своему шефу Сергею Эрастовичу Зволянскому, датированного 29 сентября 1897 г. Он информирует начальство о ходе розысков, о своих предположениях и дает очень ценные сведения о той лаборатории и планах сыска, которые им были составлены вокруг этого дела. ...«В то время, как мы всецело были погружены в выяснение типографских источников «Рабочей Газеты», у Ш (куры) появляется 16 сентября неизвестный—Середа. ...22 сентября Дубровинский уезжает в Калугу и останавливается у Середы. Устанавливается в Калуге наблюдение, которое и продолжается до сей минуты. Вместе с сим стало известно, что через неделю выйдет № 2 «Рабочей Газеты» и что он приедет к 1 октября»...

Зубатов разработал целый стратегический план окружения неприятеля. Он не мог дольше бездействовать. Зубатов добился от департамента полиции чрезвычайных полномочий на производство розыска по всей российской территории, не стесняясь границами губерний и областей. Охота началась, как пояснено выше, с августа 1897 г. Зубатов спустил в погоню за т.т. Иогансоном, Поляком, Эйдельманом, Тучапским, Петрусевичем и др. интересовавшими его подпольщиками целую свору сыщиков. Погоня за ними и поиски типографии продолжались таким образом свыше полугода. По словам Л. Меньщикова (т. II, гл. I), Зубатов выделил из состава подчиненных ему сыщиков пять наиболее одаренных охотничьим собачьим нюхом ищеек, возглавлявшихся некиим Сачковым-Ершовым, которые под именем «летучего отряда филеров» производили по всему югу и северо-западу секретные наблюдения без ведома и согласия местных розыскных и жандармских властей... Доносить обо всем «летучие» обязаны были «по-начальству» в Москву, где их дневники обрабатывались охранным отделением и затем отправлялись в центр на распоряжение департамента полиции. Наконец, ликвидация розыска летучего отряда не могла производиться местными жандармскими охранными властями без участия и руководства специально командируемых сотрудников Московской охранки.

Вышеуказанные обобщения вполне совпадают с информацией, даваемой таким знатоком таин Московской охранки, как цитируемый автор (т. II, гл. II), и его выводами.

«В поисках южной типографии Моск. охран. отделение предприняло наблюдение за А. А. Иогансоном, жившим весной 1897 г. в Киеве»,—повторяет Л. Меньщиков.

В Киеве Иогансон сошелся и, повидимому, нередко встречался, как мы уже видели выше, с главою организации. Б. Л. Эйдель-

маном, в котором ищейки Зубатова сразу учуяли крупную добычу.

«Конспиратор, за которого ухватились «летучие», — продолжает Л. Меньщиков, — был Эйдельман, игравший в Киевской с.-д. организации выдающуюся роль».

Затем следует изложение агентурных сводок, дающих яркое представление о том, какую бешеную энергию развила зубатовская пятерка «летучих» филеров в погоне за Эйдельманом и Поляком, чтобы, начиная с ноября, удержать их под своим наблюдением и информировать своего шефа о всех передвижениях и связях этих лиц и всех, кто с ними был связан. Действие происходит в Киеве, Одессе, Екатеринославе. Сводки дают весьма красноречивую корректуру работы преследуемых и преследователей.

«3 ноября 1897 г. Эйдельмана (в Киеве) посетил Поляк, накануне приехавший из Одессы. Поляк покинул Гомель 15 декабря, побывав в Киеве, а 30 декабря прибыл в Одессу. 2 января 1898 г. он снова в Киеве, где видится с Белоусовым, Плетатом и др. 7 января Поляк направляется в Екатеринослав, где он останавливается в гостинице «Париж». 10 января Поляк имел ряд свиданий с М. В. Орловым, М. К. Душкан, И. В. Виленским, Х. Гельфандом, Г. И. Рабинович, от которой 25 января взята Ф. И. Пружинина, имевшая на следующий день свидание с Орловым. Последний 27 января сошелся с И. Х. Лалаянцем».

Тут начинаются события, которые должны были навести проницательных сыщиков на первые следы перенесенной А. Д. Поляком из Киева в Екатеринослав типографии.

«28 января Душкан купил краски и пр. принадлежности в лавке Немировского. 29 января Виленский отвез к себе чемодан, взятый у Поляка. Орлов купил несколько дестей писчей бумаги. 30 января посетил П. Ш. Буникину (там временно хранилась типография. *М.)*. 3 февраля Поляк уехал в Николаев. Проводили его Пружинина и И. Соколовский. 6 февраля Поляк выехал в Киев, где виделся с Софьей Померанц (в квартире ее, в Киеве, на Подоле, эта же типография помещалась на протяжении всей второй половины 1897 г., но только на новом месте — в Екатеринославе она попала в поле зрения Зубатова и его ищеек. *М.)*, С. Литвин, С. Х. Ливпиц и С. Коссовским. 8 февраля Виленский принес домой корзину и коробку. 9 февраля Душкан имел свидание с М. Г. Гуревич. 16 февраля Поляк возвратился в Екатеринослав и свиделся с Душкан, Виленским и Орловым. С последним он пошел к К. А. Петрусевичу. На следующий день он посетил Р. Цейтлин. 19 февраля Поляк имел свидание в городской библиотеке с Пружининой, Гельфанд, Рабинович и Виленским. 20 февраля он посетил писчебумажный магазин и типографию Шпарберга, где получил работу.

23 февраля приехал в Екатеринослав Эйдельман, который на след. день увиделся с Орловым и в тот же день выехал в Харьков (на С'езд в Минск. *М.)*.

26 и 27 февраля состоялось свидание Поляка с Петрусевичем, Орловым, Душкан, Гельфандом и Виленским.

Последний купил ручную сумку, а на следующий день унес домой в мешке четырехугольный предмет, настолько тяжелый, что вынужден был отдыхать на углу Ульяновской улицы...

2 марта Виленский сделал покупки в аптекарском магазине и в лавке старого железа. 3, 5 и 7 марта носился с сумкою, забирал тяжести у Душкан, в типографии Шпарберга и в др. местах. Относил все домой.

8 марта приехал Эйдельман (очевидно, после С'езда. *М.*). Остановился опять в гостинице «Берлин», назвался Абрамовым. Виделся с Орловым и Левиной, с которой на следующий день поселился в гост. «Эрмитаж». Его посетили Виленский и Орлов.

10 марта прибыл из Киева (через Харьков) Петрусевич, имевший тяжелый чемодан»...

В высшей степени любопытно сопоставить с этим сухим, бесстрастным документом, удостоверяющим как неотступно, шаг за шагом следовали по пятам за всеми нашими южными товарищами в самый разгар их подпольной работы зубатовские агенты, рассказ одного из главных персонажей этого состязания сыщиков и революционеров А. Д. Поляка. Организатор типографии рассказывает, как за ним увязались сыщики на новом месте: «Встретившись в Екатеринославе с Виленским и Моисеем Душканом (Гальпериным), мы наняли квартиру и поселили там Виленского. Я только приходил работать. Комната была небольшая, в первом этаже, совершенно изолированная. Но в Екатеринославе за нами началась слежка. В один прекрасный день мы заметили непрошенных гостей на тротуаре около нашего окна. Как раз в это время мы были все трое дома. Необходимо было уйти оттуда. Но как уйти с таким багажом, когда два шпика маршируют друг другу навстречу по тротуару? И мы решили сделать следующее: Душкан возьмет грязное белье, завернутое в бумагу под мышку, и пойдет, стараясь увлечь за собою шпиков, а мы с Виленским уберем все из квартиры. Шпики на эту удочку попались. Они ушли за Душканом, не спуская с него глаз. Когда они ушли, мы живо все сложили и, заткнув свертки в карманы и под рубашки, стянутые крепкими поясами, ушли из квартиры. Сначала мы отнесли все это на квартиру к Оле Вольфсон, а к вечеру через Петрусевича достали квартиру акушерки Пружининой, где и поставили все. После этого случая Виленский нашел отдельную квартиру, где мы поселились втроем».

В ночь на 12 марта 1898 г. типография была захвачена. Арестованы сам А. Д. Поляк и его ближайшие помощники — Виленский и Гуревич. Взято было несколько тысяч отпечатанной в этой типографии брошюры Н. Вигдорчика: «Новая победа».

Одновременно были произведены небывалые по своему размаху аресты в самом Киеве, который совершенно справедливо был признан Зубатовым опаснейшим очагом подпольной деятельности социал-демократов. Здесь арестовано было полторы сотни человек. Известный на юге жандармский генерал В. Д. Новицкий, прославившийся еще в 80-х годах поимкой крупных деятелей старой «Народной Воли», после этого почил на лаврах и особой деятельностью себя в 90-х г.г. не проявлял. Но когда Киевом заинтересовался центр, когда сюда стало наезжать начальство из департамента полиции, генерал воспрянул и проявил необычайную энергию. Были арестованы решительно все, когда-либо

числившиеся на подозрении лица. Захвачены были тайный архив с.-д. организации у Е. А. Чарномской и П. Г. Полонского, нелегальная рабочая сходка (с Теслером во главе), масса литературы, два ремингтона и т. п. Генерал Новицкий в порыве восторга телеграфировал Зубатову: «Обнимаю крепко за Ершова (нач. отряда летучих филеров, настоящая фамилия Е. Сачков) и за ваших людей». (Меньщиков, там же).

Таков был финал полицейской охоты, учиненной под руководством самого Зубатова в поисках южной типографии.

Желающие наглядно представить себе обстановку, в которой происходила ликвидация 11-12 марта в Киеве, пусть почитают рассказы старых подпольщиков о разыгравшихся в Киеве сценах назойливой слежки, когда сыщики чуть ли не врывались в квартиры, гонялись на лихачах и создали в городе весьма напряженное настроение. Особо интересны эпизоды обысков у Полонского (Чарномской), Шуляковского, собрания у С. В. Померанц и др. Энергия, проявленная г. Новицким, заставила забыть о его долгой бездеятельности. Достаточно перечитать рассказы С. В. Померанц («Кр. Летопись» 1923 г., № 7), П. Г. Полонского («Кат. и и Ссылка», 1928 г., № 3), К. П. Василенко («Былое», 1924 г., № 27/28), В. В. Водововозова («Былое», 1917 г., № 5-6) и др. киевлян того времени...

Однако, пора вернуться к основной теме настоящей статьи. Справедливо ли предположение, что первоисточником, наведшим Зубатова на столь важные следы, являлась его секретная сотрудница А. Е. Серебрякова?

Дальнейшее изложение, надо полагать, не оставит сомнения в верности этого заключения.

Прежде всего, обратим внимание на собственноручное письмо Зубатова Зволянскому (начало его цитировано выше), полное загадочных намеков и нерасшифрованных кличек, но дающее нам некоторые ценные указания.

«Надо вам заметить, — пишет Зубатов в этом письме Зволянскому (тогда еще недостаточно осведомленный, повидимому, об источнике, из коего вышла «Р. Г.», а, может быть, «втирающий очки» своему начальству до поры до времени), — что 19 числа пошла десятками номеров «Рабочая Газета» (от Шкуры (?)). Совпадение по времени (сентябрь. *М.*) заставило писать вам. что Сенька (?) и Калуга две вещи разные и что газета — дело Калуги. На этом успокаиваемся, — и что же? Через два дня я узнаю, что Сенька с хохотом заявил, что газета — дело их кружка. Какая насмешка и ирония судьбы! Соображаю: в первый приезд Сенька путался с Л[идией] Кр[анихфельд]. Характеристика газеты совпадает с «Раб. Газ.». История с голубой книжкой нисколько не исключает его прикосновенности к «Рабочей Газете», а указывает, что это — одно их издание, а это — другое. Тем более, что это противоречие в глазах лица, видевшего голубенькое издание, и вызвало смех у Сеньки. Значит, думаю, это верно, и это все каверзы Сеньки. Но при чем Калуга? Были сведения, что печатается газета под Москвою, а чего ближе Калуга, Курск, Орел, Тула, Калуга — это среднее кольцо, примыкающее по одной линии к Киеву, а с другой — к Москве. Значит,

думаю, не один ли этот предмет, по с разных точек зрения. Так на этом и остановимся, после вашей справки о Середе.

«Факты схематически таковы: в центре Шкура—Елагины, там был и Дубровинский и Иогансон. Лид[ия] Кр[анихфельд] исключительно конспирирует с Сенькой.

«Иогансон же путается с Л. Кр., Муравьевым и с Кехли... Если прибавить сюда Белевскую — вот и все знакомство его по Москве... Остается ждать привоза № 2. Не попадется ли кто из привозящих транспорты?».

В рассказе тов. Иогансона и в письме Зубатова обращает на себя внимание одна фамилия: Л. П. Кранихфельд; кроме того, первый упоминает о подозрениях, которые вызывала в нем одно время ее подруга М. Н. Курнатовская.

Цитирую еще один рассказ Л. П. Меньщикова, проливающий свет на ту, очевидно, невольную роль, которую сыграли оба эти лица в качестве орудия, которым пользовалась А. Е. Серебрякова («Охрана и Революция», ч. I, 99).

Речь шла об аресте известного эсера-террориста Сабунаева, который пытался связаться с волей и разоблачить провокаторов. Письмо это попало не по адресу, а прямо к Зубатову. Меньщиков цитирует его, сопровождая такими комментариями:

«У политических арестантов, содержавшихся в «Бутырках», существовала тайная почта. Тюремный служитель Федоров передавал их письма на волю. Посредницей в сношениях была М. Н. Курнатовская, которая виделась с Федоровым в квартире своей приятельницы Л. Кранихфельд. Полученные таким образом письма Курнатовская передавала в революционный «Красный Крест». А последним заведывала А. Е. Серебрякова, «мамочка» московской охранки».

В другом месте (стр. 39) Л. П. Меньщиков, упоминая о другой особе, оказавшейся также невольной пособницей Серебряковой, родственнице известного литератора В. Гольцева, рассказывает, что она принадлежала к числу интимных знакомых семьи Серебряковых и совершенно бессознательно играла, как и др. приятельница «мамочки» М. Н. Курнатовская, роль тех «ширм», которыми отгораживалась Серебрякова для отвлечения всяких подозрений в своей шпионской деятельности.

Об упоминаемой в письме к Зволянскому и в рассказе т. Иогансона Л. П. Кранихфельд и ее гостеприимном доме Меньщиков сообщает, на основании имевшихся у охранки данных, также не менее любопытные сведения (стр. 409):

«Л. Кранихфельд, большая приятельница М. Н. Курнатовской, появилась на московском горизонте в начале 1891 г. Квартира ее, по словам Медникова (известного охранника. *М.)*, была «постоялым двором», потому что ежедневно у нее были гости из числа радикальной молодежи (В. Громан, Е. Мягков, Е. Поленов, Н. Ашешов, Ф. Невский и др.). За квартирой Кранихфельд было почти постоянное наблюдение, которое велось, когда она жила в д. Ти-

хомирова, что по Конюшенному пер., из дома, расположенного «визави», в котором поселились филеры Д. Попов и Зайцев. Благодаря тому, что у Кранихфельд долгое время окна совсем не занавешивались, соглядатаи все, что происходило у нее, видели. Об этом, впрочем, было известно и другими путями, иногда до таких мелочей, например, «был Гольцев, пил водку».

Еще о Курнатовской (там же).

«Курнатовская, М. Н., была причастна ко всяким конспирациям и тем не менее оставалась неуязвимой, что многие об'ясняли по наивности (в том числе и тов. Иогансон. *М.)* тем, что она состояла «агентом», не догадываясь, что именно это и требуется охране для прикрытия действительного осведомителя — Серебряковой».

Наконец, еще один документ, устанавливающий, почему Зубатов уделял такое исключительное внимание А. А. Иогансону, невольно ставшему об'ектом для его операций в поисках «Рабочей Газеты». Зубатов пишет 29 октября 1897 г. другому видному деятелю политического сыска Л. А. Ратаеву: «Вашему высокоблагородию известно, что у «старомосковского кружка» имеются две конспиративные квартиры, одна..., и другая в д. Кудрявцева, по Семинарской ул., у Л. П. Кранихфельд. Обе квартиры находятся на расстоянии 5 минут ходу и помещаются в очень глухой местности. С первого своего появления в Москве Александр Иогансон все делает исключительно через Кранихфельд, квартира которой целиком может считаться за его организацией...».

Далее следует рассказ о гонке, учиненной агентами Зубатова за неизвестным, пытавшимся проникнуть в эту квартиру. Его сочли сообщником Иогансона и арестовали на вокзале.

Внимательный анализ всего вышеописанного приводит к заключению, что если 29 сентября 1897 г. Зубатову еще многое не было известно, то после выхода № 2, который он рассчитывал получить, очевидно, через Серебрякову от Кранихфельд или Курнатовской, т.-е. в ноябре — декабре 1897 г., картина уже изменилась. «Летучий отряд» Сачкова-Ершова взял по указанию Серебряковой правильный курс и набрел на истинных организаторов «Рабочей Газеты» и только по счастливой случайности не напал на след 1-го С'езда. Клубок Ариадны разворачивался из Москвы, вывел охранников из лабиринта и привел их к Киеву и Екатеринославу. Но, к величайшей досаде Зубатова, такое крупное событие, как Минский учредительный С'езд, по своему политическому значению неизмеримо превосходивший все другие элементы строящейся партии (включая типографию и редакцию «Рабочей Газеты»), остался вне поля зрения Московской охраны.

Арест части делегатов был совершенно случайным, уцелевшие же члены новоизбранного ЦК (бундовцы, С. И. Радченко и др.)

сумели, несмотря на разгром всех с.-д. организаций, реализовать его постановления.

Остаётся неразрешенной другая версия, усматривающая источник описанного провала в противоположном конце — в Одессе. Дело в том, что в числе лиц, одно время близко стоявших к центральным фигурам описываемых событий — Эйдельману и Поляку, — находился упоминавшийся выше С. Гандер, машинист одесского водопровода, который, как потом выяснилось, стал выдавать своих товарищей после первого своего ареста (по делу Стеклова и др. в 1894 г.) и согласился работать у жанд. ротмистра Ковалевского, заведывавшего розыском, в качестве секретного сотрудника. Ему было многое известно, но ни о местонахождении типографии «Рабочей Газеты», ни о плане С'езда он не имел понятия. Но все-таки конкуренция одесских охранников, грозившая монополии самого Зубатова в деле розыска южной типографии, очень озабочивала последнего. Вот что рассказывает по этому поводу Л. Меньщиков:

«Обнаружение екатеринославской типографии нельзя приписать исключительно усердию «летучих». Дело не обошлось без предателя. Одесское охранное отделение также обзавелось своей «летучей» агентурой, что не понравилось Зубатову.

«По его настоянию состоялся «с'езд» в Киеве с участием Семякина (от департамента полиции), Зубатова и Ковалевского (зав. розыском Одесского жандарм. упр.). Как-раз перед этим произошло маленькое розыскное недоразумение.

«Наблюдение в Киеве за Эйдельманом констатировало одно интересное обстоятельство: 2 февраля 1898 г. «Лохматый» (филерская кличка наблюдаемого Эйдельмана. *М.*) виделся с известным господином, который жил в гостинице «Сербия» под фамилией «Иваненко». По этим сведениям на свидании присутствовал и другой лидер наблюдения Л. В. Теслер, недавно прибывший из-за границы. «Иваненко» скоро уехал из Киева и его проводили в Одессу. На просьбу филеров установить эту личность местные «филиппы» (так звали «летучие» жандармов) ответили уклончиво...

«На с'езде Зубатов поднял вопрос об этом «Иваненко», и Ковалевский вынужден был сознаться, что это его секретный сотрудник, машинист С. М. Гандер, который получил во время киевского свидания от Теслера пачку прокламаций. Из дальнейшего выяснилось, что Гандер хорошо осведомлен и о деятельности Поляка. Сведения о Поляке Гандер получал от его сестры Гидки. Благодаря этому обстоятельству, Ковалевский знал о всех передвижениях Поляка, вплоть до его поездки в Екатеринослав».

Описанный киевский «с'езд» охранников, предшествовавший мартовской «ликвидации», был посвящен, повидимому, подготовке последней. Очевидно, до этого момента жандармский рот-

мистр Ковалевский рассчитывал сам ликвидировать южные с.-д. группы при помощи Гандера, но, конечно, он располагал лишь небольшой частью данных, собранных помимо него Зубатовым. Теперь он вынужден был поделиться своими секретами с Зубатовым. Но материал, доставленный Гандером, сыграл, надо думать, только подсобную роль. Вся описанная выше огромная розыскная работа, проведенная под опытным руководством Московской охраны, имела своим исходным пунктом—к этому заключению приводят нас все вышеприведенные данные—информацию, полученную от А. Е. Серебряковой.

На следующий же день после мартовских арестов оставшиеся члены ЦК организовали печатание «Манифеста» Р. С.-Д. Р. П., и киевляне, возглавляемые М. С. Урицким, поставили новую более усовершенствованную типографию, печатавшую киевский «Вперед» и выпустившую к 1 мая общерусскую прокламацию. После провала типографии, созданной М. С. Урицким, киевляне поставили две новые прекрасно оборудованные типографии.

Ближайший же помощник А. Д. Поляка, Илья Виленский, после освобождения его из-под надзора, ставит крупную типографию «Южного Рабочего».

Так отвечали наши южные товарищи на все попытки Зволянских и Зубатовых разрушить с.-д. подпольные организации.

IV. После С'езда. Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П. первого состава и дальнейшие его формации. (Март 1898 г. — апрель 1901 г.).

Выше уже было упомянуто, как оставшиеся на воле члены первого ЦК партии издали и обнародовали учредительный манифест Р. С.-Д. Р. П. Этот акт в значительной степени исправил тяжкие, как казалось в первый момент, последствия неслыханного разгрома с.-д. организаций.

Киевляне, быстро оправившиеся от мартовских арестов, первые осуществили одно из постановлений Минского С'езда, создав на место разрушенного Зубатовым «Союза борьбы» по новой организационной терминологии «Киевский Комитет» Р. С.-Д. Р. П. Львиная доля заслуги в этом деле принадлежала М. С. Урицкому, который, состоя еще зимою 1896-97 г. членом так наз. «польской социалистической группы», покинул по причинам личного свойства Киев еще до слияния этой группы с прочими организациями в единый «Союз борьбы». Моисей Соломонович по счастливой случайности отсутствовал из города почти целый год до марта 1898 г. и вернулся как раз тогда, когда все наши товарищи были уже в заключении. Только потому он не попал в искусно раскинутые Зубатовым сети в 1898 году. Такое исключительно удачное совпадение обстоятельств сохранило нашей на-

кануне разбитой организации одного из талантливейших и выдающихся членов ее, который моментально восстанавливает подпольную организацию и поднимает настроение массовым распространением печатных изданий. Только через три года после описываемого момента, встретившись с М. С. в Лукьяновской тюрьме, я узнал многие подробности о событиях 1898 г. и услышал от него рассказ, свидетельствовавший, между прочим, о поразительной способности М. С. завязывать связи даже с людьми из вражеского лагеря.

В средних числах марта 1898 г. М. С—чу необходимо было вернуться в Киев, чтобы подвергнуться экзаменам на звание юриста. По дороге из Черкасс в вагоне 3-го класса ему пришлось встретить в числе пассажиров унтер-офицеров жандармерии, ехавших, как потом оказалось, из Екатеринослава после ареста типографии. Ловко поддержав с ними обывательский разговор, М. С. сумел выпытать от них интересные новости и узнать о случившемся больше, чем знали тогда наши киевские товарищи, томившиеся в те дни уже в «Лукьяновке». Но и среди киевлян с.-д. — интеллигентов и рабочих, оказавшихся в роковые мартовские дни в городе, не все попали в поле зрения зубатовских ищеек. Среди таковых были стоявшие временно в стороне от активной работы студент-медик Александр Берлин (муж Розалии Самойловны Залкинд, впоследствии «Землячки») и пролетарии — Антон Яковлевич Карвацкий и Марьян Андреевич Конопко, старые мои друзья, о которых я подробно рассказывал выше. Первого из них, прибывшего недавно из Николаева, я не знал. Только тогда, когда я в числе других киевских комитетчиков был арестован вторично (после ссылки), весною 1901 года, мне впервые пришлось познакомиться с тов. Берлиным, занимавшим тогда в Лукьяновской тюрьме пост главного старосты всех политических корпусов. Он пользовался среди товарищей заслуженной репутацией стойкого и убежденного революционера и марксиста. В ссылке он погиб (покончил с собой). М. С. Урицкий поспешил привлечь перечисленных товарищей к практической работе на развалинах разгромленного Зубатовым «Союза борьбы» и при их помощи восстановил в кратчайший срок необходимые связи—в пролетарской и интеллигентской среде. Первым делом надо было связаться с новым ЦК. М. С. едет в Вильно, связывается с тов. Александром (Кремером) и, получив от него полную информацию о состоявшемся С'езде и большой запас свеже-отпечатанного в типографии «Бунда» манифеста, распространяет его с огромным успехом по всему югу. Осуществляя одно из постановлений С'езда — о структуре новой партии,—М. С. Урицкий и его товарищи об'являют себя автономным «Киевским Комитетом Р. С.-Д. Р. П.». Первой заботой Моисея Соломоновича, в особенности ввиду того, что 1 мая было не за горами, было создать свою

собственную комитетскую типографию. И в этой области М. С. проявил исключительные конспиративные способности и большую практическую сноровку, столь важную в подобном предприятии. Однако, так скоро поставить свою типографию не удалось, и М. С. пришлось опять позаимствовать майскую литературу у «Бунда» из типографии, печатавшей литературу для ЦК.

«С М. С. Урицким мне пришлось познакомиться осенью 1898 года,—вспоминает другой видный комитетчик первого состава К. К. К. П. Василенко (раньше работавший, как описано выше, в типографии «Р. Г.»), который был выпущен через полгода после мартовского ареста и приступил к работе вместе с Урицким. М. С. проявлял необычайную энергию в деле восстановления организации,—необходимо было не только набирать людей, по большей части из студенческой молодежи, но и инструктировать их, завязывать связи с рабочей средой, вести там ответственную работу, восстанавливать транспорт литературы (через Вильну. *М.)* и технику печатания... Наладив по возможности организацию в самом Киеве, М. С. приступил к созданию типографии, а параллельно наладил мимеограф, на котором и были изданы №№ 4, 5 и 6 нашего с-д. журнала «Вперед». Устройство типографии, которую решено было поставить вне Киева, именно в Бердичеве, под видом слесарной мастерской, требовало постоянных раз'ездов людей и не допускало уже по самой конспиративности дела совмещения с другой работой. Начав подготовительные работы по устройству этой типографии, М. С. постепенно передавал руководство организацией мне, а сам всецело отдался выполнению этого задания. Типография была организована к весне 1899 года и приступила к изданию № 7 «Вперед». Вслед затем М. С. приступил к изданию агитационных брошюр».

П. Г. Полонский, вспоминая вместе со мною наше старое подпольное житье, рассказал мне следующий эпизод из жизни М. С. Урицкого, свидетельствующий о поразительной находчивости и изворотливости его. Дело происходило во время одной из очередных поездок в Бердичев. М. С. как-то привез для типографии тяжелый мешок со шрифтом. Нелепый случай едва не погубил его самого и налаженную им с таким трудом «технику». На вокзале мешок от тяжести лопнул, и его содержимое рассыпалось по перрону. М. С., ничтоже сумняшеся, не растерялся, а сам остановил проходившего мимо сторожа и попросил помочь ему собрать шрифт, опасаясь-де получить нахлобучку от хозяина в случае недостачи шрифта. Станционный сторож охотно помог бедному труженику, и дело было ликвидировано самым невинным образом, не возбудив ни у кого подозрения... Типография работала полным ходом. Однако, осенью М. С. Урицкому предстояло отбывание воинской повинности, кроме того, он обнаружил тревожные признаки, свидетельствовавшие о возможности обнаружения сле-

дов типографии и необходимости перенести ее на новое место. Типографию решено было ликвидировать на время и переправить в другой город. Возможно, что эти тревожные признаки находились в некоторой весьма отдаленной связи с теми попытками спровоцировать типографию, которые разоблачил в свое время Л. Меньщиков [1], рассказывая о встречах известного провокатора Рубашевского (секретного сотрудника ад'ютанта генерала Новицкого штаб-ротмистра Префераńского) с виднейшим из сподвижников М. С. Урицкого — Александром Берлином. «12 июня 1898 г.,—рассказывает Меньщиков, — секретный сотрудник, которому филеры дали кличку «Борода» (речь идет о Рубашевском), донес Префераńскому о свидании, которое он имел в квартире портного Щегловского с интеллигентом «Иваном Петровичем» (Л. Скаржинским) и «Ш.» (А. Берлином) по вопросу о типографии.

Однако, попытка провокатора создать в Киеве при участии «Ивана Петровича» и «Шмерко» — А. Берлина тайную типографию не увенчалась успехом. Возможно, что с этого момента за ««Иваном Петровичем» и увязался хвост, в конце-концов наведший генерала Новицкого на новый след. Известно, что типография, налаженная М. С. Урицким, была через год арестована в Кременчуге. Трудно теперь установить, а впрочем, может быть, в Киевском Истпарте сохранились материалы из архива бывш. жанд. управления, которые помогли бы выяснить действительную причину ареста бердичевской типографии. Арестована она была при следующих обстоятельствах. Когда настало время перевести типографию в более безопасное место, ее запаковали в большую корзину и переправили, по одной версии, в родной город М. С. Урицкого — в Черкассы, а по другой, более правдоподобной, сообщаемой Меньщиковым [2] — в Кременчуг. Но и здесь не оказалось возможным долго держать типографию под спудом. Надо было перебросить ее в более безопасное место. Один из старейших членов нашей киевской (польской) организации, возглавлявший в 1893-94 г. отколовшуюся от П. П. С. польскую группу с.-д., доктор Станислав Бахницкий из'явил согласие забрать опасный груз к себе в земскую больницу. Он служил земским врачом в полтавском земстве в г. Борисполе, Переяславского уезда, и создал себе там довольно прочное в смысле легальности положение. План сводился к следующему. В Кременчуге корзину с типографией предполагалось передать товарищу, специально прибывшему из Киева, в гостинице. Оттуда ее должны были перевезти на пристань и отправить багажом вверх по Днепру до Переяслава, а там погрузить на железную дорогу до ст. Борис-

---

[1] Охрана и Революция», вып. II.
[2] Там же.

поль по Киево-Полтавской линии. План этот не удалось осуществить до конца по невыясненным до сих пор причинам. Перевезти типографию из Кременчуга в Борисполь взялся один из симпатичнейших и преданнейших киевских товарищей Д. Я. Логвинский, о котором, как активном участнике школьных кружков, говорилось выше. Это был в полном смысле этого слова кабинетный человек, прекрасный теоретик, наиболее крупная из уцелевших после разгрома Киевского «Союза борьбы» литературных сил —величина. Всегда и раньше и теперь Д. Я. совершенно сознательно отстраняли от практической работы, сберегая его силы для более плодотворной деятельности — в качестве почти единственного, кроме К. П. Василенко, литературного работника.

Самоотверженный, глубоко преданный делу, Д. Я., однако, не согласился, когда настала неотвратимая необходимость спасать типографию от возможного ареста, сидеть сложа руки в качестве присяжного теоретика и кабинетного ученого. Он настоял на том, чтобы это ответственное поручение было дано именно ему. Свободных людей тогда у Киев. Комитета действительно не было, и предложение это было организацией принято. Давид Яковлевич в момент погрузки корзины на пристань был арестован. По одной версии — речная полиция обратила внимание на внешность долговязого, худого интеллигента и на слишком компактный груз, непропорциональный по своему весу и об'ему корзине, на которой была надпись «домашние вещи»; по другой—слежка за корзиной началась еще в Бердичеве, и даже сам М. С. Урицкий, при всей его изворотливости и находчивости, не сумел бы спасти этот груз от преследователей.

Л. Меньщиков приводит, однако, третью, наиболее верную, версию [1]—информацию департамента полиции своему любимцу, хорошо нам известному по розыскам «южной типографии» (точнее: «Рабочей Газеты»), самому Зубатову, который продолжал серьезно интересоваться «техникой» с.-д .на юге. «5 октября 1899 года, — пишет Д. П., — в одну из кременчугских гостиниц прибыл с корзиной неизвестный, оказавшийся мещанином Давидом Яковлевичем Логвинским. Подозрительное поведение этого лица послужило поводом к задержанию его в момент выезда из Кременчуга на пароходе в Киев, причем в упомянутой корзине оказалась полная тайная типография со значительным количеством шрифта, готовым набором текста преступного воззвания и со всеми принадлежностями печатания, революционные брошюры, газета «Вперед», воззвание к рабочим, а равно приготовленные для напечатания рукописи и статьи. Было установлено, что все преступные издания Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. за последнее время печатались в этой типографии, ввиду чего Логвин-

---

[1] «Охрана и Революция», вып. II.

ский отправлен в Киев в распоряжение киевского жандармского управления».

Ошибка, допущенная Киевским Комитетом (если верна версия, сообщенная Д. Пол.), который поручил такое опасное предприятие товарищу, мало пригодному для подобных операций, была чревата весьма серьезными последствиями. По наклейкам на корзине добрались до отправителей груза, а затем и до самого М. С. Урицкого, а по месту назначения багажа обнаружили также предполагаемого получателя «преступного» груза д-ра Станислава Бахницкого. М. С. Урицкий взял всю вину на себя. Ему удалось выгородить д-ра Ст. Бахницкого, который держался тактики абсолютного отрицания и по истечении 9 месяцев, к величайшей досаде жандармов, был выпущен на свободу за отсутствием доказательств, которые уличили бы его в соглашении с М. С. Урицким и Д. Я. Логвинским. В отношении Давида Яковлевича все попытки М. С. Урицкого спасти его, конечно, были безрезультатны.

Обоих их держали подолгу и отправили М. С. Урицкого после полутора лет предварительного заключения (летом 1901 г.) в Якутскую область (в Олекму), а Д. Я. Логвинского несколько раньше в Иркутскую губ., где он преждевременно умер от чахотки (в 1904 г.). Д-р С. Бахницкий отделался отдачей под надзор полиции.

Рассказанное выше далеко не исчерпывает работы М. С. Урицкого и его сподвижников. Главная работа — в толще киевского пролетариата—проводилась пришедшими на смену Ю. Д. Мельникову, А. Д. Поляку и Э. Ф. Плетату новыми силами. Это были близкие мои друзья, молодые рабочие-поляки, члены Рабочего Комитета 3-го состава, братья Марьян и Марцелий Конопко и Антон Карвацкий. Все трое они прошли солидную теоретическую подготовку. После основательных совместных с нами занятий в описанном выше школьном кружке, эти молодые рабочие долго изучали с.-д. программу под руководством таких крупных работников нашего подполья, как П. Г. Полонский, В. М. Богуцкий и В. М. Сапежко. Все трое вполне оправдали возлагавшиеся на них надежды. Буквально на второй день после мартовского провала они под руководством М. С. Урицкого проявили чудеса энергии и смелости, восстановив все необходимые для К. К. связи на заводах и в мастерских, особенно в дни первомайской агитации, в которой самолично действовали в качестве распространителей майских прокламаций и агитаторов. Целый год они все трое работали вместе с огромным успехом и пользовались большим влиянием несмотря на свою молодость. Весною 1899 г. перед первым мая очередная облава захватила одного из них, более юного, пламенного энтузиаста А. Я. Карвацкого. После продолжительного предварительного заключения он был приго-

ворен к 8-мимесячному заключению в одиночке, по отбытии какового долгие годы пребывал под надзором полиции. Умер он преждевременно — в большой нужде, не имея возможности и средств восстановить расшатанное подпольем и тюрьмой здоровье. А ведь это был один из благороднейших и наиболее заслуженных ветеранов пролетарского движения в Киеве.

Марьян Конопко уцелел и продолжал работать с К. П. Василенко, отчасти даже в мое время (в начале 1901 г.), стоя около двух лет на посту, остававшемся незамещенным после исчезновения с киевского горизонта Ю. Д. Мельникова и А. Д. Поляка.

«Мне пришлось работать, — свидетельствует К. П. Василенко, возглавлявший Киевский Комитет после ареста М. С. Урицкого вплоть до апреля 1901 г., — в течение почти двух лет с М. А. Конопко, и я мог вполне оценить его преданность делу, энергию и организационные способности. Марьян Андреевич все это время стоял во главе «Киевского Рабочего Комитета».

После исчезновения со сцены М. С. Урицкого и Д. Я. Логвинского уцелевшему от провала К. П. Василенко, ставшему во главе К. К., пришлось привлечь к делу нескольких работников из нашего старого польского с.-д. кружка; это были два наших опытных подпольщика, случайно отсутствовавшие в течение 1897—1899 г.г. М. Г. Гурский и Л. С. Скаржинский. Оба они были высланы в свое время (апрель 1897г.) из Киева за участие в Ветровской демонстрации, отбывали в это время воинскую повинность и потому не попали в число арестованных весною 1898 г. и 1899 г. товарищей. Осенью 1899 г. они входят в состав К. К. на смену арестованным Урицкому и Логвинскому. Особенно крупную ценность представлял для Комитета Марьян Григорьевич, подлинный профессионал-практик, специально созданный для организации таких конспиративных предприятий, как тайная типография и т. п. За это дело он и взялся.

Марьян Гурский, всеобщий любимец киевской подпольной публики, отслужив два года в солдатах где-то в Польше, вернулся в родной Киев с широкими планами. По натуре своей человек практической складки, большой деляга и прекрасный организатор, он немедленно по прибытии в Киев предложил свои услуги Комитету в деле постановки новой типографии вместо захваченной в Кременчуге. Приезд этого старого, испытанного подпольщика был для киевлян воистину кладом. После ареста М. С. Урицкого и Д. Я. Логвинского в Комитете остались только К. П. Василенко, уцелевший каким-то чудом от преследований полиции, Р. В. Розенберг и временами работавший с ними Л. С. Скаржинский (потом Алексей Константинович Дроздов). Поставить настоящую типографию для «Вперед» и злободневных прокламаций было необходимо, как говорится, дозарезу. Для первой цели Марьян Григорьевич предложил надежное убе-

жище в родном своем городе — в Белой Церкви (80 в. от Киева). Здесь-то и была им поставлена большая типография — кажется, скоропечатный станок (бостонка), на котором в большом количестве печатались следующие номера «Вперед». Однако, опыт показал, что ставить тайную типографию в малых уездных городах, где все на виду, где малейшее нарушение обычного режима обывательской жизни становится предметом всеобщего внимания, совершенно нецелесообразно и чревато большим риском. То же случилось и с белоцерковской типографией. В начале 1901 г. ее пришлось по примеру бердичевской убрать в более надежное место. Но и ее постигла роковая судьба ее предшественницы. И типография и М. Г. Гурский были арестованы одновременно со всеми нами накануне празднования 1 мая 1901 г. в Киеве. Более счастлива была судьба второго, более портативного, типографского станка, поставленного, если не ошибаюсь, «Дедом» — Яковом Григорьевичем Френкелем, старым народовольцем, который еще в 1883 г. привлекался по делу 21-го (Г. Лопатин и др.) за фабрику бомб в Луганске. Типография была блестяще законспирирована и, не взирая на беспрерывные провалы комитетчиков, продержалась несколько лет и выпустила огромное количество листков и прокламаций.

Типография эта была совершенно изолирована от сношений с внешним миром, с др. подпольными работниками, и этим, очевидно, об'ясняется ее долговечность. Только по особому разрешению Киевского Комитета была допущена в помещение типографии для изучения техники печатания и конспиративной обстановки представительница Союза горнозаводских рабочих Е. Г. Маньковская из Ростова-на-Дону, которая рассказывала мне лично о постановке этого предприятия следующие никому неизвестные детали. Типография помещалась в центре города, на Малой Владимирской ул. (быв. Столыпинской ул.), д. № 45 или 47, не доходя Святославской ул. (за этим двором раньше был большой пустырь — Афанасьевский яр). Квартира, в которой помещалась типография, находилась в 2-хэтажном флигельке далеко от улицы, в глубине двора, на втором этаже. Других квартир на этом этаже не было вовсе. Занимала эту квартиру, состоявшую из 2-х комнат, свояченица Я. Г. Френкеля тов. Пригоровская; при этом типографский станок, который легко было замаскировать, помещался, а равно и работа на нем производилась во второй, изолированной комнате. В квартире не жил и не бывал больше никто. Сама хозяйка т. Пригоровская днем уходила на службу, а работала в идеальной тишине только по ночам: сама набирала, сама верстала, сама же все бесшумно печатала. Прислуги т. Пригоровская с умыслом не держала, но для отвода глаз уборка комнат делалась специально оплачиваемым за эти услуги дворником. На время уборки все принад-

лежности типографии тщательно убирались в корзину. Т. Пригоровская до педантизма была щепетильна в своих сношениях с Комитетом. Так, напр., она систематически отказывалась допустить в свою квартиру не раз желавшего познакомиться с постановкой дела комитетчика М. Г. Гурского. Этот ригоризм, несомненно, спас типографию от больших арестов, имевших место в апреле 1901 г.

Типография Горнозаводского Союза в Ростове была поставлена Е. Г. Маньковской именно по образцу этой киевской «техники». Сношения между т. Пригоровской и К. Комитетом поддерживал одно время лично мне близкий Константин Григорьевич Маньковский (ныне член през. Госплана УССР), отбывавший в то время воинскую повинность.

Матерьял, получаемый из типографии, он проносил самым бесцеремонным образом — под солдатской шинелью, не возбуждая никаких подозрений. Т. Пригоровская, по ее словам, в эти месяцы работала наиболее спокойно и плодотворно, так как К. Г. не был нигде скомпрометирован и его солдатская шинель была лучшей защитой от каких-либо подозрений. К перечисленным выше комитетчикам я забыл добавить еще двух видных работников этого периода—Дивильковского и В. В. Вакара. Первый из них сыграл крупную роль в качестве оратора - массовика и блестящего организатора знаменитой всеобщей стачки пекарей, взбудоражившей весь обывательский Киев весною 1900 г. Дивильковский известен был в киевском подполье под кличкой «Ивана Ивановича». О т. Дивильковском упоминает также в своих воспоминаниях старый киевский подпольщик — рабочий от Гретера т. Воронин [1]. Второй—игравший видную роль в студенческом движении этого бурного трехлетия (1899 — 1901 г.г.) вместе с Л. С. Скаржинским — Владимир Вакар (Правдин) сменил К. П. Василенко и в 1902—1905 г.г. стоял во главе организации [2].

От Комитета отделилась к концу 1900 г. оппозиционная группа, состоявшая из примыкавшей к К. К-ту периферийной молодежи и протестовавшая против умеренной по ее мнению тактической линии Комитета. Она порвала с К. К. и действовала несколько месяцев под новым наименованием «Рабочая Воля». Во главе ее стояли Густав Густавович Шпет (ныне ученый и профессор) и, если не ошибаюсь, один из старых моих школьных друзей — Квятковский. Именно эта группа вошла зимою в 1900—1901 г. в сношения с Н. Татаровым, действовавшим тогда в Киеве в качестве агента П. П. С. над восстановлением «русской с.-д. партии» рабоче-знаменцев. Группа была однако недолговечна.

---

[1] «К 25-летию I-го С'езда», стр. 88.
[2] «Киев перед 1905 г.». Его воспоминания.

Один из членов ее — Квятковский был арестован и сослан на несколько лет в Вост. Сибирь.

Не надо забывать, что деятельность всех этих сменявших друг друга комитетчиков — с.-д. и др. участников киевского подполья (группа эсэров, возглавлявшаяся И. А. Дьяковым, систематически садившимся в тюрьму, В. В. Петровым и др., продолжала работать, главным образом, в студенческом мире) происходила на фоне бурных событий в студенческой среде. В эти годы к двум тысячам студентов университета прибавилась не одна тысяча слушателей Политехнического института, высших женских курсов и т. д. Студенческая масса, начиная с 1899 г., в течение нескольких лет бурлила, выделяя из своей среды десятки выдающихся деятелей революции и подымая революционное настроение в широких кругах населения.

Наши товарищи Л. С. Скаржинский, С. З. Дижур и др. принимают в этом движении непосредственное и очень активное участие и взамен оттуда получают немало людских и др. ресурсов для революционного подполья.

В накаленной атмосфере студенческих беспорядков, принимавших все более яркую общеполитическую окраску, воспринимавших охотно лозунги общие с нашими подпольными партиями, продолжалась также интенсивная политико-просветительная работа — в том же роде, как это делалось в описанных выше «рефератных» кружках. В них теперь наиболее активную роль играют В. В. Водовозов, не щадивший сил и времени, чтобы в пространных докладах знакомить свою тайно собиравшуюся студенческую и рабочую аудиторию с политической борьбой и партиями европейских стран — по собственным наблюдениям; профессор-историк Евгений Тарле; специалист по аграрному вопросу М. Б. Ратнер; состоявший под надзором в ожидании приговора спец по философии Н. А. Бердяев и Д. Я. Логвинский (до провала в октябре 1899 г.). Все они читали систематические доклады по жгучим вопросам современности, особенно в связи с нашумевшей тогда книгой Эдуарда Бернштейна. Сформировался, что называется, летучий тайный университет, пользовавшийся громадным успехом среди нашей периферийной молодежи.

Однако, в один прекрасный апрельский вечер, когда незадолго до 1-го мая (по новому стилю), но вне всякой с этим связи, многочисленная аудитория собралась послушать доклад популярнейшего из наших товарищей А. В. Луначарского, который в это время случайно оказался в Киеве, нагрянули жандармы. Генерал Новицкий был убежден, что это революционная сходка или конференция, посвященная подпольной подготовке празднования 1 мая; все были арестованы—в количестве до 100 человек—и заключены в ту же Лукьяновскую тюрьму. В чис-

ле арестованных, кроме А. В. Луначарского, недавно прибывшего из-за границы, были В. В. Водовозов, Евгений Тарле и др. Последний за участие в этом тайном сборище, посвященном докладу Луначарского о... творчестве Ибсена, был лишен преподавательского места и научной командировки за границу... А. В. Луначарский по совокупности этого (киевского) и московского комитетского (с.-д.) дела был отправлен на 4 года в ссылку. Другие отделались 2—3 месячным арестом. После этого трагикомического эпизода «рефераты» прервались на неопределенное время.

В том же году, зимою 1900—1901 года, в Киев возвращается памятный киевскому студенчеству первый председатель С. Совета В. Н. Крохмаль, сблизившийся в уфимской ссылке с некоторыми сподвижниками В. И. Ленина и Ю. О. Мартова - Цедербаума и явившийся в Киев убежденным «искровцем». После псковского совещания — в Киеве, как и в других крупных центрах революционного движения, была намечена инициативная ячейка «Искры». Агентом последней был назначен именно Виктор Николаевич. К нему задолго до прибытия из-за границы Баумана-Сорокина, Басовского и др. присоединяется старый наш товарищ и сподвижник В. Н-ча по студенческой работе С. З. Дижур.

Одним словом, ни одно серьезное начинание в революционном подполье Киева и тяготеющих к нему южных городах не имело места без активного участия того или другого из наших старых сотоварищей по школьному или студенческому марксистскому движению. Правда, С. З. до 1900 г. был ближе к М. Б. Ратнеру и И. А. Дьякову, т.-е. к эсерам, но характерно, что он в то же время отрицал террор и во многом разделял учение Маркса. Поэтому переход С. З. в стан «искровцев» был совершенно естественным шагом. О личности С. З. я уже рассказал выше, скажу еще немного о его роли в группе «Искры». Будучи сыном крупного коммерсанта, С. З. очень ловко сумел использовать деловые связи и торговое дело своего родителя для транспортирования изданий «Искры» и развозки ее по другим городам. С. З. располагал также значительными средствами и большим влиянием в городе и потому был для В. Н. Крохмаля неоценимым приобретением. Провал этой группы и знаменитый побег одиннадцати «искровцев», в том числе тюремного старосты М. Г. Гурского и В. Н. Крохмаля, организаторов этого изумительного эпизода, блестяще довершившего эпопею киевского революционного подполья, не входит в мою тему, т. к. хронологическая граница моих киевских воспоминаний заканчивается апрелем 1901 г., когда я вместе со всем составом Киевского Комитета и всей его периферией был опять заточен в Лукьянов-

скую тюрьму и после окончания моего дела покинул Киев навсегда.

Заканчивая свои слишком беглые, может быть, за давностью пережитого воспоминания, упомяну в двух словах об одном красочном эпизоде, малоизвестном в литературе и иллюстрирующем нашу тактическую линию, об'единяющую К. К. эпохи «Вперед» № 9-10 с революционной социал-демократией. Выпущен был № 10 (или 11-й) «Вперед», в котором, помнится мне, была также помещена небольшая статья, посвященная 75-летию восстания декабристов, принадлежащая перу автора этих строк. Эта статья, думается мне, может служить материалом для опровержения установившегося мнения, будто редакторы «Вперед» имели «экономический» уклон и были противниками четких политических лозунгов, что они, якобы, не разделяли революционной платформы, опубликованной в проспекте «Искры». Главным редактором и руководителем К. К. в этот период был К. П. Василенко, один из даровитейших и наиболее экспансивных работников киевского подполья за все описываемое десятилетие. Революционный темперамент и все прошлое К. П., содержание принадлежащих его перу многочисленных революционных прокламаций, вдохновенность этого пламенного и бессменного на протяжении многих лет руководителя киевского революционного подполья и его роль в организации выступления киевских рабочих 2 марта 1901 г. являются лучшим доводом против обвинения редактируемого К. П-ем «Вперед» в оппортунизме и «экономизме» и т. п. грехах смертных. Достаточно упомянуть вдохновенную, художественно написанную прокламацию К. П. Василенко, посвященную первой в Киеве революционной демонстрации (2-го марта 1901 г.), когда мы, т.-е. Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П., вызвали на улицы — в связи с событиями, разыгравшимися тогда в столицах — как студенчество, так и рабочие массы. Многие должны помнить эту листовку. Был яркий весенний день. Весело журчали по гористам улицам Киева ручьи от быстро таявшего снега. На Крещатике море голов в студенческих фуражках и пролетарских кепках. Кто-то развернул впервые в Киеве красное знамя с непривычным для киевлян призывом «Долой царское правительство» (или «Долой царское самодержавие», точно не помню). Городовые кинулись на знаменосцев. Свалка. Толпа заволновалась и отстояла знамя. Тысячные толпы манифестантов переливались с Крещатика на Прорезную, с Фундуклеевской на Владимирскую — повсюду демонстранты с песнями, то там, то сям аресты, столкновения. Это был исторический день — первая ласточка событий, разыгравшихся в Киеве в 1902 и 1903 г.г. Организовал это выступление, где студенческое и рабочее движение впервые слилось в один

общий поток, Киев. Ком., возглавлявшийся К. П. Василенко. Где же тут «экономизм» и оппортунизм группы «Вперед»?

Внешний облик К. П. Василенко, изображенный на прилагаемой карточке, вполне соответствует духовной индивидуальности этого пылкого борца и убежденного революционного социал-демократа.

Успех демонстрации 2-го марта окрылил нас. Шла горячая подготовка к 1 мая. Но жандармы не дремали. 13 апреля была

Константин Прокопьевич Василенко
(1901 г.)

Николай Николаевич Новиков
(1894 г.)

произведена очередная облава. Остались на воле совершенно случайно временно отошедшие от практической работы Д. Н. Неточаев, Е. Г. Маньковская, А. К. Дроздов и стоявшая тогда в стороне от К. К. жена Берлина — Р. С. Залкинд. Все мы — К. К. в полном составе и вся периферия — оказались опять в Лукьяновской тюрьме. Между тем близилось празднование 1 мая, которого масса ждала с понятным нетерпением. По необходимости стала действовать своеобразная, характерная для того времени форма подпольного центра, направлявшего всю первомайскую кампанию из тюрьмы, пока на наше место не стала новая организация К. Комитета, возглавлявшаяся братьями Вакарами Владимиром и Александром и Л. С. Скаржинским — талантливым организатором, оратором и автором прокламаций. Мы, т.-е. весь состав Киевского Комитета, сидели в Лукьяновке со всей нашей периферией и держали в своих руках все связи с рабочими. От-

сюда давались директивы и распоряжения чрез уцелевшую кучку друзей: А. К. Дроздов, семья Неточаевых (кроме Димитрия энергично работали его сестра Катя и мать) и Е. Г. Маньковская действовали по передававшимся из тюрьмы инструкциям и адресам, связи были восстановлены, наш аппарат на воле начал, с грехом пополам, работать. Фирма «Киевского Комитета» была опять восстановлена с честью, и 1-го мая все киевские фабрики и заводы приветствовали свой заключенный в Лукьяновскую тюрьму Комитет массовками и частичным празднованием 1-го мая.

На этом эпизоде я считаю возможным прервать свое повествование о доисторическом предс'ездовском периоде нашего прошлого до след. этапа моих подпольных скитаний, когда с началом XX века для Киева, как и для всей царской России, наступает совершенно новая, отличная от предшествующего десятилетия полоса, с новыми приемами работы, с новыми формами борьбы. Кружковщина и кустарничество описанного десятилетия сменяются периодом партийного строительства и широким размахом предреволюционного кануна. Моя задача—дать беглый очерк той подготовительной работы, которую проделали киевские социалисты и, особенно, социал-демократы на протяжении описанных полутора десятилетий, кажется, исчерпана. Теперь очередь за др. участниками описываемых кружков и событий, так как моя попытка, при несовершенстве человеческой памяти и отсутствии др. надежных источников, не может претендовать на полноту и достоверность.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1].

А.

Абрамович, Эм. Аб. («Белин», «Белый сапожник») — с.-д. — 38, 52, 94, 97, 110-12.
Адамский, Серг. — с.-д. (Абр.) — 97.
Акимов-Махновец, Влад. — З. с. р. с.-д. («Р. Д.») — 162.
Аксельрод, Пав. Бор. — «О. Т.» — 57, 58, 78.
Амосов — студ. ч. с. — 84.
Ангелов-Стоян, Д. И. — р. с.-д. — 123, 125.
Андржейовский — либ., фабрикант — 96.
Аносов, Ник. Ал. — уч., студ., с.-д., «Р. Д.», птб. орган. р-дельцев — 72, 76, 78, 82, 137.
Аносов, Мих. Ал. — студ. — 78.
Аносова, Нат. — уч. — 76.
Антонович, Вл. Бон. — Гр. — 30, 33, 40, 72.
Антонович — сын, укр., с.-д. — 72.
Апухтин — попечитель Варш. уч. округа — 53.
Арабажин, Конст. И. — Др. — 32, 34, 46.
Аусем, Оск. Хр. — с.-д. — 123, 177.
Афанасьев-Климанов, Фед. — с.-д. (птб.) — 5, 98.
Ашешов, Н. — литератор — 184.

Б.

Багоцкий, Серг. — Др., с.-д. — 33.
Балашов, Ник. — уч., с.-д. — 86.
Балабанов, Мих. Сол.—ст., с.-д., с.-б.— 54, 76, 86, 87, 123, 137.
Балицкий — с.-д. (Абр.) — 97.
Балмашев, Степ. Вал. — ст., с.-д., с.-р. —88, 141, 149.
Басов — с.-д. (тул.). — 94.
Басовский, Иос. — с.-д., «Ис.» — 197.
Баринов — с.-д. (птб.) — 98.
Бартошевич — студ. — 89.
Бауман (Сорокин) — с.-д., «Ис.» — 197.
Бахницкий, Стан. — п. с.-д. — 46, 52, 96, 104, 190-192.
Бейлис — 63.
Бекарюков, Д. Д. — с.-д. — 13.
Беклемишев — жанд. полк. — 91.
Белин — см. Абрамович.
Белоусов, Петр Ил. — р. с.-д., «Р. Г.»— 54, 123, 151.
Бельтов — см. Плехапов — «О. Т.» — 75.
Берг — братья Виктор, Иосиф и Генрих — уч., марк. — 75.
Бердяев, Ник. Ал. — с.-д., марк. — 56, 72, 138, 157.
Бернацкий — марк — 103.
Бернштам-Кистяковская, Мар. В. — марк. — 118.

---

[1] Условные сокращения:

«Гр.» — Украинская Громада; «Др.» — гр. украинских соц. федералистов— приверженцев Драгоманова; «дел.» — делегат 1-го с'езда партии; «заг.» — киев. гр. «заговорщиков»; «З. с. р. с.-д.» — заграничный союз русских с.-д.; «Ис.» — русская и загранич. гр. или редакция «Искры»; «К. К.» — Киевск. Комитет Р. С.-Д. Р. П.; К. «Р. Д.» — Киевская группа «Рабочее Дело»; «мар.»— марксисты; «нар.» — народнические группы; «Н. В.» — «Народная Воля»; «О. Т.» — гр. «Освобождения Труда»; «П. П. С.» — польская социалистическая партия; «Прол.» — гр. польских и литовских соц. до раскола; «п. с.-д.» — гр. польских с.-д.; «п. с.» — гр. польских социалистов; «р. с.-д.» — русская с.-д. группа; «Р. Г.» — группа или типография «Рабочей Газеты»; «с.-д. (Абр.)» — с.-д. кружок Абрамовича; «с.-д.» (Пл.) — с.-д. кружок Плетата; «с. р.» — социалисты революционеры; «С. С.» — Союзный Совет — студен. организаций; «С. Б.» — союзы борьбы — петерб., киевск. и др.; «с.-д.» (Тат.) — с.-д. гр. Татарова; «студ.» — чл. студен. организаций; «уч.» — член орган. средней школы; «ч. с.» — чл. черносот. ст. ор-ции.

Беркович, Лев Еф. — с.-д. (Абр.) — 111.
Бердичевский — студ. — 94.
Берлин, Алекс. («Шмерко») К. К. — 188, 190.
Бибус — жанд. — 154, 155.
Билимович — студ. ч-с. — 87, 103.
Богуцкая, Ел. Меч. и Эв. — п. с.-д. — 105-106.
Богуцкие—братья Викентий и Франц Меч.—п. с.-д. — 46, 52, 89, 104-107.
Блувштейн — соч. с.-д. — 129.
Бояковская, Ал. — п. с.-д. — 46, 104,
Бражас, Стан. — п. с.-д. — 87, 104.
Бреше, С. — с.-д. (Абр.) — 97.
Бруснев, с.-д. (птб.) — 5, 167.
Бункина, И. Б. — с.-д. — 181.
Бурцев — «Н. В.» — 36.
Бучинский — см. Гурский, с.-д.
Бычков, А. — «Н. В.». — 111.

В.

Вайнштен, Вик. Евс. — студ., с.-д. — 56, 58, 76, 77.
Вайнлуд — студ. — 94
Вакар, Ан. Вик. — уч., студ., с.-д. — 61, 88.
Вакар, Влад. Викт. — уч., студ., К. К. — 61, 88, 195.
Ванновский, Алид. — с.-д. (моск.) дел. — 169, 172.
Ванновский, Викт. — с.-д. (моск.) с.-д. орг. «Воля». — 178.
Варынский, Людв. — «Пролетариат»— 36, 42, 44, 89, 90.
Варынский — его брат, студ. — 90.
Василенко, Констан. Прок. — студ., с.-д., «Р. Г.», К. К. — 54, 69, 76, 81, 82, 86, 87, 123, 151, 164, 183, 189, 193, 199.
Василенко, Никол. Прок.—заг., марк., укр. акад. и учен. — 16, 33, 115, 119.
Васильев—с.-д. (З. с. р. с.-д.)—94.
Васюхнова, Евг. Митр. — уч. — 82.
Вержбицкая, Нат. Фр. — уч. — 76.
Вержбицкий, Анат. Фр. — уч., с.-д., С. Б. — 56, 58, 78, 82.
Вержбицкий — с.-д. (Пл.) — 99.
Верзилова — с.-д. (Тат.).
Веселовский, Алексей — уч. — 80.
Ветрова — с.-р. (птб.) — 87.
Вигдорчик, Н. А. («Натан») — К. «Р. Д.», «Р. Г.», дел.—123, 126, 156, 159, 166, 169, 172.
Винарский — п. с.-д. — 105.
Виленский, Илья — с.-д. (тип. «Р. Г.» и «Юж. Раб.») — 181—182, 187..
Витык — драг., с.-д. (Галиц.) — 152.
Войнарович («Анархист»), Ромуальд Сигизмунд. — п. с.-д. — 54, 75, 104.
Водовозов, Вас. Вас. — марк., труд., литерат., учен. — 81, 93, 138, 157, 183, 196.
Водовозов, Ник. Вас. — марк. — 1, 110.
Водовозова, Вера Петр. — полит. Кр. Кр. в Киеве — 58, 138.
Войтоловский, Лев Наум. — уч., с.-д., писатель — 62, 87.
Войцеховский — п. п. с., б. президент польск. Р. Поспол. — 97.
Вольфсон, Оля — с.-д. — 182.
Воронин, А. А. — с.-д. (кр. зав. Гретера) — 97.
Вознесенский, К. А. — нар. с.-р. — 136, 138.
Вржосек, В. — студ. — 105.
Всеволожский, Всев. Алекс. — уч., с.-д. — 76.
Высоцкая, Елена — п. с.-д. — 105.
Врублевский — генерал Парижск. Коммуны 71 г. — 42.
Врублевский, Фад. Евст. (племянник коммунара, политич. защитник, изв. по делу лейтенанта Шмидта)— 42.

Г.

Гандер, С. М. («Иваненко») — с.-д. (од.), секретн. сотрудник Од. жанд. упр. — 176, 186—7.
Ганкевич — драг., с.-д. (Галиц.), депутат — 27.
Гиберман, П. И. — марк. — 115.
Гельперн — с.-д. (Абр.) — 97.
Гельфанд, Х. — с.-д. — 181.
Герц Генр. — уч., п. п. с. — 75.
Годыцкий-Цвирко — п. с.-д., С. Б. — 104.
Голембиовский — п. с. (Плет.) — 99.
Голомб — с.-д. (Абр.) — 97.
Голубев, В. С. — с.-д. (птб.), (гр. Бруснева).
Голянковская, Лидия — уч. — 82.
Гольдереккер — дир. реальн. уч. — 77.
Гольцев, В. — литератор — 184—5.
Горб — с.-д. (Абр.) — 111.
Горкун, «Н. В.» (д. 1 марта 87 г.) — 64.
Горностайский, Ян. — п. с.-д.; С. Б.— 104, 151.

Горький, Мак. (Пешков Ал. Макс.)— 13.
Гриневицкий, Игнатий — «Н. В.» — 42.
Григоренко — п. с. (Плет.) — 99.
Гродецкий, Юзеф — п. с. — 100. 102.
Громан, Влад. Густ. — с.-д. — 184.
Гранковская, Ек. Болес. — с.-д., С. Б. —176.
Горвиц, Макс. («Петр.») — п. п. с. — 147.
Гуковский, Евг. Ис. — р. с.-д., С. Б.— 123, 151.
Гурвич, Ис. Ад. — марк. — 168.
Гурвич, Евгения Ад. — марк., переводчица «Капитала» и др. — 168.
Гуревич, М. Б.—с.-д., «Р. Г.» — 181 — 182.
Гурский, Мар. Григор. (Бучинский), («Григорий») — п. с.-д., К. К. — 54, 75, 86, 103—105, 108—109, 114, 151, 193.
Гусев — с.-д. (Тат.) — 94.

Д.

Даниловский, Густав — польский писатель, п. п. с. — 146.
Делянов — министр нар. просв. — 53, 84.
Дейч, Лев. Григ. — «О. Тр.» — 57.
Деген, Сергей — драг. — 32, 35.
Дзержинский, Ф. Э. — л. с. д., с. д. К. П. и Л. — 32, 35.
Дивильковский, Анат. Авд. («Иван Иванович») — с.-д., К. К. — 195.
Дижур, Серг. Зах. — уч., с.-р., с.-д., К. К. — 62, 72, 73, 196 — 7.
Домашевич, Андр. — Зв. м. соц. л. с.-д. — 43—45.
Домарацкий (д. австр. шпион) — 91.
Домбровский, Иос. (Грабец) — п. п. с. — 146.
Домбровский, Ярослав — деятель 1863 г., генерал Коммуны — 42.
Драгоманов, Мих. Петр. — Укр. соц. фед. — 30, 37, 38.
Драгомиров — ком. войск Киевск. окр. — 88.
Дроздов, Ал. Куз.—с.-д., К. К.—200.
Дубровинский, Иос. Фед. («Иннокентий») — с.-д., член ЦК РСДРП, делегат 4 и 5 с'ездов — 177, 180, 184.
Дуглас, Джемс — уч., п. п. с.—75.
Душкан (Гальперин), Моис. — с.-д. т. «Р. Г.» — 181, 184.
Дыновский, Юз. — п. с. — 100.
Дыновский, Иос. — адвокат — 67.
Дырдовский, Н. П. — «Н. В.» — 136.
Дьяков, Ник. Алекс. — нар., с.-р. — 136, 138, 141—142.

Е.

Евецкий — жандар. полк. — 91.
Енич, Виктор — п. с. — 65.
Еремеев — с.-д. (Абр.) — 97.

Ж.

Железнов, Влад. Яков. — заг., экономист. — 16.
Желябов, Андрей — «Н. В.» — 14, 29.
Женжиковский — марк. (Прол.) — 110.
Жеромский, Стеф. — п. п. с., польский писатель — 146.
Житецкий, Гр. — 30.

З.

Забрамский — провокатор. — 111.
Загурский, Игн.—п. с., К. К.—103.
Заливский, Леоп. — п. с.-д. — 75, 151.
Залевский (см. Трусевич).
Залкинд, Р. С. («Землячка») — с.-д., К. К. — 188, 199.
Засулич, Вера Ив. — «О. Т.» — 57.
Заорский, Р. С. — марк. (Прол.)—116.
Запорожец, Сем. Кузьм. — уч., С. Б. (птб) — 76.
Затворницкий, Як. Мих. — «Н. В.», заг. — 16.
Звенигородский — студ., с-д. — 65, 94.
Зволянский, С. Эр. — дир. деп. пол.— 180, 183.
Зборович — с.-д., С. Б., К. Раб. Ком.— 163.
Зданский — студ., с.-д. (Тат.) — 94.
Зевакин — п. с. (Плет.), с.-д. — 99.
Зелинский — п. с. (Пролет.) — 146.
Зелинский, Стан. — уч., маркс. — 75.
Злинченко — заг., с.-д. — 155.
Злобин — п. с. (Плет.) — 99.
Золотницкий, В. — литератор — 14.
Зубатов — нач. Моск. охр. — 177 — 187.

И.

Иваненко (см. Гандер).
Иваницкая — (д. австр. шпион.) — 91.

Иогансон, А. А. — с. д. («Р. Г.») — 165—180, 184.
Иодко (Петрусевич), Янина — п. с.-д. — 105.
Иодко — лидер п. п. с. — 48.
Иоффе, Макс. — с.-д., К. К. — 62.
Ишуф, Иосиф (Исув) — с.-д., К. К. — 61.

К.

Каледин, Вас. Ег. — заг. — 16.
Калиновский, Стан. — п. с., С. Б. — 8, 100, 102, 156.
Канчер (д. 1 марта 1887 г.) — 64.
Капелюш, Фед. — с.-д. — 152.
Караулов — «Н. В.» — 8.
Карвацкий, Ант. Як. — уч., с.-д., К. Раб. К., К. К. — 78, 81, 94, 188, 192.
Карпович — с.-д. (Абр.) — 97.
Кац, Исаак («Тарас») — бунд, дел.— 137, 169.
Кашинский, Петр. М. — с.-д. (птб). —137.
Квятковский — уч., «Раб. Зн.» — 82. 195.
Келпш-Талят — п. с.-д. — 104.
Кибальчич — «Н. В.» — 54, 64.
Кибиков — с.-д. (Абр.) — 97.
Килянский, Ян. — с.-д. (Абр.), п. с. гр. — 2, 38, 97—99.
Килянский, Карл — с.-д. (птб), п. с.— 38, 52, 54, 55, 98, 100, 102, 121.
Килянский, Вацлав—«Раб. М.», п. с.— 98.
Кистяковская (см. Бернштам), Мар. Вил.
Кистяковский, Богд. Ал. — драг., маркс., р. с.-д. — 30, 33—37, 46, 47, 55, 74, 95, 112—119.
Кистяковский, Игорь Ал.—уч., с.-д.— 58, 66.
Климович, Вацлав — п. с.-д. — 75, 104.
Кнорринг — уч. — 77—78.
Кобылянский — «Н. В.» — 42.
Ковалевская, Мар. Павл. — «Н. В.»— 32.
Ковалевская (Деген), Ал. Ник. — (драг.) — 32.
Ковалевский, Ник. Вас. — (драг.) — 30—32, 43, 46.
Ковалевский — жанд. ротм. (Од.) — 186—7.
Ковальский — Прол. — 43.
Кокорины, бр. — с.-р. — 94, 136.
Колянковский — студ. — 55, 84.
Конарский, Шимон. — 42.
Конисский — Укр. Гр. — 30.
Конопко, Марьян Анд. — уч. п. с.-д., К. Раб. Ком. — 78—80, 192.
Конопко, Марц. Анд. — уч., п. с.-д., К. Раб. Ком. — 78—80, 192.
Конопко (Карвацкая), Антонина Анд. — тоже — 78—80, 192.
Коплевская (Пилсудская), Мария («Пенкна пани»), п. п. с. — 143, 148.
Коссовская — с. с.-д. — 181.
Костомаров — укр. ст., Гром. — 33.
Костро — уч., п. п. с. — 75.
Кошутский, Стан. — студ., п. с.-д.— 103.
Кравцова, Ол. Ил. (Неточаева) — уч., с.-д. — 76, 123.
Краков (анарх.) — 94.
Кранихфельд, Лидия Павл. — сочув. с.-д. — 178—183, 187.
Красин, Леон. Бор. — с.-д. (птб.) — 5.
Красицкая, Ул. Ник. (Родзевич) — заг. — 16.
Кремер, Арон («Александр») — чл. ЦК Бунда, дел. — 167—169, 172, 188.
Крживицкий, Людвиг — маркс., п. с.-д. — 86—197.
Кричевский, Бор. — ред. загран. «Раб. Дело» — 162.
Крохмаль, Виктор Ник. («Загорский» и мн. др.) — студ., предс. С. С., с.-д., «Ис.» — 86—197.
Крыжановская (Тучапская), Вера Гр., — драг., р. с.-д., К. «Р. Д.», С. Б., «Раб. Газ.», К. К. — 94, 114, 115, 123, 125—6.
Крушинская (см. Люксембург Роза).
Крупская, Над. Конст. — С. Б. (птб). — 167.
Кудрявцев, Петр Фил. — студ. — 13.
Кулев — с.-д. (птб). — 98.
Куликов — с.-д. (Абр.) — 97.
Кулиш — Укр. Ст. Гр. — 33.
Кульчицкий, Ник. Вас. — р. с.-д. — 121, 123.
Купровская, Ал-ндра — уч. — 76.
Куприанова, Л. П. — с.-д. (птб.) — 150.
Курнатовская, Мар. Ник. — 184—5.
Куртева, Софья — уч. — 76.

Л.

Лаврентьев, Дим. Калинк. — р. с.-д.— 112.
Лавров (Миртов) — 70.

Лалаянц, Ив. Хр. — с.-д. (Ек.) — 181.
Левина — с.-д. — 182.
Левицкий — с.-д. (Галиц.) — 37.
Левкович, Людв. — п. с. — 46, 52, 96.
Лесенко, Дем. Вас. — р. с.-д., К. «Р. Д.», С. Б., «Р. Г.», К. К.—54—123.
Лесецкая, Янина — п. с.-д. — 54, 105.
Лесник — п. с.-д. (Прол.) — 110, 115.
Лившиц, С. Х. — с.-д. — 181.
Линдфорс, Зинаида и Екат. Ал-нд.— уч., Кр. Кр. — 76, 90, 138.
Липкин, Мих. Андр. — р. с.-д. — 115.
Лисянская — р. с.-д. — 123.
Лисянский — «Н. В.» — 123.
Литвин — с.-д. — 181.
Логвинов — с.-д. (Абр.) — 97.
Логвинский, Дав. Як. — уч., маркс., с.-д., К. К. — 56, 62, 157, 191—2.
Лозинский, Евг. Юст. — заг. максим. (Махаевец) — 16.
Лукасинский, Валер.—декабр., польс. заг. — 42.
Луначарский, Ан. Вас. — уч., с.-д., М. К. — 56, 57, 59—60, 62, 75, 76, 79, 80, 95.
Луначарский, Плат. Вас. — с.-д., М. К. —177.
Луначарский, Ник. Вас. — уч., с.-д.— 82.
Люблинский, Юльян — О-тво «Соед. Слав.», декабр. — 42.
Людоговская (по мужу Злинченко), Ал. Ларион. — заг. — 16.
Люксембург, Роза — п. с.-д. — 18, 49.
Ляховский, Як Макс. — р. с.-д., С. Б. (птб). — 55, 112, 115, 122, 137—8.

М.

Маковский, Вац. — п. с. — 55, 100, 101.
Маковский, Иоах. — п. с. — 56.
Малиновский, Влад. — чл. ЦКР, п. п. с. — 54.
Малянтович, Пав. Ник. — с.-д. пол., защ. — 178.
Манилов — зав. Киев. отд. Истпарта — 7, 120.
Маньковская, Ан. Гр. (Прол.) — 46—47.
Маньковская, Ел. Гр. — уч., п. с.-д., К. К. — 52, 82, 105, 194—5.
Маньковские, бр., Конст. и Георг. — студ. — 82, 195.
Мархлевский, Юл. («Карский») — с.-д., К. П. и Л. — 49
Маршинский, А. С. (драг.) — 34.
Махновец-Акимов — «Рабоч. Дело»— 162.
Мебель, Моис. Абр.—студ., с.-р.—84.
Медников — пом. нач. Моск. охр. отд. — 184.
Мельников, Юв. Дим. — р. с.-д., К. Раб. К., «Р. Г.», С. Б. — 60, 94, 97, 111, 121, 129—133, 135, 163.
Мельников, Вяч. Дим. — р. с.-д., с.-р. — 131.
Мендельсон, Стан. — Прол., п. п. с., ред. «Пржд свита», издатель пол. маркс. литературы — 44, 47, 89.
Менщиков, Леонид — разоблачитель Азефа, Серебряковой и др. — 174—187, 190—191.
Мержинский, Сер. Конст. — р. с.-д.— 55, 117, 124—5.
Миклашевский — уч. — 75.
Минкин, Сергей — с.-д. (Абр.) — 97.
Миртов (см. Лавров) — 70.
Михайлов, Ал-ндр — «Н. В.» — 54.
Михаилов, Вас. — уч., сдуд., С. С., с.-д. — 62, 87.
Михайловский, Ник. Конст. — ред. «Русск. Бог.» — лидер народ. 80-х и 90-х г. — 70, 73.
Мозлер, Анз. — п. с.-д. (австр.) — 131, 152—4.
Моисеев — п. с. (Плет.) — 99.
Моргун, А. М. — укр. студ. Гр. — 87.
Мордасевич, Вацл. — п. с. — 100.
Морозов, Кузьма — с.-д. — 131.
Мошинский, Вик. Ник. — студ., п. с. — 46, 56, 89, 102, 114.
Мошинский, Иосиф Ник. — уч., студ., п. с., С. Б., К. К — 79, 100, 152 — 155, 199.
Муравьев, Ник. Конст. — с.-д., лидер полит. защ. — 178—9, 184.
Мурашко — руков. рис. школы, художн. — 78.
Мучник (Мытник), Глеб — ЦК Бунда, дел. — 169.

Н.

Наркевич, Людв. — п. с.-д. — 46, 104.
Наркевич, Юльян — заг. — 16.
Нарутович, Стан. — Прол., п. п. с., б. президиум П. Реч. Посп. — 8, 43, 45.
Науменко, Влад. Павл. — укр. Гром.— 117.

Неклепаев, Влад. Ал. — «Н. В.», заг. — 8, 15.
Непокойчицкий — с.-д. (птб.) — 98.
Неточаева, Екат. и ее мать — соч. с.-д. — 200.
Неточаев, Дим. Ник. — уч., с.-д., С. Б., К. К. — 43, 56, 60, 61, 80, 103, 131, 199.
Новиков, Ник Ник. — маркс., с.-д. — 46, 57, 75, 138, 139—141, 152.
Новицкий — п. с. (Плет.) — 99.
Новицкий, Юз. — уч., п. п. с. — 75.
Новицкий, Вас. Дем. — жанд. генерал — 91—95, 179, 183.
Носарь, Георгий Сем. (Хрусталев) — уч. с.-д. — 82.
Нуссельбаум — анарх. — 92.

О.

Овечкин — с.-д. (Абр.) — 97.
Овчаренко, Як. К. — с.-д. — 131.
Огданович, Мар. Викт. (по мужу Фокина) — заг. — 16.
Окинчиц, Доминик — п. с.-д. — 104.
Окулов, Алексей П. — уч., с.-д. — 82.
Ольшевский, Вит. Павл. — «Н. В.», заг. — 8, 16.
Орлов, М. В. — с.-д. — 181.
Осинский, Вал. — «Н. В.» — 43, 59.

П.

Павлик, Мих. — драг., сел. п. (Галиц. русинская) — 30, 32, 35, 152.
Павлович — с.-д. (Тат.) — 94.
Пахаревские, бр., Вас., Вас. и др. — «нар.» — 136.
Пачосская, Наталия (по мужу Шуляковская) — п. с.-д. — 105.
Перазич, Вл. Дав. (Солодуха) — с.-д. эмигр. — 152—3.
Пересвет-Солтан, И. Н. — студ., п. с. — 45, 52, 89, 96, 100.
Перль, Феликс — ред. «Пржднсвита», лидер п. п. с. — 48.
Петкевич, Ярослав — заг. — 16.
Петренко, Алексей Ив. — студ., с.-д. — 61, 85, 86, 113—114, 123, 131.
Петров, В. В. — студ., предс. С. С., с.-р. — 86—87.
Петрусевич, Каз. Ад. — п. с.-д., «Р. Г.», С. Б. (Киев., Ек.), дел. — 55, 87, 104, 107—8, 156—7, 165—6, 169, 172, 181—2.
Пилсудский, Брон. (д. 1 марта 1887 г.). —43.
Пилсудский, Иосиф («Зюк.», «Виктор»), вождь П. П. С., член Ц. К. Р. и т. д. — 41, 43, 97, 101, 143, 145.
Пиотровский, Ник. Грац. — уч., п. с. —75.
Пихно, Дим. Ив. — ред. «Киевлян.», лидер ч. с. в Киеве. — 88, 103.
Плетат, Эд. Фр. — п. с., член К. Раб. К., С. Б. — 98—99, 181.
Плеханов, Георг. Вал. (Бельтов, Волгин) «О. Т.» — 6, 57, 72, 74, 80, 87, 113, 120, 132, 137.
Плющ, Мих. — уч., с.-д. — 43, 63.
Полонский, Петр. Герон. — п. с.-д., «Р. Г.», С. Б. 41, 47, 80, 104, 106, 137, 156, 166, 183.
Поляк, Ал. Дав. — р. с.-д., К. «Р. Д.», «Р. Г.», С. Б. — 128, 135, 160, 162-3, 165—176, 181, 182.
Полякевич, Франц — п. с. — 99, 131.
Померанц, Соф. Влад. (потом по мужу Перазич) — р. с.-д., С. Б., «Р. Г.» — 81, 99, 123, 129, 137, 163.
Пономаренко, Александр — уч., с.-д. —58, 82.
Потоцкий, К. П. — ред. варш. «Глос'а», лидер польских людовцев — 82.
Похитонова — «Н. В.». — 8.
Преферанский — ад'ютант жанд. ген. Новицкого — 91.
Пржиборовский, Ян. Вит. — п. с. — 55, 99—100.
Пригоровская — тип. К. К. — 194-5.
Прокофьев, Феофан Ив. — р. с.-д. — 123.
Пронин, Борис — уч. — 82.
Пружинина — с.-д. — 181—182.

Р.

Рабинович, Г. И. — с.-д. — 181.
Рабчевский, Ад. Д. — уч., п. с., С. Б., «Р. Г.», К. К. — 56, 58, 65—70 75, 77, 78, 87, 94, 100, 101, 126, 130, 150, 166.
Рабчевский, Вл. Дион. — 66.
Радченко, Степан Ив. — с.-д., С. Б. (птб.), дел. — 169, 172, 185.
Радин, Леон. Петр. (Пасынков), с.-д. (моск.). — 150, 177.
Ратнер, Марк Бор. — студ., нар., сотр. «Рус. Бог.», с.-р. — 78, 82, 136, 138, 158.
Рауш, Карл. Гуг. — «Н. В.», с.-д. (Татар.) — 143—148.
Рехневский — («Прол.») — 89.
Ржевусский, Георг. — заг. — 16.
Роговский — п. с. (Плет.) — 99.

Родзевич, Александр — (Гмина соц.-польская орг., начала 80-х г.г.). — 89.
Родзевич, Стан. Влад. — заг. — 16.
Ротмистров, Вл. Алндр.—укр., драг., деятель общест. агрономии — 32, 82.
Розенберг, Ром. Викт. — р. с.-д., К. «Р. Д.», «Р. Г.», С. Б.—123, 126, 166, 193.
Рыльский, Тадеуш — укр. Ст. Гр. — 30, 40.
Рубесовы, бр., Алексей и Ник. — студ., драг. — 55, 82.
Руденко — укр., уч. — 72.
Румянцев, Петр. Петр. — марк., с.-д.— 55, 122-123.
Румянцев, П. В. — хозяин кв., на которой происх. 1-й С'езд — 168.
Рутенберг, Викт. — студ. — 85.

С.

Сабунаев — «Н. В.». — 15.
Савич, Надежда — уч. — 82.
Савенков, А. И. — студ., ч. с. — 88, 103.
Савостьянов, Евтихий — р. с.-д. (одиночка) — 123.
Савченко — с.-д. (Абр.), провокатор —97.
Саммер, Ив. Адам. — студ. С. С., с.-д. —55, 82, 84, 113.
Самохоцкая, Ядвига — п. с. — 28, 46.
Сапежко, Влад. Мих. — р. с.-д., С. Б., К. К. — 74, 87, 97, 103, 113, 123, 152, 156.
Сарцевич, Генрих — д—р., п. с., — агент П. П. С., лидер группы п. с. —46, 52, 96, 100, 102, 144.
Сачков (Ершов) — нач. летучего отряда филеров Зубатова (М. охр. отд.) — 183, 185.
Свентоховский, Александр — ред. польской «Правды», лидер п. свободомыс. — 52.
Святенко — с.-д. (Пл.). — 99.
Сезоненко — с.-д. (Абр.). — 97.
Семенов — с.-д. (Абр.). — 97.
Сень, Мих. — с.-д. (Абр.). — 97.
Сераковский, Сигизм. — 92.
Середа — с.-д. — 177, 180.
Серебрякова, Ан. Егор. (провокаторша, секр. сотр. Зубатова)—176—183.
Синев — с.-д. (Тат.). — 94.
Синицкий, Евг. Дан. — заг. — 16.
Синицкий, Леонт. Дан. — заг. — 16.
Синявский, А. — драг. — 34, 36, 40.
Скаржинский, Людомир («Иван Петрович») — студ., С. С., с.-д., С. Б., К. К. — 88, 103, 151, 190, 193, 196, 199.
Скворцов-Степанов — 123.
Скляревич, Вл. Ив. — заг. — 8, 15.
Сковронский, Влад. — уч., с.-д. — 78.
Скрипниченко, бр. — уч., с.-д. — 79.
Соколов, И. — нар., с.-р. — 181.
Соколов, Ник. Дим. — с.-д., лидер полит. защ. — 5.
Соколов, Вас. — (Абр.) — 97.
Соколов, Ник. Ник. — с.-р. — 89, 96, 136.
Солодуха — см. Перазич.
Солтан-Пересвет, Иорд Ник. — 45, 52.
Сонгайло, д-р — Зв. м. п. соц. (Прол.). —43.
Сонкины бр. — 121.
Сорокин — см. Бауман.
Спилиотти — студ. (Тат.). — 55, 82, 85.
Станишевский — с.-д. (Абр.). — 97.
Старицкий — укр. Ст. Гр. — 30.
Стржалковский, Клем. — п. с.-д., С. Б. —42, 75, 104.
Стеклов, Юр. — с.-д. (Од.). — 186.
Стемповский, Стан. Губерт — п. марк., Прол. — 116.
«Степан» — см. Радченко, С. И.
Стрельников — прокурор, убитый террористами — 19.
Струве, Петр Берн. — маркс. — 5, 75, 117, 137, 169, 171-172.
Суйковский, Станис. — п. с., п. п. с. —100, 102.
Сцегенный, Петр — ксендз, христ. социалист, заговор. 1844—48 г.г.—42.

Т.

Тарле, Евг. Вас. — маркс., историк — 87, 157.
Тартаковская, М. Д. — маркс., переводчица «Эрфуртск. прог.». — 110, 114, 115.
Татаров, Ник. Юр. («Князь», «Андрей» «Гедройц» и др.)—с.-д., потом с.-р., изв. провокатор—85, 142-3, 145-194.
Телишевский — с.-д. (Абр.). — 97.
Телишевский — п. с. (Плет.). — 7, 97.
Теплов, Пав. Фед. — с.-д., «Раб. Дело», —152.
Тесленко, К. А. — лидер полит. защ., с.-д., потом к.-д. — 178.

Теспер, Лев Всев.—с.-д., С. Б., «Р. Г.» —123, 183, 186.
Токарский, Евг. Стан. (Мих.) — заг., с.-р. — 16, 70.
Токарский, Казим. — уч., нар., с.-р.— 70.
Толстой, Дим. — министр просвещения — 83.
Троицкий, Леон. Викт. («Иван Петрович») — заг. — 16, 17.
Трусевич (см. Залевский), Станислав («Николай» «Окулярник»)—основатель литовской с.-д., член С. Д., К. П. и Л. — 75.
Туган-Барановский, Мих. Ив.—маркс. —5.
Тучапская, В. Г. — см. Крыжановская.
Тучапский, Павел Лукич — драг., маркс., р. с.-д., К. «Р. Д.», «Р. Г.», С. Б., дел—30, 55, 95, 119, 120, 123, 126, 127, 138, 157, 163, 171, 191.

У.

Ульянов, Александр Ильич — «Н. В.». (д. 1 марта 1887 г.). — 64.
Ульянов (Ленин), Влад. Ильич. — 76.
Урицкий, Моис. Солом. («Соломон», «Маленький» — п. с., с.-д., С. Б., К. К.—78, 97, 103, 156, 187, 189, 192.

Ф.

Федорченко — братья, Леонид и Дим. Сем-чи — уч., с.-д.—56, 64-65, 79, 82, 86, 94.
Федосеев — с.-д. — 73.
Финн (Енотаевский), Александр Юл.— 82, 123.
Фиш — с.-р. — студ. — 87.
Флеров — с.-д. (Абр.) — 14.
Фокин, Мих. Дим. — заг. — 8, 9-12, 22, 23.
Франко, Иван — русинский (Галиц.) писатель, драг. — 30, 32, 35, 153.
Фрейдель, Р. — 86, 131.
Френкель, Як. Григ. — «Н. В.», с.-д., К. К. — 194.

Ц.

Цвирко-Годыцкий, Юзеф — студ., п. с.-д., С. Б. — 85, 87, 104.
Цейтлин, Р. — с.-д. — 181.

Ч.

Чарномская, Елиз. Ант.—п. с.-д.—106. 137, 165, 187.
Череванин, Фед. Андр. (Липкин, «Неждапов») — с.-д. (харьк.). — 30, 73.
Чернышев — с.-д. (птб.) — 77.
Чернышевский, Ник. Гавр. — 146.
Чорба, Ив. Ив. — р. с.-д. — 112, 120.

Ш.

Шах, Влад. Мих. — студ., с.-д. — 88.
Шварце — шлиссельб. узник, член Ршонда народ. 1863 г. — 147.
Шебалин — «Н. В.». — 8.
Шевченко, Тарас. — 33.
Шелгунов, Ник. Вас. — 5—6.
Шен, Бор. Эд. — р. с.-д., С. Б. — 23, 56, 101, 104, 137, 151.
Шидловский, Л. — уч. — 58, 62.
Шишко, Мавр. Зем. — студ., п. с. — 43, 100.
Шлихтер, Ал. Георг. — с.-д. — 65, 94, 158.
Шпет, Густ. Густ. — с.-д. («Раб. Воля» в Киеве) — 195.
Штейн — зуб. врач, соч. с.-д. — 55.
Шульгин, В. — студ., ч. с. — 103.
Шуляковский, Казим. Ив. — п. с.-д., «Р. Г.», С. Б. — 75, 80, 183.

Э.

Эйдельман, Борис Львович («Лохматый») — р. с.-д., К. «Р. Д.», С. Б., «Р. Г.», дел. — 7, 60, 120, 128, 133-6, 156, 159, 164, 166, 171, 178, 181.
Эйнор, бр. — студ. — 90.
Этингер, Евгения Самойл. — р. с.-д., «Р. Г.», С. Б. — 123, 166.

Ю.

Ющинский — 63.

Я.

Янковская, Мария (Прол.) — 89.
Янковский, Вл. — 38, 89.
Ярмолинский — п. с.-д. — 104.
Ярошевский, Ник. Сем. — 24, 25.
Яснопольский — студ. (Тат.). — 94.
Яцемирская, Ольга Вас. (по мужу Белоусова) — р. с.-д., С. Б. — 123.

Х.

Ханжи — анархист — 94.
Хинчук — с.-д. (тул.) — 94.
Ходорский, Юзеф — студ., п. с. — 19, 40, 43, 89, 120.
Хрусталев — см. Носарь.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПОРТРЕТОВ.

М. Д. Фокин	стр. 13	Э. А. Абрамович	стр. 111
В. И. Скляревич	» 15	Б. А. Кистяковский	» 111
Е. С. Токарский	» 16	Ю. Д. Мельников	» 122
Н. В. Ковалевский	» 31	С. К. Мержинский	» 124
И. Н. Пересвет-Солтан	» 49	В. М. Сапежко	» 124
А. В. Луначарский	» 60	Р. В. Розенберг	» 127
Д. Н. Неточаев	» 60	Н. А. Вигдорчик	» 127
Ю. Д. Мельников (1889 г.)	» 63	Я. М. Ляховский	» 128
В. Е. Вайнштейн	» 63	Б. Л. Эйдельман	» 128
И. Н. Мошинский	» 71	В. В. Вакар	» 145
Н. А. Аносов	» 71	П. Л. Тучапский	» 161
С. З. Дижур	» 73	А. Д. Поляк	» 161
В. Н. Крохмаль	» 80	В. Г. Тучапская-Крыжановская и	
Я. В. Пржиборовский	» 101	К. А. Петрусевич	» 161
В. Н. Мошинский	» 101	А. Д. Рабчевский	» 166
В. М. Богуцкий	» 105	К. П. Василенко	» 199
Н. Г. Полонский	» 107	Н. Н. Новиков	» 199
К. А. Шуляковский	» 108		

III. ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

К стр. 13-й. Упомянутый казанский кружок известен также по воспоминаниям самого М. Горького. Исправляю досадный анахронизм. Кудрявцев, Петр Филиппович, крупный в более поздние годы деятель общественной медицины и санитарии и видный с.-р. — в описываемое время только начинал свою общественно-политическую карьеру и был молодым студентом.

К стр. 26-й. Цитируемый мною автор справки М. Д. Фокин просит уточнить заключительные слова его сообщения след. строками: «киевляне «заговорщики» вполне отдавали себе отчет в настоятельной необходимости в ближайшее время перенести центр тяжести революционной подготовительной работы в среду городских рабочих и войсковых масс и отводили последней в своем плане особо видное место. На первой ступени, однако, своей деятельности они вынуждены были «обосноваться», прежде всего, в среде разночинной интеллигенции и учащейся, революционно настроенной молодежи, где вербовка сторонников была особенно плодотворна. По плану проектировалось выделение на эту работу (в пролетарской и военной среде) особой организации, но он не осуществился вследствие неожиданной, вынужденной самоликвидации тайного общества».

К стр. 32 и 84. Ротмистров, Владимир Александрович, один из активнейших в украинской среде деятелей (драгомановец) играл в обще-студенческом движении в Киеве крупную роль, а затем в середине 90-х г.г. вынужден был покинуть Киев и перешел в агрономический с.-х. институт в Н. Александрии (в Польше). Проработав долгие годы на поприще общественной агрономии, Р. А. продолжает ту же деятельность и ныне в ведомстве НКЗема Украины (в Харькове).

К стр. 67. А. Д. Рабчевский заболел туберкулезом впервые по отбытии ссылки, но описанное воспаление легких создало для этого позднейшего заболевания особо благоприятную почву.

К стр. 75. Зелинский Стан. (впоследствии—в 1923 г.—нар. дем. и председатель польской части русско-польской смешанной комиссии) и Новицкий Юз. потом видный пэпээсовец, ошибочно указаны в числе товарищей из провинции. Оба воспитанники киевских школ.

К стр. 88 и 95. Драгомиров и Новицкий — вечные соперники, враждовавшие из-за царских милостей, своей междуведомственной грызней значительно облегчали работу революционерам: оба эти сатрапа, занятые взаимной грызней, умудрились прозевать выпавшую на долю киевских революционеров и киевского студенчества роль в общерусском движении. Обыватели считали Д. либералом. Его приверженность к алкоголю породила много анекдотов, иллюстрирующих отношение Драгомирова к доносам, которыми изводил командующего войсками Киевского Округа шеф киевской жандармерии: «пью здоровье вашего величества» телеграфировал Драгомиров царю, отвечая на очередной донос Новицкого Николаю II о непросыпном пьянстве этого сатрапа.

К стр. 97. Показания самого Э. Абрамовича и этот список рабочих — членов его кружка опубликованы Бухбиндером (см. «Кр. Летопись», 1923 г., № 7).

К стр. 99. (Сноска 2-я). По просьбе С. В. Пометанц-Перазич уточняю эти строки. Тот факт, что до осени 1895 г. связи русской группы имелись преимущественно среди ремесленников (о чем говорилось самой С. В. в своих воси.—«Кр. Лет.», 1923 г., № 7), не исключает наличия связей у нее и на некоторых заводах и фабриках. Ссылка моя на С. В., когда я говорю о 1893-4 г.г., действительно не совсем удачна, так как С. В. сама связалась с рус. с.-д. группой только в 1895 г., а в 1896 г. ее друзья (Тучапский, П. Л. и др.) уже вели большую работу на заводах. Я этого нигде не отрицаю, но это обстоятельство имело место лишь после образования первого рабочего Комитета, т.-е. тогда, когда Ю. Д. Мельников и Б. Л. Эйдельман стали во главе киевского рабочего движения.

К стр. 122. У Левицкого, во 2-й части его «За четверть века» на стр. 219, помещена поправка, что Я. М. Ляховский поныне здравствует и занимается медициной в Америке.

К прим. на стр. 125. Выдержки из этой рукописи, если не ошибаюсь, помещены в приложении к кн. Леон. Меншикова «Охрана и Революция», т. II, ч. 1-я.

К стр. 153. Здесь необходимо внести довольно существенную поправку по личному указанию самого В. Д. Перазича. С легкой руки Л. Мартова (Ист. рос. с.-д., 1-е изд., стр. 32) создалась легенда об избрании В Д. Перазича делегатом от Москвы на 1-й С'езд. Это неверно. В. Д. действительно был пионером с.-д. организации в Пв. Вознесенске, но последняя была слишком молода и малочисленна, чтобы иметь право на представительство на 1-м С'езде. Но это не исключало того факта, что В. Д. был признан тогда достойным войти в состав первого Ц. К. Далее: в Пензу В. Д. приехал с готовым уже паспортом на имя еврея «Солодухи» и принял здесь для приобретения права жительства по этому паспорту в Москве православие при содействии одного крамольного попика, товарища по семинарии и единомышленника П. Ф. Теплова.

К стр. 195. Мое предположение о Квятковском неверно. Он был арестован гораздо раньше. Его фамилия значится в числе арестованных, содержавшихся в киевской Лукьяновской тюрьме на 1 января 1928 г. (см. киев. «Вперед» № 3, январь 1898 г., опубл. Б. Л. Эйдельманом в «Пролет. Рев.» за 1927 г., № 5). В том же списке указано еще 10 рабочих и 5 (не считая Квятковс.) интеллигентов: Снежко, Соколов, Мозлер Анз., Кривенюк и Евт. Савостьянов.

Там же. О мартовской демонстрации 1901 г., первом совместном выступлетиков, переходший затем в организацию «Искры», потом деятель октябрьского переворота и ближайший сотрудник (в СНК) Владимира Ильича.

К стр. 198. Упомянутая юбилейная статья о декабристах в «Вперед» написана не единолично мною, а совместно с редактором «Вперед», главою К. К-та—организатором демонстрации 11-го марта, Константином Прок. Василенко.

Там же. О мартовской демонстрации 1901 г., первом совместном выступлении революционного студенчества и рабочих, имеется очень лестный для Киев. К-та отзыв в «Искре» № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вступление 5

Очерк первый. Предшественники марксистских кружков в Киеве (1884—1892 г. г.) 8

I. Тайное общество „заговорщиков“. II. Украинские кружки социалистов-федералистов (драгомановцы). Богдан Кистяковский. III. Польские кружки.

Очерк второй. Организации учащейся молодежи.—Жандармерия 53

I. Первые марксистские кружки учащихся средней школы в Киеве и провинции. II. Студенческие организации. III. Жандармский генерал В. Д. Новицкий.

Очерк третий. Польские организации (1893—1897 г. г.) 96

I. Польская социалистическая группа. II. Польская с.-д. группа.

Очерк четвертый. Русские организации 110

I. Русская группа. II. Киевские народники и с.-р. „Рефераты“. Н. Н. Новиков (с.-д.) и И. А. Дьяков (с.-р.). Издательская с.-д. группа Татарова. III. За работой. Наша пропаганда. Арест на границе. Лукьяновка. Переход к агитации. Ветровская демонстрация. Коллоквиум и слияние всех наших групп. Рефератные кружки.

Очерк пятый. Обще-русская работа 159

I. Год подготовки Минского С‘езда (1897 г.). Группа „Рабочее Дело“ и „Киевский Союз Борьбы“. „Рабочая Газета“ — один из элементов строящейся партии. Тайная типография. Накануне С‘езда. II. Минский С‘езд. III. Поиски южной типографии и разгром с.-д. организаций. IV. После I С‘езда в Киеве.

Приложения:

I. Именной указатель 201
II. Указатель портретов 209
Iii. Поправки дополнения 209

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Цена 2 р.

Книга XXXII

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

1) Правление и склад — Москва-34, Лопухинский пер., д. 5; тел. 3-64-73
2) Магазин „Маяк“ — Москва-Центр, Петровка, д. 7; тел. 3-63-20 и 4-18-12